

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Нежная любовь
главных злодеев
истории

Annotation

Кто может быть обаятельнее и привлекательнее злодея? Нерон... Чингис-хан... Бонапарт, Мао Цзедун... Только при упоминании этих имен люди цепенели и цепенеют до сих пор. А представьте, как их преступное обаяние и адская харизма действовали на женщин! Или все было наоборот? И как раз представительницы прекрасного пола так подло обошлись с нашими антигероями, что они стали абсолютным злом в глазах большей части земного шара? В любом случае их истории намного интереснее приторных сказок со счастливым концом о добродетельных героях.

- [Андрей Шляхов](#)
    - [Предисловие, или от автора с любовью](#)
    - [Гай Цезарь Калигула, римский император](#)
    - [Нерон, римский император](#)
    - [Чингисхан, основатель и великий хан монгольской империи](#)
    - [Генрих VIII, король Англии](#)
    - [Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, русский царь](#)
    - [Алессандро де Медичи, герцог флорентийский](#)
    - [Жан-Поль Марат по прозвищу «Друг народа», один из вождей и основной идеолог французской революции](#)
    - [Наполеон I Бонапарт, император Франции](#)
    - [Бенито Муссолини, лидер итальянского фашизма](#)
    - [Мао Цзедун, «Великий кормчий» Китая](#)
    - [Йозеф Геббельс, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха](#)
    - [Генералиссимус Иосиф Сталин, «Отец народов»](#)
    - [Эпилог](#)
-

Андрей Шляхов

Нежная любовь главных злодеев истории

Предисловие, или от автора с любовью

Существует мнение, согласно которому ничто так полно и беспощадно не проявляет характер человека, как данная ему власть, тем более — власть безграничная, абсолютная.

С другой стороны, принято считать, что наиболее ярко сущность человека проявляется в любви.

А что, если пересечь эти два понятия — любовь и власть?

Героями этой книги стали тираны, они же деспоты, — люди, получившие или добившиеся огромной власти. Они жили в разное время в разных странах, но всех их объединяло одно — власть, которой они обладали.

Были ли они счастливы? Были ли счастливы те, кто находился рядом с ними? Были ли счастливы те, кем они правили?

И как вообще любовь соотносится с властью?

Что лучше?

Что важнее?

Что сильнее?

Что, в конце концов, доставляет человеку больше удовольствия — любовь или власть?

Или самое главное — это чувство абсолютной вседозволенности как в жизни, так и в любви?

Ответы на эти вопросы вы найдете в этой книге. Книге, в которой рассказывается о двенадцати исторических личностях — от римского императора Калигулы до «отца народов» Иосифа Сталина.

Древнеримский император Нерон...

Повелитель монголов Чингисхан...

Английский король Генрих VIII...

Русский царь Иван Васильевич по прозвищу Грозный...

Флорентийский герцог Алессандро Медичи... «Друг народа» Жан-

Поль Марат... Император французов Наполеон Бонапарт... «Великий кормчий» Мао Цзэдун... Основоположник фашизма Бенито Муссолини и глашатай фашизма Йозеф Геббельс...

У них не так много общего, но в этой книге рассказы о них собраны вместе. Приятного чтения!

Гай Цезарь Калигула, римский император

Так, возгнушавшись древними обитателями святой земли Твоей, совершавшими ненавистные дела волхвований и нечестивые жертвоприношения, и безжалостными убийцами детей, и на жертвенных пирах пожиравшими внутренности человеческой плоти и крови в тайных собраниях, и родителями, убивавшими беспомощные души, — Ты восхотел погубить их руками отцов наших, дабы земля, драгоценнейшая всех у Тебя, приняла достойное население чад Божиих...

Кн. прем. Соломона 12:1—7

Настоящее имя — Гай Цезарь

Характер — жестокий

Темперамент — холерический

Религия — язычник-пантеист

Отношение к власти — алчное

Отношение к подданным — презрительное

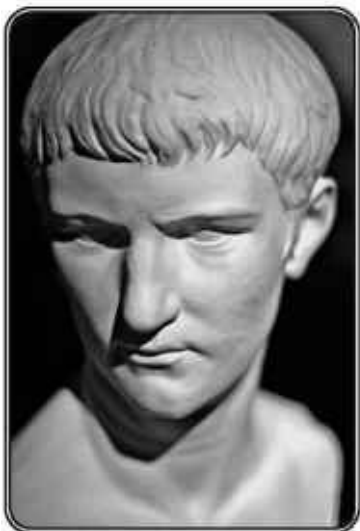
Отношение к любви — циничное

Отношение к лести — восторженное

Отношение к материальным благам — стяжательское

Отношение к собственной репутации — безразличное

Гай Цезарь Калигула, римский император (12-41)

*Калигула.
Мраморный бюст.
I в. н.э.*

Германик, отец Гая Цезаря, пользовался большим уважением в народе. Народ его любил. Любил настолько, что, когда Германик приезжал куда-нибудь или откуда-нибудь уезжал, вокруг него собирались целые толпы, растягивающиеся на много миль. Древнеримский историк Светоний писал о нем: «Всеми телесными и душевными достоинствами, как известно, Германик был наделен как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способности к наукам и красноречию на обоих языках, беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь... Врага он не раз одолевал врукопашную. Выступать с речами в суде он не перестал даже после триумфа. Среди памятников его учености остались даже греческие комедии. Даже и в поездках он вел себя как простой гражданин, в свободные и союзные города входил без ликторов».

Гаю Цезарю тот же Светоний давал совершенно иную характеристику: «Росту он был высокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове — редкие, с плешью на темени, а по телу — густые. Поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или произнести ненароком слово «коза».

Лицо свое, уже от природы дурное и отталкивающее, он старался сделать еще свирепее, перед зеркалом наводя на него пугающее и устрашающее выражение. Здоровьем он не отличался ни телесным, ни душевным. В детстве он страдал падучей; в юности хоть и был вынослив,

но по временам от внезапной слабости почти не мог ни ходить, ни стоять, ни держаться, ни прийти в себя».

Усыновленный императором Тиберием, своим дядей по отцу, Германик изрядно потрудился во славу империи до тех пор, пока на тридцать четвертом году жизни не скончался. Умер он скоропостижно, неожиданно, пребывая по делам в Антиохии. Подозревали, что он был отравлен по приказу Тиберия, увидевшего в любимце народа опасного конкурента. Версия с отравлением подтверждалась синими пятнами, выступившими по всему телу Германика, и пеной на его губах.

Германик был женат на Агриппине, дочери Марка Агриппы и Юлии. У них было шестеро детей, двое из которых умерли во младенчестве. В живых остались трое девочек: Агриппина Младшая, Друзилла и Ливилла, и трое мальчиков: Нерон, Друз и Гай Цезарь. Нерона и Друза римский сенат по обвинению Тиберия объявил врагами государства и предал смерти.

Гай Цезарь родился в 12 году нашей эры. О месте его рождения сохранились противоречивые сведения.

«Стишки, ходившие вскоре после его прихода к власти, указывают, что он появился на свет в зимних лагерях: В лагере был он рожден, под отцовским оружием вырос: Это ль не знай, что ему высшая власть сумдена?» - писал Светоний.

Родился ли Гай Цезарь в военном лагере или нет — вопрос спорный. Но достоверно известно, что вырос он среди воинов, одевали его как рядового солдата. Там же он получил свое прозвище Калигула, что в переводе означает «сапожок» — у суровых солдат, лишенных радостей семейной жизни, вызывал умиление маленький мальчик, обутый в уменьшенную копию настоящих солдатских сапог.

Это воспитание подарило Гаю Цезарю любовь всего римского войска. По свидетельству современников, одним своим появлением он мог успокоить разгоряченную толпу вышедших из повиновения солдат.

Калигула рос хитрым и осторожным ребенком. Смерть отца и двух братьев научила его держать свои мысли при себе и никому не доверять. Вне всякого сомнения, этот скромный на вид юноша был превосходным актером. Император Тиберий приблизил его к себе и назначил своим наследником, когда Калигуле шел девятнадцатый год. Многие из приближенных императора хитростью или силой пытались вызвать у юного Калигулы какое-либо выражение недовольства, но потерпели неудачу. Калигула вел себя так, словно не знал или напроочь позабыл о судьбе отца и братьев.

*Агриппина Старшая с детьми
над прахом Германика.
Б. Уэст. 1773 г.*

Все унижения и обиды (Тиберий, отличавшийся весьма дурным нравом, часто бывал несправедлив с ним) будущий император сносил, искусно притворяясь смиренным и кротким, «...скрывая под личиною скромности огромные притязания, он настолько владел собою, что ни осуждение матери, ни гибель братьев не исторгли у него ни одного возгласа; как начинал день Тиберий, тот же вид, почти те же речи были и у него. Отсюда ставшее впоследствии широко известным крылатое слово оратора Пассиена: никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина», — написал о Калигуле древнеримский историк Тацит.

Лишь двух качеств своей натуры уже тогда не мог обуздать Калигула — своей жестокости и своей порочности.

«Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь этим укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живет на погибель и себе и всем и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фаэтона [Фаэтон, сын Солнца, согласно известному мифу, сжег всю землю, не сумев совладать с солнечной колесницей. — А. Ш.] ддя всего земного круга», — писал Светоний.

Еще при жизни Тиберия Калигула женился. Избранницей его стала

юная красавица по имени Юния Клавдилла, дочь одного из знатнейших римлян Марка Силана. Брак их был недолгим — Юния умерла в родах. Калигула, с женитьбой не прервавший своих порочных занятий, не горевал о ней совершенно.

*Германик, отец
Калигулы, был отравлен
Тиберием.*

Его занимала одна-единственная цель — стать наследником стареющего Тиберия, и во имя этой цели беспринципный и властолюбивый Калигула был готов принести любые жертвы. Так, например, он вступил в связь с Эннией Невией, женой знатного вельможи Макрона, командовавшего преторианцами, и даже обещал, что женится на ней, став императором, в чем дал клятву и расписку. Впрочем, Тацит утверждал, что это коварный и дальновидный Макрон приказал своей жене обольстить Калигулу, чтобы иметь на него влияние.

Командир преторианцев (или, иначе, преторианской гвардии) был в Древнем Риме весьма влиятельной фигурой. Главной опорой власти императоров со времен Августа была и оставалась армия, и прежде всего ее лучшая часть — преторианская гвардия, бывшая объектом пристального внимания и неустанных забот всех императоров. Преторианцам регулярно выплачивалось солидное жалованье, а по завершении службы выдавалось крупное «выходное» пособие из казны. Вся римская армия была профессиональной. Вступая в ее ряды, римский гражданин приносил императору присягу на верность. Лично императору, не сенату и не народу Рима. Армейская служба длилась около тридцати лет. Поначалу правом

служить в преторианской гвардии обладали только римские граждане, но еще при жизни Августа это право получили и свободные жители провинций.

Сведения о смерти Тиберия несколько противоречивы. Если верить Тациту, то однажды Тиберий перестал дышать, и все решили, что он умер. Однако, когда Калигула уже принимал поздравления в качестве нового императора, ему вдруг сообщили, что Тиберий очнулся и даже просит принести ему еды.

Поздравляющие, испугавшись мести «воскресшего» цезаря, тут же разбежались, а Калигула сильно приуныл, не ожидая для себя ничего хорошего. Положение спас Макрон, сохранивший как самообладание, так и решительность. Он приказал своим людям удушить Тиберия, набросив на него ворох одежды, — и семидесятисемилетний император умер по-настоящему.

Светоний же утверждает, что Калигула отравил Тиберия, но тот никак не мог испустить дух. Тогда Калигула приказал слуге накрыть голову императора подушкой, а сам, для верности, стиснул своими сильными руками горло Тиберия.

Слугу, державшего подушку, Калигула приказал распять на кресте сразу же после убийства — как ненужного свидетеля.

«Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа или, лучше сказать, всего рода человеческого, — писал Светоний. —

Он был самым желанным правителем и для большинства провинций и войск, где многие помнили его еще младенцем, и для всей римской толпы, которая любила Германика и жалела его почти погубленный род. Поэтому, когда он выступил из Мизена, то, несмотря на то что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его густыми ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитяtkом».

А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы, вопреки завещанию Тиберия, который назначил ему сонаследником своего несовершеннолетнего внука».

По свидетельству современников, радость народная была столь велика, что за три месяца было принесено в жертву более чем сто шестьдесят тысяч животных.

К любви римских граждан присоединилась приязнь чужестранцев. Так, парфянский царь Артабан, на протяжении всего правления Тиберия

открыто выражавший к нему ненависть и презрение, по собственному почину попросил нового императора о дружбе и даже, перейдя через Евфрат, воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям императоров Рима.

Надо отметить, что расчетливый Калигула и сам делал все возможное, чтобы народ проникся к нему еще большей любовью. Убитого Тиберия похоронили торжественно, причем сам Калигула, заливаясь горькими слезами, почтил память своего предшественника проникновенной речью.

Желая подчеркнуть свою сыновнюю любовь, он, несмотря на бурную непогоду, отплыл на острова, чтобы собрать прах матери и братьев в урны, которые торжественно захоронил в мавзолее. В память о них Калигула установил ежегодные поминальные обряды, а в честь матери — вдобавок и ежегодные цирковые игры, во время которых изображение Агриппины Старшей возили по Риму на особой колеснице. Не забыл он и про отца своего, в память о нем переименовав месяц сентябрь в германик.

*Вдову Германика, Агриппину
встречали толпы народа.
Картина Б. Уэста. 1768 г.*

После мертвых настал черед живых. В сенатском постановлении Калигула назначил своей бабке Антонии поистине великие почести. Своего дядю (и преемника) Клавдия, бывшего в ту пору римским всадником (аристократическое сословие, второе после senatorского), взял себе в качестве консула, брата Тиберия в день его совершеннолетия усыновил и дал ему почетный титул «главы юношества», а в честь сестер повелел прибавлять ко всякой клятве, приносимой его подданными: «И пусть не люблю я себя и детей моих больше, чем Гая и его сестер».

Всем преступникам и обвиняемым Калигула даровал амнистию, вернул в библиотеки некоторые запрещенные ранее сочинения, должностным лицам разрешил свободно править суд, ни о чем его не запрашивая. Он даже попытался вернуть народу выборы должностных лиц, восстановив народные собрания, но этому воспротивился сенат, и Калигула не стал настаивать на своем. В своем популизме он дошел даже до того, что освободил Италию от полупроцентного налога на продажи и возмещал

убытки гражданам, пострадавшим от пожаров. Дважды Калигула устраивал всенародные раздачи денег, во время которых каждому свободному римлянину доставалось по триста сестерциев. Часто происходили раздачи подарков и угощений.

Народ ликовал пуще прежнего, а сенат посвятил молодому императору золотой щит, который ежегодно в установленный день полагалось вносить на Капитолий с песнопениями и славословиями.

Калигула был большим любителем гладиаторских битв и поединков кулачных бойцов, во время которых он тешил свою жестокость. Часто устраивал он театральные представления и цирковые состязания. Все это способствовало росту его популярности, поскольку народ Рима обожал зрелища.

«Кроме того, он выдумал зрелище новое и неслыханное дотоле, - писал Светоний. - Он перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским молотом, длиной почти в три тысячи шестьсот шагов. Для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперед: в первый день - на разубранном коне, в дубовом венке, с маленьким щитом, с мечом и в златотканом плаще; на следующий день - в одежде возницы, на колеснице, запряженной парой самых лучших скакунов, и перед ним ехал мальчик Дарий из парфянских заложников, а за ним отряд преторианцев и свита в повозках».

Смысла в этом зрелище для зрителей не было никакого, но римлянам оно понравилось своей новизной. Самого же Калигулу подвигло на этот шаг старое предсказание астролога Фрасилла Тиберию, озабоченному поисками наследника, о том, что Гай Цезарь скорее на конях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

Не забывал Калигула и о созидании — он завершил ряд построек, недоконченных Тиберием, начал строить водопровод, восстановил рухнувший от ветхости храм богов в Сиракузах, заложил несколько новых построек.

Начал он хорошо, и восхвалениям не было видно конца.

В один прекрасный день Калигула испытал то, что принято называть «головокружением от успехов», Калигула приказал воздавать себе божеские почести, посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов и установил жертвы в свою честь. Светоний пишет, что «жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны, — для каждого дня своя порода».

Император решился на неслыханный шаг — повелел привезти из Греции изображения богов, включая и самого Зевса, снять с них головы и заменить своими.

Сочтя, что для укрепления своей власти он сделал достаточно, Калигула решил, что ему довольно уже притворяться и сдерживать себя. Перемена была разительной — из доброго правителя, любимого народом, он превратился в кровожадного распутника. Точнее говоря — кровожадный распутник отшвырнул прочь маску доброго правителя и явил народу Рима свое истинное лицо.

Бабку свою Антонию, многократно пытавшуюся образумить внука и для того просившую у него разговора наедине, Калигула подверг множеству унижений, тем самым (а по словам некоторых, и ядом) сведя ее в могилу, а после смерти не воздал ей никаких почестей. Говорили, что, приняв старуху в присутствии Макрона, Калигула пригрозил ей: «Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!»

*Агриппина с прахом
Германника.
Л. Альма-Тадема.*

Своего брата Тиберия Калигула казнил, обвинив его в том, что он тайно принимает противоядие, словно опасаясь, что император прикажет его отравить. На самом деле Тиберий принимал лекарство от мучившего его постоянного кашля.

Отца своей покойной жены Калигула заставил покончить с собой. Мнимая вина несчастного состояла в том, что он некогда не отплыл вместе с зятем по беспокойному морю за прахом матери и сестер Калигулы, якобы надеясь в случае кораблекрушения самому завладеть Римом. Настоящей же причиной уклонения от участия в плавании была морская болезнь Марка Силана.

Со всеми своими сестрами Калигула пребывал в кровосмесительной любовной связи. Ходили слухи, что Друзиллу, самую любимую им сестру, Калигула лишил девственности, еще будучи подростком, и бабушка Антония, у которой они вместе росли,

однажды застала их во время полового акта.

Друзилла вышла замуж за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но Калигула, став императором, нагло попрал законы, отняв ее у мужа и открыто сожительствуя с ней.

Калигула был сильно привязан к Друзилле, без всякого сомнения такой же порочной и развратной, как и он. Однако же он, не задумавшись, отдал ее на потеху начальникам преторианских когорт, желая еще больше расположить их к себе. Нимфоманка Друзилла смогла выдержать многодневное насилие, но чудовищного унижения перенести не смогла и вскоре угасла от горя.

Когда она умерла, Калигула установил строжайший траур, во время которого карались смертью не только все виды развлечений и смех по любому поводу, но даже купания и совместные семейные обеды. Сам же Калигула отныне клялся только именем божества Друзиллы.

Прочих своих сестер Калигула любил не так страстно и сильно. Он не раз отдавал их на потеху своим любимцам, а впоследствии отправил в изгнание по обвинению в разврате (подумать только!) и в соучастии в заговоре против него.

По выражению Светония, «о браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке».

Знатную римлянку Ливию Орестиллу, вышедшую замуж за Гая Пизона, Калигула лично явился поздравить со вступлением в брак и, поддавшись порыву страсти, тут же приказал отнять ее у мужа. Спустя несколько дней Ливия ему наскучила, и он отпустил ее восвояси, но через два года вдруг отправил ее в ссылку за то, что она имела неосторожность опять сойтись с мужем.

Другую знатную даму, Лоллию Павлину, жену военачальника, он вызвал из провинции, прослышав о ее красоте. Слухи были обоснованными, поэтому Калигула своим эдиктом (указом) развел Лоллию с мужем и взял себе в жены, чтобы вскоре отпустить, запретив ей впредь допускать кого-либо до себя.

«Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью и уже родившую от другого мужа трех дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за ее сладострастие и расточительность, — писал Светоний, — зачастую он выводил ее к войскам рядом с собой, верхом, с легким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал ее голой. Именем супруги он удостоил ее не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя ее мужем и отцом ее ребенка. Ребенка этого, Юлию Друзиллу, он пронес по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы,

поручив божеству растить ее и вскармливать. Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он считал ее лютой нрав: уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями царапала игравшим с нею детям лица и глаза». Поистине лучшего доказательства кровного родства с тираном и не требовалось!

Друзей своих Калигула мог предать смерти и за мельчайшую провинность, и совсем без вины. Как говорится, было бы желание, а повод всегда найдется.

Калигула расправился даже с самим Макроном и женой его Эннией, приведшими его к власти. На Эннии Невии Калигула, вопреки своему обещанию, так и не женился, она так и осталась его любовницей. Когда же Энния надоела ему, Калигула в сопровождении палача заявился домой к Макрону, вошел в его спальню и заставил супругов заняться любовью при свидетелях. Улучив подходящий момент, палач, по знаку Калигулы, зарубил мечом Макрона, а Эннию Калигула задушил собственноручно. Самого же палача убили прибежавшие на шум преторианцы, подумав, что он посмел напасть на их обожаемого императора.

Да — армия и народ продолжали любить Калигулу, несмотря на все его выходки, и благодаря этой любви власть кровожадного императора казалась вечной и нерушимой.

Калигула имел обыкновение во время пира уводить в свои покои какую-нибудь из чужих жен, а насладившись ею сполна, возвращать мужу, сопровождая свой поступок подробнейшим рассказом о том, как именно они занимались любовью, и отмечая при этом как недостатки, так и достоинства женщины.

Подданные императора покорно сносили его выходки, опасаясь выказывать мельчайшее недовольство, чтобы не быть казненными.

«Столь же мало уважения и кротости выказывал он и к сенаторам, — свидетельствовал Светоний, — некоторых, занимавших самые высокие должности, облаченных в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа в изголовье или в ногах, подпоясавшись полотном [*подпоясанными в Древнем Риме ходили рабы-прислужники. — А. Ш.*]. Других он тайно казнил, но продолжал приглашать их, словно они были живы, и лишь через несколько дней лживо объявил, что они покончили с собой. Консулов, которые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трех дней государство оставалось без высшей власти. Своего квестора, обвиненного в заговоре, он велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, нанося удары.

С такой же надменностью и жестокостью относился он и к остальным сословиям. Однажды, потревоженный среди ночи шумом толпы, которая заранее спешила занять места в цирке, он всех их разогнал палками: при замешательстве было задавлено больше двадцати римских всадников, столько же замужних женщин и несчетное число прочего народу».

Стоило подорожать скоту, которым, помимо всего прочего, откармливали диких зверей для зрелищ, как Калигула распорядился использовать для этой цели вместо животных преступников, причем не гнушался лично обходить тюрьмы и выбирать будущие жертвы.

Клеймя безвинных подданных раскаленным железом, забивая их цепями и бичами, сжигая на кострах, бросая диким зверям или, к примеру, перепиливая напополам пилой, Калигула заставлял родственников несчастных присутствовать при этих чудовищных казнях. Никто из тех, на кого пали гнев или неприязнь императора, не мог рассчитывать на легкую смерть. Простого убийства Калигуле было мало, он непременно желал насладиться муками обреченных, без которых казни теряли для него весь смысл.

Калигула всегда требовал совершать казни не спеша, мелкими частыми ударами, он приговаривал при этом, обращаясь к палачу: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!»

Он жил и правил по принципу, вычитанному в одной из трагедий: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» Калигуле принадлежит известное выражение: «О, если бы у римского народа была только одна шея!» Эти слова он произнес во время гонок на колесницах, в которых сам принимал участие. Гнев Калигулы был вызван тем, что зрители осмелились рукоплескать одному из его конкурентов.

«Есть основания думать, что из-за помрачения ума в нем и уживались самые противоположные пороки - непомерная самоуверенность и в то же время отчаянный страх, - предполагал Светоний. -

В самом деле: он, столь презиравший самих богов, при малейшем громе и молнии закрывал глаза и закутывал голову, а если гроза была посильней — вскакивал с постели и забивался под кровать. В Сицилии во время своей поездки он жестоко издевался над всеми местными святынями, но из Мессаны вдруг бежал среди ночи, уstraшенный дымом и грохотом кратера Этны».

Был ли Калигула психически нормальным? Однозначно — нет. Точный диагноз за давностью лет установить невозможно, но нет сомнений в том, что он был или шизофреником, или психопатом, и в любом случае течение заболевания отягощалось безграничной

властью, которой обладал Калигула.

«Лучшей похвальной чертой своего нрава считал он, по собственному выражению, невозмутимость, то есть бесстыдство», — писал Светоний.

Калигула без стеснения вслух сожалел о том, что его правление не отмечено никакими всенародными бедствиями и рискует быть бесславным из-за общественного благополучия. Он завидовал божественному Августу, правление которого запомнилось ужасным поражением военачальника Квинтилия Вара, когда германцами оказались полностью уничтожены целых три легиона вместе с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. Завидовал Калигула и Тиберию, в чье правление обвалился битком набитый людьми амфитеатр в Фиденах. Завидовал — и страстно мечтал о большом военном походе, о лютом голоде, об эпидемии чумы, о страшных пожарах или разрушительных землетрясениях.

*Смерть Германика.
Картина Николая
Пуссена. 1627 г.*

Калигула мог и сам устроить катастрофу. Например, при освящении моста в одной из провинций он собрал на торжество великое множество народу и внезапно приказал сбросить их с берегов в море. Сам же плавал на корабле между тонущих, наслаждаясь их ужасом, и багром отталкивал прочь тех, кто пытался спастись, ухватившись за корму.

Любое святотатство было ему по силам. Так, однажды во время жертвоприношения в храме Калигула оделся помощником резника, а когда к алтарю подвели жертвенное животное, вдруг размахнулся и преспокойно убил одним ударом молота самого жреца-резника.

Зависти и злобы в Калигуле было еще больше, чем жестокости. Он приказал разбить все статуи прославленных мужей прошлого, а также

запретил воздвигать живым людям статуи или скульптурные портреты без его одобрения. Разумеется, одобрения удостоивались только изображения самого императора и никого более.

Калигула мог приказать обрить красивому юноше затылок, чтобы этим его обезобразить, а мог и попросту приказать убить дерзкого, который посмел затмить красотой самого императора. Светоний писал: «Был некий Эзий Прокул, сын старшего центуриона, за огромный рост и пригожий вид прозванный Колосс-эротом [*то есть громадным, как колосс, и прекрасным, как Эрот, посланец любви.* — А. Ш.]\ его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, стравить с гладиатором легко вооруженным, потом с тяжело вооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем, — связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать. Поистине не было человека такого безродного и такого убогого, которого он не постарался бы обездолить».

Не чурался Калигула и мужеложства, которое в Древнем Риме, в отличие от Древней Греции, осуждалось и каралось весьма сурово — вплоть до смертной казни.

Некий Валерий Катулл, юноша из знатного Римского рода, без стеснения жаловался своим приятелям, что от неустанных любовных забав с императором-сладоэротом у него болит поясница. Было у Калигулы и множество других любовников мужского пола.

Он был настолько любвеобилен, что не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, причем, утоляя свою страсть, непременно старался причинить жертве боль. Грубый секс был повсеместно распространен в Древнем Риме, где считалось, что победа на любовном ристалище неотделима от насилия, но Калигула оставил далеко позади всех своих современников.

Выросший среди солдат и, казалось бы, не привыкший к роскоши, Калигула, став императором, переплюнул своим непомерным расточительством самых отчаянных транжир из числа своих предшественников. Послушаем Светония, оставившего нам весьма подробные записи о жизни двенадцати римских цезарей, начиная с божественного Юлия: «Он (*Калигула.* — А. Ш.) выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры — купался в благовонных маслах, горячих и холодных, пил драгоценные жемчужины, растворенные в уксусе, сотрапезникам раздавал хлеб и закуски на чистом золоте. «Нужно жить или скромником, или цезарем!» — говорил он. Даже деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд. Он построил либурнские галеры в десять рядов весел, с

жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоем, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них средь бела дня, он под музыку и пенье плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что построить казалось невозможно. И оттого поднимались плотины в глубоком и бурном море, в кремневых утесах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землей, — и все это с невероятной быстротой, потому что за промедление платились жизнью».

Тиберий оставил в казне два миллиарда семьсот миллионов сестерциев — гигантскую по тем временам сумму. Калигула ухитрился спустить ее меньше чем за год.

Калигула переносит прах матери и брата в семейную усыпальницу. Картина Эсташа Ле Сера. 1647 г.

Оставшись без денег, молодой император принялся добывать их с присущим ему бесстыдством.

Он заставлял людей, чьи деды и прадеды купили себе и своим потомкам римское гражданство, платить заново, распространяя понятие «потомки» лишь на сыновей приобретателя. Он стремился стать сонаследником чуть ли не каждого наследства в Риме. Он без стеснения

облагал подданных непомерными поборами. Он устраивал самые разнообразные торги, лично назначая и взвинчивая на них цены. Разумеется, весь доход с торгов обращался в императорскую казну. Знатным людям, желавшим отобедать вместе с императором, приходилось хорошенько раскошелиться, и вообще подданные привыкли платить Калигуле за все, буквально за каждый чих или за каждый вздох. Не брезговал император и банальным ростовщичеством, ссужая деньги под баснословные проценты и безжалостно взимая положенное (а часто и сверх того) с должников.

Обуреваемый манией стяжательства и совершенно не стыдясь притом своих запуганных до дрожи подданных, Калигула устроил роскошный и огромный бордель (по- древнеримски — лупанар), где по его принуждению почтенные замужние матроны, а также юноши и девушки из знатных семейств предлагали себя всем желающим за деньги, прямоиком шедшие Калигуле.

Стоило у Калигулы родиться дочери, как он тут же принялся требовать у подданных приношений на ее воспитание и приданое.

Его страсть к золоту доходила до того, что Калигула приказывал слугам рассыпать золотые монеты по полу так, чтобы они сплошь устилали его, и принимался ходить по золоту босыми ногами или даже кататься по нему всем телом. Ему мало было благ, которые приобретались за деньги, — он стремился получать удовольствие непосредственно от контакта с золотыми монетами.

При всей жестокости и кровожадности воином, а тем более полководцем Калигула не был. За все время правления он всего лишь раз озаботился войной, да и то по чистой случайности. Однажды императору напомнили о том, что следует пополнить отряд его телохранителей-германцев, и он вдруг решил пойти войной на Германию.

Калигула давно уже приучил римлян к тому, что все его желания, даже самые сумасбродные, следует исполнять незамедлительно и в точности. Вскоре армия была собрана и отправилась в поход, возглавляемая самим императором.

Калигула пытался играть роль мудрого и строгого полководца, но его затея потерпела провал, что, впрочем, не помешало императору вернуться в Рим с триумфом.

«А казнохранителям своим он написал, чтобы триумф они подготовили такой, какого никто не видел, но тратились бы на него как можно меньше: ведь в их распоряжении - имущество всего населения», - писал Светоний.

Множество злодеяний не могло пройти бесследно — по свидетельству современников, Калигулу мучила бессонница. По ночам он подолгу не мог уснуть, а когда сон, наконец, приходил к нему, был он весьма беспокойным и спал император не более трех часов подряд. Калигулу тревожили странные видения, порой к нему являлись призраки. Вне всякого сомнения, были среди них и те, кто пал жертвой свирепого и кровожадного императора. Наводя страх на подданных, он бродил в ожидании долгожданного рассвета по бесконечным переходам своего дворца, ища, на ком бы сорвать зло.

Императорская манера одеваться поражала римлян. Совершенно не думая о том, какое впечатление его наряд производит на окружающих, Калигула мог появиться на людях в одежде, недостойной не только императора, но и обычного мужчины. «Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках (*шелковые одежды в то время носили только женщины. — А. Ш.*) и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны [*особые сапоги на высокой подошве, в которых выступали трагические актеры, чтобы публика лучше их видела. — А. Ш.*], то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли; много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию, или трезубец, или жезл - знаки богов, или даже в облачении Венеры. Триумфальное одеяние он носил постоянно даже до своего похода, а иногда надевал панцирь Александра Великого, добытый из его гробницы», — писал Светоний.

Калигула был превосходным оратором, при этом он презирал изящный слог и охотнее выступал перед солдатами и чернью.

Калигула был превосходным оратором — красноречивым, находчивым, не лезущим в карман за метким словом. Любящий покрасоваться, он всегда был готов выступить с речью перед любой аудиторией, находя в этом занятии особенную радость, если речь была обвинительной. Его актерские способности были выше всяческих похвал — он искусно владел своим голосом, придавая ему соответствующую моменту выразительность, и подкреплял его продуманными, отточенными жестами и мимикой, выглядевшей совершенно естественной и искренней. При всем том Калигула, больше привыкший выступать перед солдатами и чернью, нежели перед патрициями и вообще людьми образованными, презирал изящный слог и никогда не отличался мягкостью своих красочных выражений. Разумеется, успеху других ораторов Калигула страстно завидовал. Бедные, бедные ораторы... Должно быть, дорого обходилась им высочайшая зависть!

Таланты Калигулы были разносторонни и многогранны. «Гладиатор и возница, певец и плясун, он сражался боевым оружием, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках, а пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать

трагическому актеру и не вторить у всех на глазах движениям плясуна, одобряя их и поправляя...

Плясал он иногда даже среди ночи: однажды за полночь он вызвал во дворец трех сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбежал к ним под звуки флейт и трещоток в женском покрывале и тунике до пят, проплясал танец и ушел.

Однако при всей своей ловкости плавать он не умел», — говорит Светоний.

Вне всякого сомнения, такое чудовище, как Калигула, не могло не нажить великого множества врагов. Многие из тех, кому он причинил горе, хотели отомстить ему, намереваясь тем или иным способом покончить с ним, но до определенного момента все заговоры проваливались, а заговорщики платили жизнями за свои намерения.

Наконец чаша гнева переполнилась. Нашлись два храбреца, два знатных римлянина, которых звали Кассий Херея и Корнелий Сабин. С большим основанием можно предположить, что за ними стоял чуть ли не весь сенат и почти все патриции Рима, ведь, пока Калигула находился у власти, никто, невзирая на знатность происхождения, положение в обществе, богатство и былые заслуги, не мог чувствовать себя в безопасности. К тому же кровавые жернова, раскрученные Калигулой, все набирали и набирали обороты, и в то, что они могут остановиться без постороннего участия, никто уже не верил...

Кассий Херея и Корнелий Сабин разработали план убийства Калигулы и сумели реализовать его. В случае неудачи заговорщики ничего не теряли — их собственные жизни и так буквально висели на волоске, потому что император уже подозревал их в злом умысле против его священной особы. Калигуле вообще были свойственны беспочвенные, или, точнее говоря, бездоказательные, безосновательные подозрения.

По плану, следовало напасть на Калигулу во время Палатинских игр (трехдневные игры, учрежденные в честь императора Августа после его смерти), ровно в полдень, когда император должен был выходить с представления.

Главную роль добровольно взял на себя Кассий Херея. Это был заслуженный и уважаемый в Риме человек почтенного возраста, занимавший высокую должность трибуна преторианской когорты. Все эти обстоятельства не мешали Калигуле беспрестанно (и весьма изощренно — император не любил повторяться, находя это унижительным) издеваться над Кассием. Излюбленной областью для высочайших насмешек было все,

связанное с делами любовными. Калигула дразнил Кассия бабником, не без задней мысли назначал ему в качестве пароля слова «Приап» или «Венера», прилюдно показывал трибуну непристойные жесты... Арсенал был велик, и столь же велика была ненависть оскорбленного Кассия, вдобавок ко всему сознававшему, что рано или поздно его душевные муки наскучат императору и настанет пора мук физических, которые неизбежно закончатся смертью.

*Смерть Калигулы предвещали
грозные знамения.*

Древние римляне обожали всяческие гадания, предсказания и знамения. Разумеется, не могло обойтись без знамений и такое грандиозное дело, как смерть тирана Калигулы. Говорили, что незадолго до его убийства статуя Юпитера, которую Калигула приказал разобрать и перевезти из Олимпии в Рим, неожиданно разразилась громopodobным раскатом хохота, испугавшим всех свидетелей чуть ли не до полусмерти. Говорили, что в Капуе молния ударила в capitoлий, а в Риме она избрала своей мишенью храм Аполлона, и толковали произошедшее как знаки, предвещающие императору опасность, исходящую от слуг его.

Астролог Сулла на вопрос Калигулы о его гороскопе якобы объявил императору, что неотвратно близится его смерть. Факт спорный, поскольку Сулле сошло с рук подобное заявление (он пережил Калигулу на

много лет), во что, зная крутой нрав Калигулы, поверить невозможно. Существует также легенда, гласящая, что оракулы Фортуны Актийской посоветовали Калигуле остерегаться происков Кассия, отчего он сразу же направил убийц к некоему Кассию Лонгину, бывшему тогда проконсулом Азии, не вспомнив о том, что ненавидимого им Херея также зовут Кассием.

Калигула же, согласно его собственному рассказу, в ночь перед гибелью видел сон, в котором он стоял на небе у подножия трона Юпитера, который ударом ноги низверг его с небес на землю. В самый день убийства Калигула якобы был забрызган кровью фламинго во время жертвоприношения, что однозначно трактовалось как дурной знак...

О самом убийстве Калигулы, состоявшемся 24 января 41 года, до нас дошло две версии. Согласно первой из них, когда Калигула беседовал с мальчиками из числа римской знати, Кассий Херея подошел к нему со спины, внезапно точным ударом меча глубоко разрубил ему затылок и вскричал: «Делай свое дело!», призывая к действию своего напарника Корнелия Сабина, тоже трибуна. Тот не оплошал — молниеносно выхватил меч из ножен и по самую рукоять всадил его в грудь тирана.

Согласно другой версии, все началось с того, что центурионы из охраны императора, посвященные в заговор, оттеснили от Калигулы толпу его спутников. Затем Кассий Херея крикнул: «Получай свое!» — и, когда Калигула обернулся на крик, рассек ему подбородок своим мечом. Император свалился наземь, извиваясь от боли и крича: «Я жив! Я жив!» — после чего остальные заговорщики добились его множеством ударов (по Светонию, около тридцати). На шум прибежали императорские телохранители-германцы, и завязалась кровавая потасовка, которая, несомненно, порадовала бы Калигулу, если бы он был жив.

После смерти императора была зарублена его жена Цезония, та самая, «не отличавшаяся ни красотой, ни молодостью», а дочь Калигулы, Юлию Друзиллу, заговорщики убили, взяв за ноги и разбив ей голову об стену.

Тело Калигулы заговорщики вначале попытались сжечь на погребальном костре, но оно не сгорело целиком и было наскоро захоронено. Впоследствии останки Калигулы вырыли, сожгли до конца и погребли должным образом его сестры — Агриппина Младшая и Ливилла, после смерти брата возвратившиеся из изгнания.

Народ Рима не сразу поверил в смерть Калигулы. Многие вначале подозревали, что император сам повелел распространить слух о собственном убийстве, чтобы узнать, как на самом деле относятся к нему

его подданные.

Преемником Калигулы стал уже упоминавшийся здесь Клавдий, про которого собственная мать Антония говорила, что ее сын среди прочих людей смотрится подлинным уродом, что природа начала его и не кончила, а намереваясь уличить кого-то в отсутствии ума, говорила: «Он глупей моего Клавдия». Народу Рима снова не повезло, хотя божественный Клавдий по злодеяниям, им творимым, не шел ни в какое сравнение ни со своим предшественником Калигулой, ни со своим преемником Нероном.

Гай Цезарь, прозванный Калигулой, прожил двадцать девять лет, из которых правил всего-навсего три года, десять месяцев и восемь дней, но успел оставить о себе чудовищную память как о кровожадном и донельзя распущенном существе, недостойном имени человека.

За всю историю человечества мало кому из правителей удалось превзойти Калигулу в злодеяниях.

Говоря о его разнузданном сладострастии, нельзя употреблять высокое слово «любовь», чтобы не осквернить его. Никакой любви Калигула никогда не знал — он терзался лишь страстями, страстями изменными и порочными. Его пример убеждает в том, что высокой чести править своими братьями далеко не всегда удостоиваются лучшие из людей. И навряд ли любой рассказ, любая книга, любой фильм, где рассказывается о Калигуле, могут передать тот ужас, который испытали во время правления тирана его несчастные подданные.

Мир их праху...

Нерон, римский император

*Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить, Увlechь его своей
красою грешной Ив дьявола соблазном превратить.*

*Не знаю я, следя за их борьбою, Кто победит, но
доброе не жду...*

*Уильям Шекспир, «Сонеты и стихи», перевод
С.Я. Маршака*

Настоящее имя — Нерон Клавдий Цезарь Август Германик

Характер — вспыльчивый, коварный

Темперамент — холерический

Религия — язычник-пантеист

Отношение к власти — жадное

Отношение к подданным — презрительное

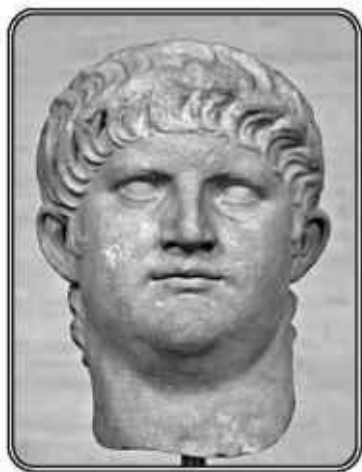
Отношение к любви — циничное

Отношение к лести — благосклонное

Отношение к материальным благам — приязненное

Отношение к собственной репутации — большей частью равнодушное

Нерон, римский император (37-68)

*Нерон. Мраморный бюст.
I в. н.э.*

Агриппина Младшая, мать Нерона, несмотря на свое высокое происхождение, успела смолоду хлебнуть лиха, рано оставшись без отца, павшего жертвой интриг. Когда Агриппине Младшей исполнилось четырнадцать лет, ее мать, Агриппина Старшая, по приказу императора Тиберия была арестована и сослана на остров, где уморила себя голодом.

Один из юных братьев Агриппины, обвиненный в гомосексуальной связи, покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать позорной казни. Другой ее брат позволил себя казнить.

Сама Агриппина (как и две ее сестры) некоторое время была любовницей своего брата — императора Калигулы, человека крайне невоздержанного, обладавшего поистине диким нравом. Долгое время Калигула воздавал почести всем трем сестрам, даже помещая их изображения на монетах, но в 39 году Агриппину вместе с ее сестрой Ливией и их любовниками (одного Калигулы, щедро растрачивающего свои силы, похотливым сестрам явно недоставало) обвинили в заговоре против Калигулы. Любовников жестоко, как и полагалось тогда, казнили, а Агриппину и Ливию сослали на Понтийские острова.

Это произошло за год до смерти отца Нерона, который оставил своему трехлетнему сыну одну треть своих владений, но другой наследник, Калигула, используя свою власть, отобрал долю у ребенка и прибавил ее к своим двум третям. Нерона, оставшегося без отца, матери и состояния, взяла к себе в дом его тетка, Домиция Лепида. В доме Лепиды воспитанием мальчика занимались двое дядек, танцовщик и цирюльник. Прекрасная, надо сказать, компания!

Отец Нерона, Гней Домиций Агенобарб, внук Марка Антония и Октавии Младшей, не пользовался любовью и уважением современников. Историк Светоний характеризовал его как «человека гнуснейшего во всякую пору его жизни». Когда Агриппина Младшая родила Гнею сына Нерона, он, принимая поздравления друзей, воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для всего человечества.

Слова оказались пророческими.

Нерон рос изнеженным ребенком. Он совершенно не интересовался военным делом, не любил гладиаторских боев и никогда не мечтал о воинских подвигах. Впрочем, военному делу его и не учили. Нерона обучали музыке, живописи, стихотворчеству.

Справедливости ради надо заметить, что поэтом Нерон был посредственным. Больше всего его увлекала верховая езда.

Агриппина Младшая больше прочих страстей была одержима жаждой

власти. Согласно легенде, однажды она поинтересовалась у гадателей судьбою ее сына Нерона. Предсказание гласило: «Нерон будет царствовать, но убьет свою мать». Агриппина якобы ответила на это: «Ну и пусть, лишь бы царствовал!»

В обход римских законов, запрещавших близкородственные браки, Агриппина Младшая в 49 году стала женой своего дяди, императора Клавдия. Сбылась ее заветная мечта — стать императрицей.

Агриппина намеревалась как можно дольше оставаться у власти, для чего добилась от Клавдия согласия на усыновление Нерона и объявление его своим наследником в обход Британика, родного сына Клавдия. Скорее всего, Агриппина рассчитывала, что Нероном она без труда сможет управлять.

Благодаря усилению влияния и могущества своей матери, юный Нерон достиг при дворе Клавдия столь высокого и прочного положения, что якобы даже Мессалина, жена Клавдия, видя в нем сильного соперника ее общему с Клавдием сыну Британику, подслала к Нерону убийц. Им предстояло задушить юношу во время полуденного сна, но внезапно с его подушки на них набросилась ядовитая змея, и убийцы в панике убежали.

Светоний утверждал, что все это выдумка, возникшая после того, как на ложе Нерона, у самого изголовья, была найдена сброшенная змеиная кожа. Кожу эту, по поверьям, предвещавшую Нерону великую власть, его мать Агриппина повелела оправить в золото. Нерон долго носил на правом запястье это украшение.

*Мать Нерона,
Агриппина Младшая
некоторое время была
любовницей своего
брата, императора
Калигулы.*

Нет точных данных о причастности Агриппины к отравлению Клавдия, но вполне возможно, что она приложила к этому руку, ведь сразу же после смерти Клавдия Нерон был представлен римлянам в качестве законного наследника, «...поспешили досрочно облачить Нерона в мужскую тогу, дабы создать впечатление, что он достаточно возмужал и способен заниматься государственными делами. Цезарь охотно внял настояниям раболепствующего сената, предложившего, чтобы Нерону, в возрасте неполных двадцати лет, было предоставлено консульство, а до принятия им на себя этих обязанностей он располагал проконсульской властью за пределами города Рима и именовался главой молодежи. К тому же было решено раздать от его имени денежные подарки воинам и продовольственные - простому народу. На цирковом представлении, данном с целью привлечь к нему благосклонность толпы, он появился в одеянии триумфатора...» — писал древний историк Корнелий Тацит.

Покойный Клавдий был причислен к лику богов, а Нерон провозглашен императором под именем Нерон Клавдий Цезарь Август

Германик. Так в 54 году началось его правление.

Вскоре семнадцатилетний Нерон взял себе в жены Октавию, дочь Клавдия и Мессалины. Конечно же он не собирался ограничиваться одной лишь Октавией. Светоний писал о Нероне: «Наглость, похоть, распущенность, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда было ясно, что пороки эти — от природы, а не от возраста».

Нерон предавался пороку со множеством своих подданных, начиная от мальчиков и заканчивая почтенными замужними матронами. В припадке страсти он мог изнасиловать даже жрицу-весталку.

Страсть свою Нерон удовлетворял весьма изобретательно, поражая распущенностью своих далеких от пуританства соотечественников.

Тот же Светоний рассказывал об одной из любовных забав императора Нерона: «...в звериной шкуре выскакивал он из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору (по другим данным, Дорифора звали Пифагором и он был одним из министров Нерона. - А. Ш.): за этого Дорифора он вышел замуж, как за него - Спор (убив свою жену Поппею, Нерон приказал оскотить похожего на нее мальчика Споры, обрядил его в женские одежды, назвал Поппеей и официально менялся на нем. - А. 111.), и жил с ним, как с женой, крича и вопя, как насилуемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тому, кто признавался ему в разврате, он прощал и остальные грехи».

Несмотря на разгульную жизнь, Октавия вскоре надоела Нерону. Он поспешил найти ей замену — белокурую красавицу Поппею, по материнской линии приходившуюся внучкой знаменитому консулу и триумфатору Сабину. Мать Поппеи некогда считалась первой красавицей Рима, и все утверждали, что своей поистине неопикуемой красотой дочь пошла в нее.

*Нерон рос изнеженным ребенком.
Его совершенно не интересовало
военное дело, он любил музыку
и стихосложение.*

Как было принято среди римской аристократии того времени, Поппея была распутницей. Тацит писал, что она не делала никакого различия между своими мужьями и многочисленными любовниками, не зная, что такое верность в любви.

Нерон впервые увидел Поппею в качестве жены всадника (аристократическое сословие, второе после сенаторского) Руфия Криспина. Он тут же воспылал к ней страстью и поспешил сделать все для того, чтобы развести Поппею с Руфием и выдать ее замуж за своего друга Сильвия Отгона, который позволял императору беспрепятственно навещать Поппею, когда ему вздумается. В то время Нерон еще задумывался о своей репутации и не рисковал поселить любовницу рядом со своей женой Октавией.

Однако Поппея, отдаваясь Нерону, рассчитывала на большее, чем сомнительный статус любовницы императора. Ей хотелось самой стать императрицей. Вдобавок Сильвий Отгон, плененный красотой Поппеи, принялся настаивать на своих правах законного супруга. Поппее же он совершенно не нравился, и к тому же она опасалась, что его притязания могут вызвать гнев у Нерона.

Мать императора, Агриппина, возненавидела Поппею и решила отвлечь Нерона от роковой красавицы, предложив ему... себя. Ей это

удалось — сладострастник Нерон не смог отказаться даже от родной матери, несмотря на то что этому пытался воспрепятствовать воспитатель императора, известный философ и знатный патриций Анней Сенека.

У Тацита сказано: «...подстрекаемая неистовой жаждой во что бы то ни стало удержать за собою могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представала перед ним разряженной и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожительство ласки стали подмечать приближенные, и Сенека решил побороть эти женские обольщения с помощью другой женщины; для этого он воспользовался вольноотпущенницею Акте, которую подослал к Нерону, с тем чтобы та, притворившись обеспокоенной угрожающей ей опасностью и нависшим над Нероном позором, сказала ему о том, что в народе распространяются слухи о совершившемся кровосмешении, что им похвалается Агриппина и что войска не потерпят над собой власти запятнанного нечестием принцепса...»

Их противоестественная связь, взбудоражившая весь Рим, длилась довольно долго. Агриппина, совершенно не стесняясь, выставляла напоказ характер своих отношений с сыном, распространяясь даже об интимных подробностях этой связи. Нерон и Агриппина любили проехаться по улицам Рима на одних носилках, по дороге осыпая друг друга ласками. Римляне ужасались столь чудовищному кровосмесительному разврату.

Поппея, узнав о том, что ее любовник изменяет ей с родной матерью, вознегодовала и, решив разбудить в Нероне ревность, отдалась своему мужу Оттону, сделав так, чтобы об этом тут же стало известно Нерону

Когда взревновавший император потребовал от Поппеи объяснений, та высказала ему свои претензии, особо напирая на связь с Агриппиной, и заявила, что Отгон, ее законный супруг, в постели старается не хуже Нерона.

Последнее слово Поппеи было таково: если император по-прежнему любит ее, то он должен доказать свою любовь, взяв ее в жены по римским законам. Ни Октавии, ни Агриппины Поппея не желала видеть рядом с собой — Нерону предстояло от них избавиться.

*Когда Нерон встретил
белокурую красавицу
Поппею, она была замужем
за всадником
Руфием Криспином.*

В случае отказа Поппея грозила навсегда оставить Рим и поселиться в провинции.

Нерон не сразу поверил в серьезность намерений Поппеи. В тот же вечер он решил навестить ее, но Поппея попросту не открыла перед императором дверь своего дома. Напрасно Нерон стучал, угрожал и поливал неверную Поппею площадной бранью — ему так и не открыли.

Вернувшись в свои покои, Нерон призадумался над тем, каким образом следует ему избавиться от Агриппины и Октавии. Слабовольная Октавия, безропотно сносившая похождения своего мужа, не беспокоила его так, как властолюбивая, жестокая и коварная Агриппина, вдобавок ко всему имевшая сильную поддержку в сенате и бывшая жрицей Клавдия.

Император стал действовать не спеша. Вначале он лишил мать воинской охраны, а затем выжил ее из своего дворца, где у Агриппины были роскошные покои.

Ее попытались обвинить в заговоре с целью свержения императора, но голословное, не подкрепленное никакими доказательствами обвинение лопнуло, словно мыльный пузырь. Отчаявшись избавиться от ненавистной соперницы бескровными методами, Поппея потребовала от Нерона убить Агриппину. Нерон согласился.

Разногласие по поводу Поппеи стало не первым столкновением между сыном и матерью. Большой раздор между ними имел место и раньше, когда Нерон влюбился в вольноотпущенницу покойного Клавдия по имени Акте

(ту самую, которую подсылал к нему с предупреждением Сенека) и даже хотел на ней жениться, что вызвало недовольство Агриппины.

Агриппина даже посмела напомнить Нерону, что его власть получена благодаря материнским усилиям и что на свете существует четырнадцатилетний Британик, законный наследник Клавдия. Вскоре по приказу Нерона Британик был отравлен.

Тацит писал: «Писатели той поры сообщают, что в течение нескольких дней перед умерщвлением брата Мерон неоднократно подвергал надругательствам отроческое тело Британика, делая это ради того, чтобы смерть последнего, в ком струилась кровь Клавдиев, оскверненного похотью ранее, нежели ядом, не могла показаться преждевременною и чрезмерно жестокою, хотя она и поразила его в нарушение священных правил гостеприимства за пиршественным столом, на глазах врага и с такою стремительностью, что ему даже не было дано времени на прощание с сестрами. В особом указе Цезарь объяснял причины поспешности, с какой был погребен Британик; он ссылаясь на установление предков скрывать от людских глаз похороны безвременно умерших и не затягивать церемонии похвальными речами и пышно отправляемыми обрядами».

Правда, на Акте Нерон так и не женился, то ли передумал, то ли решил не дразнить попусту мать. Он ограничился тем, что поселил ее подле себя.

Надо отметить, что с самого начала правления Нерона его мать сделала многое, помогая ему удержаться у власти. Она организовала ряд убийств как бывших, так и потенциальных противников своего сына, надеясь, что они будут всегда делить власть друг с другом.

Избавиться от Агриппины, не обнаруживая своего участия в этом черном деле, было непросто. Наконец было решено во время очередного праздника специально построить для Агриппины корабль, который в нужный момент развалится. Должен был обрушиться тяжелый свинцовый потолок в каюте Агриппины. Убив императрицу, он пробивал дно корабля, и корабль тонул. Нерону предоставлялась удобная возможность утопить императрицу, списав ее смерть на несчастный случай.

В назначенный час потолок не причинил Агриппине никакого вреда. Поняв, что дело нечисто, Агриппина в сопровождении одной из служанок прыгнула в воду и спаслась бегством, укрывшись на одной из загородных вилл.

*После убийства матери Нерона мучали угрызения совести.
Картина Д. У. Уотерхауса. 1878 г.*

Нерон, узнав, что покушение провалилось, пришел в бешенство, но быстро овладел собой. Он заявил, что Агриппина якобы подслала к нему убийцу, и в открытую послал воинов во главе с префектом Мизенского флота Аликетом (именно Аликет, бывший когда-то воспитателем Нерона, и придумал провалившийся план с кораблем) убить императрицу. В ту же ночь Агриппина умерла. Произошло это в 59 году, ставшем переломным годом не только в правлении, но и в самой жизни Нерона. Отныне для него не существует никаких ограничений. Чудовищное и противоестественное преступление, совершенное по приказу императора, не могло не сказаться как на его репутации, так и на отношении к нему его подданных.

После покушения на жизнь и убийства собственной матери Нерон был способен на любое другое злодеяние. Разумеется, он не мог не испытать психологического потрясения огромной силы, но отныне Нерон укрепился в уверенности о своей вседозволенности, что не могло не сказаться на его дальнейших поступках.

После убийства Агриппины все пошло гладко. Сальвия Оттона Нерон послал легатом в Лузитанию, римскую провинцию на Пиренейском полуострове. Поппея развелась с мужем, а спустя три года Нерон, сославшись на бесплодие Октавии, развелся с ней и сразу же женился на Поппее. Сенаторы были недовольны как разводом императора, так и его скандальной и скоропалительной новой женитьбой, но возражать не осмелились.

Став императрицей, Поппея не ограничилась заменой скульптур Октавии на свои собственные. Она потребовала от Нерона выслать Октавию из Рима. Что-бы не возмущать народ откровенным беззаконием,

Нерон решил обвинить Октавию в прелюбодеянии. Префект гвардии Тигеллин подкупил одного из египетских музыкантов, чтобы тот признался в любовной связи с Октавией. Его показания, несмотря на пытки, не подтвердил никто из слуг женщины, но все же бедняжку выслали в южную область — Кампанию, где она находилась под арестом, не смея высунуть носа из своих покоев. Несчастной Октавии было тогда двадцать два года.

История донесла до нас смелый ответ молодой служанки Октавии, бросившей пытавшему ее Тигеллину: «Половые органы Октавии чище, чем твой рот!»

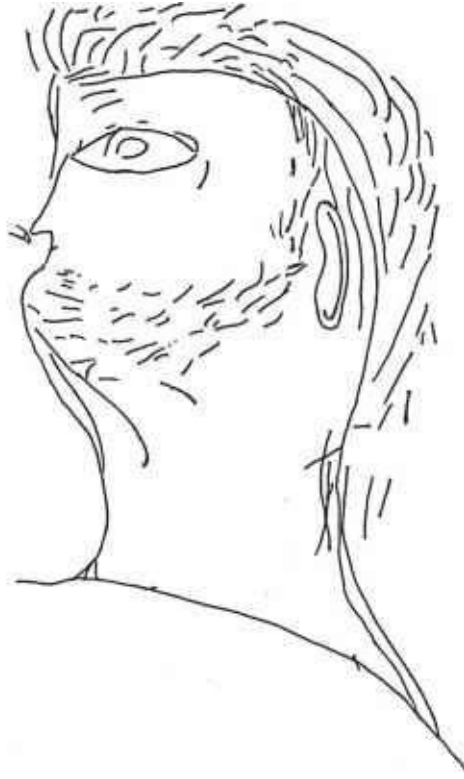

*Октавия безропотно
сносила похождения
мужа.*

Тигеллина, бывшего правой рукой Нерона и, подобно своему повелителю, щедро творившего зло, римляне ненавидели, пожалуй, даже сильнее, чем самого Нерона. Корнелий Тацит писал о Тигеллине так: «Софоний Тигеллин, человек темного происхождения, провел молодость в грязи, а старость — в бесстыдстве. Избрав более короткий путь, он подлостью достиг должностей, которые обычно даются в награду за доблесть, — стал префектом городской стражи, префектом претория, занимал и другие посты, отличаясь на первых порах жестокостью, а потом и жадностью, — пороками, которых трудно было ожидать в столь изнеженном человеке. Тигеллин не только вовлек Нерона в преступления, но и позволял себе многое за его спиной, а в конце концов его же покинул и

предал. Ничьей казни поэтому в Риме не требовали с таким упорством, как казни Тигеллина; движимые противоположными чувствами, ее добивались и те, кто ненавидел Нерона, и те, кто его любил».

*Изображение Нерона
на стене дворца Тиберия
в Риме, I в. н.э.*

Как ни старался Нерон придать беззаконию пристойный вид, но судьба Октавии взволновала сердца римлян. В столице империи начались волнения. Вначале Нерон поспешил вернуть Октавию в Рим и даже принародно объявил ее своей женой, но позже, очевидно, придя в себя и вознегодовав на чернь, пытающуюся диктовать ему свою волю, он послал войска на подавление волнений.

Октавия неожиданно стала опасной, и Нерон решил окончательно избавиться от нее, пойдя привычным путем. Он уговорил своего верного Аникета лжесвидетельствовать о прелюбодеянии с Октавией. Несчастную отправили на остров Пандатерию и там задушили в бане, для верности вначале вскрыв ей вены. Поппея, год назад встретившая свое тридцатилетие, укрепилась в положении не только законной, но и единственной жены императора. Вскоре она родила дочь. Обрадованный Нерон присвоил жене и дочери титул Августа.

Тем не менее в свой час опостылела Нерону и Поппея. Тем более что навряд ли Нерон любил ее по-настоящему. Скорее всего, она была для него красивой игрушкой, единственной в своем роде, ради обладания которой пришлось немного потрудиться.

Забеременев повторно, Пoppея почти утратила былую красоту, но зато стала сварливой и раздражительной. Недальновидная (или слишком самоуверенная) Пoppея начала сверх меры донимать Нерона своей ревностью.

Нерон продолжал развлекаться пуще прежнего. Пирушки с участием лучших проституток и танцовщиц сменялись принародными купаниями с любовницами, а на смену купаниям приходили разнузданные оргии во дворцовых покоех.

Иногда Нерон, забавы ради, развлекал подданных пением в театре, причем запрещал покидать театр во время своих выступлений, порой довольно длительных. Пел он отвратительно и столь же отвратительно играл на кифаре, но подданные более всего смущались тем, что их император снизошел до презренного актерского ремесла (развлечение публики в Древнем Риме считалось чуть ли не позорным ремеслом).

Как-то раз, вернувшись нетрезвым со скачек, Нерон в ответ на обвинения Пoppеи пнул ее ногой в живот так сильно, что спустя несколько часов она умерла. Утром Нерон изобразил раскаяние и во время похорон Пoppеи неустанно восхвалял ее увядшую красоту и ее призрачную, никем не виданную добродетель.

Замена Пoppее нашлась быстро в лице оскoпленного мальчика Спора, о котором уже упоминалось. После официальной женитьбы императора на скопце римляне то ли в шутку, то ли всерьез утверждали, что они были бы счастливы, если бы у отца Нерона была точно такая же жена.

Своего пасынка — сына Пoppеи и Руфия Криспина — Нерон приказал утопить после того, как мальчик во время игры опрометчиво назвал себя императором.

Существует мнение, что Нерон совершенно не занимался делами правления, спихнув их на плечи своего ближайшего окружения. Это не совсем верно. Да, в первые годы своего императорства Нерон фактически не правил Римом, но постепенно он начал приобретать вкус к государственным делам. Скорее всего, это произошло под влиянием Сенеки (в 65 году Нерон приказал Сенеке покончить жизнь самоубийством, поскольку тот не донес ему о заговоре) и опытного политика, командующего преторианской гвардией Афранныя Бурра.

Прекрасная Пoppея не желала делить императора с другими женщинами и потребовала, чтобы он избавился от матери и жены. Картина неизвестного немецкого художника. 1-я пол. XIV в.

Начав свое правление, Нерон намеревался четко разделить императорские и сенатские полномочия и заявил, что он, подобно своему великому предку Октавиану Августу, не собирается вникать во все дела.

Вначале практически все вопросы управления, вплоть до самых значительных, решались в сенате, и конечно же сенаторам это нравилось. Они превозносили Нерона как могли, установили в храме Марса Мстителя его статую из золота и серебра и даже собирались объявить началом года декабрь — месяц рождения Нерона. Постепенно ситуация изменилась — Нерон все активнее начал интересоваться политикой. Так, например, его заслугой считают достижение выгодного перемирия с Парфией. Правда, в последние годы своего четырнадцатилетнего правления Нерон снова стал уделять развлечениям все больше и больше внимания.

Все статуи убитой Агриппины были заменены на статуи Пoppей.

В 60 году Нерон учредил в свою честь новые игры — Неронии, которые должны были проходить каждые пять лет, подобно Олимпийским играм. Игры эти имели спортивно-поэтический характер. Их участники состязались в музыке, ораторском искусстве, поэзии, гонках на колесницах и гимнастике. Примечательно, что в программе Нероний не было любимых римлянами и не любимых Нероном гладиаторских боев. В первых играх

Нерон лично принял участие, причем настоял на том, чтобы быть соискателем награды наравне с другими актерами, без каких-либо поблажек. Тацит писал: «Еще до того, как начались пятилетние состязания, сенат, пытаясь предотвратить всенародный позор, предложил Нерону награду за пение и в добавление к ней венки победителя в красноречии, что избавило бы его от бесчестия, сопряженного с выступлением на театральных подмостках. Но Нерон, ответив, что ему не нужны ни поблажки, ни поддержка сената и что, состязаясь на равных правах со своими соперниками, он добьется заслуженной славы по нелицеприятному приговору судей, сперва декламирует поэтические произведения; затем по требованию толпы, настаивавшей, чтобы он показал все свои дарования (именно в этих словах она выразила свое желание), он снова выходит на сцену, строго соблюдая все принятые между кифаредами правила: не присаживаться для отдыха, не утирать пота ничем, кроме одежды, в которую облачен, не допускать, чтобы были замечены выделения изо рта и ноздрей. В заключение, преклонив колени, он движением руки выразил свое глубочайшее уважение к зрителям, после чего, притворно волнуясь, застыл в ожидании решения судей».

Участие в играх не прибавило Нерону популярности, скорее наоборот.

В 60 году на небе появилась комета, предвещавшая, по мнению римлян, скорый конец правления Нерона.

В 61 году в Британии началось крупное восстание иценов во главе с царицей Боудиккой. Восстание было подавлено, но успело сильно пошатнуть императорскую власть, чем не замедлила воспользоваться Парфия.

В ночь с 18 на 19 июля 64 года в Риме начался сильный пожар, который длился шесть дней, а затем утих, чтобы возобновиться вновь через три дня. Разрушения были огромными. Нерон, спешно прибыв в Рим из Анция, начал энергичную борьбу с пожаром и в скором времени принялся за восстановление города.

В народе заговорили о том, что император приказал поджечь Рим, чтобы перестроить его по своему вкусу. Официально в поджоге Рима обвинили немногочисленную в те времена христианскую общину, но репутация Нерона была настолько плоха, что ему можно было приписать все что угодно.

Если римляне пострадали во время пожара, то провинции были возмущены крупными поборами, взимаемыми на восстановление и перестройку Рима.

Недовольство росло, часто вспыхивали восстания, заговоры следовали

один за другим.

В 68 году волна восстаний прокатилась по империи и докатилась до Рима. Нерон, от которого отвернулись даже приближенные, осужденный Сенатом на смерть, хотел было спастись бегством, но боязнь поимки вынудила его покончить жизнь самоубийством — с помощью одного из своих советников император вонзил себе в горло меч.

«Скончался он на тридцать втором году жизни, в тот самый день, в который убил когда-то Октавию, - писал о смерти Нерона Светоний. -

Ликование в народе было таково, что чернь бегала по всему городу в фригийских колпаках. Однако были и такие, которые еще долго украшали его гробницу весенними и летними цветами и выставляли на **ростральных** трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в которых говорилось, что он жив и скоро вернется на страх своим врагам. Даже парфянский царь Вологез, отправляя в сенат послов для возобновления союза, с особенной настойчивостью просил, чтобы память Нерона оставалась в почете. И даже двадцать лет спустя, когда я был подростком, явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона, и имя его имело такой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать...»

*Фрагмент картины Г. Семирадского «Христианская дирка».
Нерон присутствует на казни христиан.*

Нерон прожил свою бурную жизнь, будучи уверенным, что людей целомудренных и чистых душой на свете не существует, просто большинству удастся хитроумно скрывать свои пороки и искусно маскировать дурные намерения.

Чингисхан, основатель и великий хан монгольской империи

Учитель сказал: «Управляя царством, имеющим тысячу боевых колесниц, следует серьезно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях; использовать народ в соответствующее время».

Конфуций «Суждения и беседы», перевод Л.С. Переломова

Марево белых цветов... Только так приходит теперь Каждый рассвет ко мне.

Ёса Бусон «Хайку», перевод В.Н. Марковой

Настоящее имя — Тэмуджин, сын Есугея

Характер — целеустремленный, решительный

Темперамент — сангвинический

Религия — язычник, поклонявшийся Вечно Синему Небу

Отношение к власти — жадное

Отношение к подданным — внимательное к монголам, презрительное ко всем прочим нациям

Отношение к любви — сдержанное

Отношение к лести — спокойное

Отношение к материальным благам — приязненное

Отношение к собственной репутации — бережное

Чингисхан, основатель и великий хан монгольской империи (1155-1227)

*Великий завоеватель
стал зваться
Чингисханом не сразу.
От рождения его звали
Тэмуджином. Портрет
на шелке. XIV в.*

Во все века монголы, жившие родовым бытом, делились на роды, племена и улусы, которые можно назвать народами. В XII веке у монголов было три класса — правившая аристократия, простолюдины и рабы. Религией монголов в то время был шаманизм.

Это для жителя Рязани или Новгорода все монголы были на одно лицо. На самом деле «монголами» вначале называло себя только одно из монгольских племен, также называемое «он-гутами». Другие племена звались татарами, кераитами (или кэрэитами), тайджиутами (или тайчиутами), найманами, мерегетами (или меркитами), ойратами. Были еще уйгуры, родственный монголам народ тюркского происхождения, и кара-китаи, тюркские племена, имевшие свое государство.

Всех монголов объединяло одно — они были прирожденными всадниками и суровыми воинами.

Бедные растительностью, зато просторные, прямо-таки бескрайние степи давали людям возможность прокормиться, лишь постоянно перегоняя свое стадо с одного пастбища на другое. За хорошие пастбища приходилось постоянно воевать — защищать или завоевывать.

Земледелие — деятельность, тесно связанная с товарным обменом или торговлей, — вырабатывает у занимающихся им оседлых народов мирный характер. Напротив, кочевое скотоводство, сопровождаемое вечной борьбой за лучшие кочевья, воспитывает в людях воинственный дух.

Кочевники не строили укрепленных городов, не знали оседлой жизни и искренне считали своим весь мир. Для войны им требовалось немного — конь, оружие (лук со стрелами и сабля) и вождь, способный повести воинов за собой.

Конь был у каждого монгола. Согласно древней поговорке, монгол рождается на коне и на коне же умирает.

С оружием проблем не было. Монгол без оружия — не монгол.

Проблема была с вождями — редко рождались те, о чьих деяниях слагались потом легенды.

И никто из вождей монголов не смог подняться над межплеменной, межулусной рознью, объединив народ в единый кулак, ужасный в своей мощи.

Никто, кроме Чингисхана, великого хана, который начал с малого, а закончил тем, что чуть было не покорил весь континент.

Впрочем, герой этого рассказа стал именоваться Чингисханом не сразу. От рождения его назвали Тэму-джином. Родился Тэмуджин в феврале 1155 года на берегу реки Онона, в урочище Делюн-Болдох. Отцом его был Есугей-багадур, человек знатного рода Кият-Борджигин, потомственный степной аристократ, пользовавшийся в народе репутацией храброго и сильного воина, что видно по его прозвищу «бага-дур» — богатырь. Дедом Есугей-багадура был славный Хабул-хан, а сам род, согласно поверью, велся от бурого волка, женатого на прекрасной лани. Есугей-багадур был избран своими соплеменниками главой племени тайджиутов.

Есугей-багадур часто воевал с другими монгольскими племенами, особенно с татарами и цзинями (государство Цзинь — «Золотое царство», по-монгольски именуемое «Алтан» — включало в себя часть современной Монголии и Северного Китая). Велика была слава Есугей-багадура, и имя его наводило страх на врагов.

Перед рождением первенца Тэмуджина Есугей-багадур предпринял удачный поход против племен татар, пленив главу племени, звавшегося Тэмуджином. Татарский вождь был воином доблестным, поэтому Есугей-багадур назвал новорожденного сына в его честь.

Тэмуджин родился со сгустком крови в руке, похожим на красный камень. Это расценили как добрый знак, предвещавший первенцу Есугей-багадура великую власть.

Когда Тэмуджину исполнилось девять лет, отец повез его свататься. Для избежания браков в близких степенях родства обычай предписывал монголам искать невест в дальних стойбищах. В пути Есугей-багадур и Тэмуджин повстречались с вождем племени ко-нырат по имени Дай-Сэчэн.

Узнав о цели их поездки, тот предложил в жены Тэмуджину свою девятилетнюю дочь, красавицу Бортэ.

*Монгольские лучники
на конях.
Миниатюра XIV в.*

Смотрины удались. Жених и невеста понравились как друг другу, так и родителям. Союз, по обычаю, скрепили, обменявшись подарками. Оставалось дожидаться совершеннолетия и сыграть свадьбу.

На обратном пути случилось страшное — Есугей-багадур был вероломно отравлен татарами, которые заманили его на какой-то пир. Отрава подействовала не сразу - Есугей-багадур успел вернуться домой, где и умер.

Юный Тэмуджин остался главой семьи с матерью Оэлун-экэ (что означает «мать-облако») и двумя младшими братьями на руках.

Сородичи Есугей-багадура преспокойно бросили семью своего предводителя в степи и откочевали, уведя с собой весь скот. Чтобы не умереть с голоду, Тэмуджину с братьями пришлось охотиться на сурков и барсуков, а также питаться растительной пищей, что дош монгола считалось зазорным. Иногда выручала ловля рыбы.

В таких суровых условиях слабые ломаются, а сильные проходят закалку. Монгольские мальчики вообще не растут неженками, даже и в знатных семьях. Помимо ловли рыбы и охоты, они обязаны были охранять табуны, заниматься розыском отбившихся животных, искать новые пастбища. Провести в седле сутки, а то и двое-трое было для них привычным делом.

Мать Тэмуджина была женщиной сильной и, по степным меркам, весьма образованной. После смерти мужа она не пала духом, у нее была

важная задача — воспитание детей. Она рассказывала им легенды, знакомила со славными деяниями предков и постоянно внушала сыновьям (в особенности своему первенцу), что их бедствия преходящи, что нищета носит временный характер, что, возмужав, они обязаны вернуть своей семье ее прежнюю славу и могущество. Разумеется, внушала Оэлун-экэ и мысли об отмщении. Отомстить надлежало татарам, убийцам Есугей-багадура, и неверным тайджиутам, покинувшим семью своего предводителя после его смерти.

*Сражение между монголами и китайскими войсками.
Миниатюра. XIV в.*

Как говорилось в старинном предании:

Сыновья благородной матери
Ели дикий лук и ростки чеснока
И терпеливо сносили лишения,
Пока не стали правителями.
Сыновья благородной матери
Выросли на ягодах и кореньях,
Чтобы стать мудрыми законодателями.

Тэмуджин вырос сильным и умным. Благодаря матери он не забыл, что его отец был повелителем сорока тысяч семейств, что предок его, Хабулхан, не побоялся дернуть за бороду цзиньского императора. Помнил Тэмуджин и то, что Есугей-багадур был побратимом правящего и по те дни

Тогрул-хана, могущественного вождя кераитов.

Жизнь Тогрула (по-тюркски это слово означает «сокол») была полна неожиданных поворотов. В детстве маленького хана дважды крали и возвращали родным за выкуп. Став взрослым, Тогрул взошел на ханство по трупам своих дядей, ввиду чего однажды ему пришлось спасаться бегством от мести одного из своих родственников.

Есугей-багадур помог Тогрул-хану вернуть себе ханскую власть, выступив со своими воинами на его стороне. После этого Тогрул и Есугей побратались.

Но не успел еще возмужавший Тэмуджин заявить о себе, как ему с семьей пришлось скрываться от врагов — соплеменников-тайджиутов, возглавляемых неким Таргултаем, тоже происходившим из рода Кият-Борджигин. Завладев имуществом Есугея-багадура и его родовыми пастбищами, Таргултай начал преследовать молодого Тэмуджина, помня о том, что нападение есть лучший способ защиты.

Тэмуджину не удалось спастись — он был настигнут и взят в плен. Чтобы пленник не сбежал, на него надели тяжелую деревянную колодку, крепко охватывавшую шею и запястья обеих рук. Колодка пригодилась Тэмуджину — ночью он ударил ею часового и бежал, спрятавшись от погони в водах Онона.

Избавиться от колодки ему помог один из преследователей, некий Сорган-Шира. Немного отстав от своих товарищей, он заметил торчавшую в прибрежных камышах голову Тэмуджина, но шума поднимать не стал, а, напротив, разбил колодку и отпустил беглеца на все четыре стороны.

В начале пути воинство Тэмуджина состояло из него самого, двух его братьев — Хасара и Белыугея — и его преданного друга и вассала Боорчу, однажды помогшего Тэмуджину отбить украденных у него лошадей.

Тэмуджин был высок ростом, красив лицом, крепок телом и острым умом. Жизнь научила его главному — умению выжидать, способности терпеть лишения и, несмотря ни на что, настойчиво стремиться к достижению поставленной цели. Тэмуджин был общителен, он умел расположить к себе людей, но от своего окружения требовал безоговорочного повиновения.

Достигнув положенного возраста, Тэмуджин решил жениться и в сопровождении одного из братьев отправился за сосватанной ему когда-то Бортэ.

Дай-Сэчэн, отец Бортэ, оказался человеком слова — он не только выдал дочь за Тэмуджина, но и обещал ему поддержку. Правда, влиянием Дай-Сэчен пользовался небольшим, но немного — все же лучше, чем

ничего.

Свадебная церемония у монголов в добуддийский период была несложной. Вначале шаман объявлял благоприятный день. Жених одевался в яркие нарядные одежды и с луком и стрелами в руках выходил навстречу будущему тестю.

Далее следовало громкое изложение генеалогии обеих сторон, как для подтверждения должного статуса молодых, так и для подтверждения того, что жених и невеста, как требует обычай, принадлежат к разным родам. Часто декламация производилась нараспев и сопровождалась чем-то вроде музыки. После ее окончания жених торжественно следовал в юрту тестя, где ему дарили новую одежду и новый лук со стрелами. Жених в ответ желал родителям невесты всяческих благ. Затем начинался долгий пир, на котором молодые непременно съедали кусок жесткой баранины, олицетворяющий прочность брачных уз. После пира молодые супруги уезжали в стойбище мужа, причем их отъезд обставлялся весьма торжественно.

Окрыленный удачей (он до последнего момента опасался, что Дай-Сэчэн откажется от своего бывшего обещания), Тэмуджин решил возобновить дружеские отношения с Тогрул-ханом, побратимом своего отца, и в сопровождении двух братьев поехал в ставку этого хана кэраитов.

В гости не принято ходить без подарка, особенно если хочешь чего-то добиться от хозяина. Тэмуджин подарил, точнее - передарил Тогрул-хану роскошную шубу из черных соболей, свадебный подарок Дай-Сэчэна.

Чингисхан и китайские послы. Миниатюра. XIV в.

Подарком Тогрул-хан остался доволен. Он великодушно признал себя названным отцом Тэмуджина и обещал ему свое покровительство, что впоследствии помогло сыну Есугей-багадур постепенно собрать небольшую дружину из людей, покинувших его после смерти отца.

Медовый месяц Тэмуджина был омрачен нападением на его стойбище кочевниками из племени меркитов. В свое время, восемнадцать лет тому назад, у одного из представителей этого племени по имени Чиледу была похищена Есугей-багадуром его жена Оэлун-экэ, мать Тэмуджина.

Тэмуджину удалось избежать плена (он ускакал на гору Бурхан-халдун и укрылся в чаще, где его тщетно искали три сотни погнавшихся за ним всадников), но Бортэ оказалась в руках меркитов. Через некоторое время при поддержке Тогрул-хана Тэмуджин вернул себе жену.

Двенадцать тысяч воинов, отправившиеся выручать Бортэ, ночью подошли к стойбищам меркитов на берегу реки Хилок, притока Селенги. Реку переходили вплавь, для чего каждый воин сплел себе маленький плот из камышей и перебирался на противоположный берег, держась одной рукой за плот, а другой за лошадь. Плавать монголы не умели. Они вообще избегали лишней раз иметь дело с водой.

Под натиском противника меркиты побежали. В первых рядах преследователей скакал Тэмуджин, то и дело громко призывая свою дорогую Бортэ. Бортэ тем временем увозили на одной из телег. Храбрая женщина, услышав голос своего мужа, выпрыгнула из телеги и побежала к нему. Обрадованный Тэмуджин соскочил с коня и обнял жену. Должно быть, встреча двух любящих сердец посреди хаоса бегства и погони выглядела весьма романтично. Тем более в лунном свете.

Обретя любимую, Тэмуджин счел дело сделанным и приказал прекратить погоню за меркитами. Его воины взяли себе в наложницы и служанки множество меркитских женщин. Много меркитов погибло. Бортэ была отомщена.

Похищение Бортэ меркитами отразилось на судьбе Джучи, первенца Тэмуджина. Чингисхан всю жизнь терзался сомнениями, является ли Джучи его сыном или нет. Из-за этого бедняга никогда не пользовался особым расположением отца. Правда, к самой Бортэ Чингисхан на протяжении всей своей жизни относился превосходно. У него были другие жены, были и дети от других жен, но лишь верная Бортэ пользовалась неизменным уважением грозного хана, и сыновья, рожденные ею (за исключением упомянутого Джучи) были для хана самыми любимыми детьми. Радость мужа разделяла Бортэ, исправно рожавшая детей и заботливо хранившая домашний очаг хана. Она была главной женщиной в жизни Чингисхана, единственной из жен, с которой великий хан советовался.

Впрочем, в то время Бортэ была вообще единственной женой Тэмуджина. Других жен у него пока не было.

Конечно же у Тэмуджина могли быть и другие женщины. Нравы степной аристократии были весьма свободными в той части, которая касалась мужских развлечений, и в девушках, предназначенных для утех, любой правитель недостатка не испытывал.

Справедливости ради надо отметить, что до нас не дошло сведений о чрезмерной любвеобильности молодого Чингисхана. Это уже в зрелом возрасте он обзаведется богатым, постоянно пополняющимся и обновляющимся гаремом.

Хана Тэмуджина не особо привлекали любовные утехы — он был одержим целью собрать под своим знаменем все без исключения монгольские племена и народы.

Чингисхан
и Тогрул-хан.

Пока что его аппетит были весьма умеренным — о завоевании всего мира Тэмуджин не задумывался.

Государство Цзинь ради обеспечения собственного спокойствия старалось всячески ослаблять своих соседей-кочевников, в первую очередь натравливая их друг на друга.

Однажды цзиньский император, сочтя, что его северо-западные соседи-татары ослаблены в надлежащей степени, решил добить их, пригласив к участию в предстоящей кампании Тогрул-хана. Керайтам надлежало ударить в тыл татарам после того, как цзиньское войско начнет атаковать с фронта.

Тогрул-хан согласился на предложение не сразу. Его убедил Тэмуджин, желавший отомстить татарам за смерть отца.

В результате слаженных действий союзников татары были наголову разбиты, вожди их погибли, а племя, навсегда лишившееся самостоятельности, перебито. Немногие уцелевшие татары растворились в прочих монгольских племенах. Те из них, кто дойдет до Руси в войске Батия, внука Чингисхана, по воле случая дадут название всему войску. Некогда могущественное племя исчезло навсегда, оставив после себя только имя.

После разгрома татар младший брат Хасар преподнес Тэмуджину подарок — красивую татарскую девушку по имени Есуген. Есуген понравилась Тэмуджину, он вспылал к ней страстью, да так, что решил, не откладывая, жениться на ней. Должно быть, Тэмуджин посчитал, что такому знатному человеку, как он, не пристало иметь всего одну жену, словно простолюдину. Во все времена в дела любовные часто мешались соображения престижа.

Есуген расхвалила Тэмуджину красоту своей старшей сестры Есуй. Тэмуджин пожелал посмотреть на девушку собственными глазами. В итоге в тот же день он взял в жены обеих сестер. Эти две жены Тэмуджина не оставили в истории такого следа, как его первая жена — Бортэ. Возможно, потому, что обе они рожали одних лишь девочек.

По свидетельству современников, с Бортэ пыталась соперничать четвертая жена Чингисхана, дочь знатного мер кита Тайр-Усуна Кулян (иногда ее называют Хулан). Однако несмотря на то, что хан посещал красавицу Кулян чаще, чем других жен, несмотря на то, что Кулян, как и Бортэ, родила ему сына, главенство все равно оставалось за первой женой.

В войне с татарами Тэмуджин впервые проявил себя как полководец, и проявил с лучшей стороны. По его распоряжению во вражеском войске была заблаговременно произведена разведка, во многом обусловившая успех кампании. Этому правилу — вначале узнай о враге все, что можно, и лишь потом наноси удар — Чингисхан останется верен на протяжении всей своей жизни.

За помощь в разгроме татар Тогрул-хан получил от цзиньского императора почетный титул «Ван-хана», а Тэмуджину досталось звание «чжаохури», нечто вроде военачальника. Должно быть, Тэмуджин был рад — не столько званию, сколько тому, что сумел как следует отомстить татарам.

Постепенно Тэмуджин познакомился со многими племенными вождями. Ближе всех прочих он сошелся с Джамухой, предводителем небольшого племени джаджират. Джамуха был сородичем Тэмуджина и его побратимом (они дружили с детства). Настанет день, и их пути разойдутся, Джамуха, сторонник степной вольницы, станет врагом Чингисхана и будет казнен по его повелению. Но до этого еще далеко...

Окрыленная первыми успехами, властная натура Тэмуджина стремилась к власти над монголами. Он мечтал не просто править, он мечтал возвеличить свою нацию и прославить ее великими победами под своим предводительством. Усилия его матери, неутомимо разжигавшей честолюбие в сыновьях, не пропали зря.

Тэмуджин верил в свою счастливую судьбу, верил в свое предназначение, верил, что Вечно Синее Небо («верховное божество, именуемое по-монгольски «Менкэ-Кеке-Тенгри») покровительствует ему. И не только верил сам, но и сумел убедить в этом своих соплеменников.

О разрыве Тэмуджина и Джамухи сохранилась легенда, гласящая, что однажды побратимы поднялись со своего стойбища для перемены пастбища. При выборе нового места для стоянки Джамуха сказал Тэмуджину: «Бели мы остановимся у той горы, то пасущим коней (то есть аристократам, имевшим табуны лошадей. — А. Ш.) будет удобно, а если останемся здесь, вблизи воды, то пасущие овец и коз (то есть беднота, простолюдины. — А. Ш.) будут иметь пищу». Тэмуджин, раздосадованный тем, что Джамуха слишком заботится о простом

народе, решил окончательно порвать с ним и, не останавливаясь у воды, отправился кочевать к дальней горе.

К тому времени Тэмуджин уже пользовался значительным влиянием. К нему прикочевало много племен, предводители которых признали Тэмуджина своим вождем.

*Монгольский воин.
Китайский рисунок.
XIV в.*

Монголам был нужен лидер, вождь нации, и Тэмуджин как нельзя лучше годился на эту роль. Он происходил из славного рода, имел богатырское телосложение, ему, как верили монголы, покровительствует Вечно Синее Небо (репутацию любимца высших сил Тэмуджин искусно создал себе сам). Кроме того, Тэмуджин обладал способностями военачальника и оратора.

Встав во главе войска из тринадцати тысяч конных воинов, Тэмуджин двинулся походом на тайджиутов, с которыми у него были старые счеты.

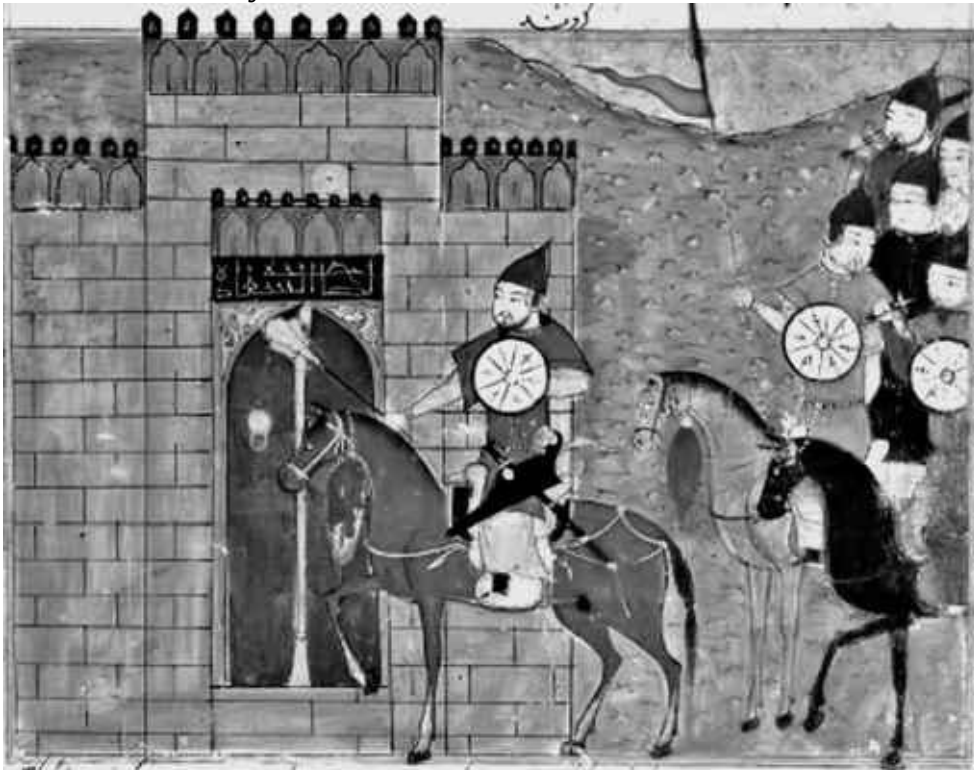
Тайджиутский вождь Таргултай хорошо подготовился к войне, собрав под своим началом тридцать тысяч всадников. Он первым напал на Тэмуджина во время его перекочевки с летних пастбищ на зимние. На стороне Таргултая сражался и бывший побратим Тэмуджина - Джамуха.

Нападавшим не удалось застать Тэмуджина врасплох. Проявив незаурядное тактическое мастерство и умело использовав все преимущества местности, Тэмуджин одержал победу над тайджиутами, численностью превосходившими его войско более чем в два раза. Около восьмидесяти вражеских военачальников были взяты в плен и преданы смерти — так Тэмуджин (раненый в шею в этом бою) устрашал будущих врагов.

Хан умел не только казнить, но и прощать. Когда вскоре после победы над тайджиутами к нему явился молодой вассал Джамухи по имени Джиргоадай и признался, что в последнем бою он подстрелил коня под Тэмуджином, хан даровал ему прощение и даже приблизил к себе. Вместе с

прощением Джиргоадай получил от Тэмуджина новое имя Джэбэ, что в переводе означает «стрела». Имя было дано молодцу в качестве вечного укора, на память о подстреленном ханском коне.

Джэбэ оправдал оказанное ему доверие. Он стал одним из наиболее талантливых и преданных полководцев Чингисхана, принимавших участие во всех его походах. Кстати говоря, именно Джэбэ впервые увел монголов из-под Самарканда в южнорусские степи и разгромил сборное войско русских князей на реке Калке в 1223 году. Его напарником в этом великом походе был не менее знаменитый Субутай-багадур, также начавший служить Чингисхану с юных лет.

Осада Пекина монгольскими войсками.

Свое тридцатилетие Тэмуджин встретил на гребне славы.

Знатные монгольские вожди, собравшиеся вокруг Тэмуджина, были не против провозглашения его великим ханом, ханом-императором. Старинное предание гласит, что они обратились к нему с такими речами:

«Мы хотим провозгласить тебя каганом-императором. Когда ты станешь каганом, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми, и если полоним прекрасных девиц и жен, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы или в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними

у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях».

«Так поклялись они, — повествуется далее, — и провозгласили Тэмуджина каганом и нарекли его Чингисом». На языке западных монголов «чингис» означает «крепкий», «сильный», причем не столько физически, сколько духовно. Впрочем, некоторые ученые трактуют «чингис», как искаженное монгольско-тюркское слово «тенгиз», означающее «море». В их понимании «Чингисхан» означает «Хан всех земель, омываемых морем», то есть по сути своей «Всемирный хан». Короче говоря — как ни толкуй, но титул, заменивший имя, данное при рождении, был почетным. Очень почетным.

«Альтернативный», как сейчас принято выражаться, титул гурхана (что означает «Всенародный хан») получил заклятый враг Чингисхана Джамуха. Его возвеличили противники Чингисхана, собравшиеся в 1201 году на курултай (большое собрание) возле реки Аргуни.

Присвоение Джамухе титула гурхана стало прямым вызовом Чингисхану.

Со свойственной ему неторопливой осторожностью Чингисхан разбил сторонников Джамухи, а несколько позже одолел и Ван-хана, своего бывшего покровителя.

Военные успехи Чингисхана были в первую очередь обусловлены строжайшей дисциплиной, царившей в его войске. Чингисхан не только сумел объединить разномастные монгольские племена, но и смог искоренить в своих воинах привычку при всяком удобном случае кидаться грабить, в ущерб воинскому долгу.

Чингисхан внушил воинам, что справедливый дележ добычи может состояться только после победы над врагом.

Так, например, перед битвой с Джамухой хан повелел своим воинам: «Если будет успех, то не гнаться за добычей, по окончании же всего дела разделить ее поровну. В случае, если бы был сначала неуспех, который заставит отойти в исходное положение, то ратники должны снова и снова атаковать; тому, кто, отступив, уклонится от повторения атаки, отрубить голову».

Дисциплину приходилось поддерживать самыми суровыми способами.

По древнему обычаю, каждый предводитель кочевников мог вместе со своим племенем покинуть своего повелителя и пристать к другому. Так однажды от Чингисхана отделился со своими людьми его родной брат Хасар, недовольный своим положением. Однако у Чингисхана подобный номер не проходил — вслед за беглецами отправлялась карательная экспедиция, обычно возглавляемая Субутай-багадуром, и быстро

приводила их к покорности.

*При осаде городов
монголы использовали
катапульты.*

При всей своей деспотичности Чингисхан старался править справедливо, видя в справедливости, в тщательном соблюдении установленных законов главную опору своей власти. Вот что писал о Чингисхане знаменитый путешественник Марко Поло, побывавший в великой империи монголов: «Завоеывая какую-либо область, хан не обижал живущего там населения, не нарушал его прав собственности, а только сажал править среди них нескольких своих людей, уходя с остальными на дальнейшие завоевания. И когда люди покоренной им страны убеждались, что он обеспечил им надежную защиту от всех их соседей и что они не терпят никакого зла под его властью, а также когда они видели его благородство как правителя, тогда они становились верными ему телом и душой и из бывших врагов хана обращались в его преданных слуг. Создав себе подобным образом огромную массу верных людей — массу, которая, казалось, могла бы покрыть весь лик земной, он стал думать о завоевании всего мира».

Лишь на пятьдесят втором году жизни Чингисхана осуществилась его великая мечта. Наконец-то ему удалось собрать под своей неограниченной властью все монгольские племена, кочевавшие от Алтая до Аргуни и от сибирской тайги до Великой Китайской стены. Настала пора возвеличить себя, подчеркнуть божественную сущность носимого им имени.

Чингисхан повелел созвать весной 1206 года в верховьях реки Онон курултай из всей монгольской аристократии. Курултай этот проходил в торжественной обстановке. На видном месте водрузили девятихвостое (ханская привилегия) белое бунчужное знамя на древке о девяти ногах. По предложению шамана Кокэчу (иначе именуемого Теб-Тэнгри) хан

Тэмуджин был провозглашен Божественным Чингисханом, говоря по-монгольски — Суту-Богдо Чингисхан. Арабский историк Рашид ад-Дина оставил заметки об это великом событии, свидетелем которого он стал:

«На курултае Кокэчу сын Мунлика, знаменитый шаман, славившийся своими чудесами и пользовавшийся большим авторитетом среди монголов, сказал: «Вечное Синее Небо дарует тебе царство земное. Теперь, когда пали от руки твоей правители этих земель, называемые каждый Гур-ханом, и их владения достались тебе, то пусть будет твое прозвище «Чингис». Ты стал царем царей, Вечное Синее Небо повелело, чтобы прозвание твое было: Чингисхан, Царь царей и Владыка над правителями».

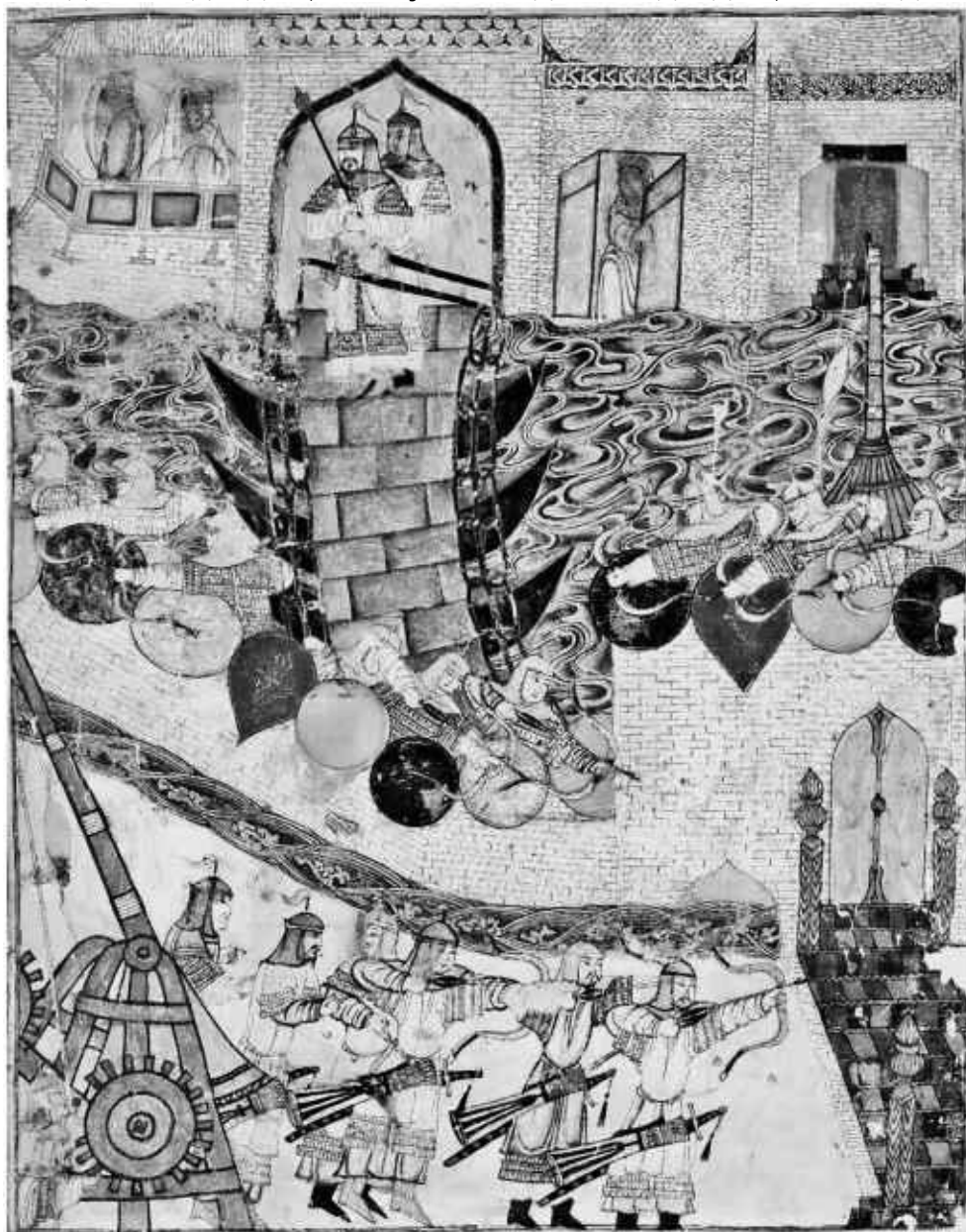
Все одобрили и утвердили это имя, и ему достались сила и могущество наисовершеннейшие, и отныне он принадлежит к миродержцам».

Чингисхан же в ответ на слова Кокэчу сказал: «Этот народ монгольский, который, несмотря на все страдания и опасности, которым я подвергался, с храбростью, упорством и приверженностью примкнул ко мне, который, с равнодушием перенося радость и горе, умножал мои силы, — я хочу, чтобы этот, подобный благородному горному хрусталу, народ, который во всякой опасности оказывал мне глубочайшую верность вплоть до достижения цели моих стремлений, был бы самым первым из всех, живущих на земле!» Своего рода программное заявление вождя нации.

Чингисхан обзавелся государственной яшмовой печатью, на которой было вырезано: «Бог - на Небе, Ха-хан - Могущество Божие на Земле. Печать Владыки Человечества». Нечего сказать - скромно и со вкусом.

Теперь взор Чингисхана обратился на Восток, к богатому просвещенному Китаю, всегда бывшему для кочевников лакомым куском. Собственно китайские земли были заняты двумя государствами — Северным царством Цзинь и Южным Сун. Оба этих государства были населены китайцами и принадлежали к великой китайской культуре, но если государством Сун правила китайская династия, то во главе царства Цзинь стояла чужеземная династия завоевателей — чжурчженей. Разумеется, Чингисхан начал с ближайших соседей — царства Цзинь, к которому у него накопилось много претензий. Один из цзиньских императоров разрушил возникшее было монгольское государство с помощью не столько военной силы, сколько своей коварной политики, напустив на него жадных соседей. Один из монгольских ханов, Амбагай, был взят в плен цзинями и предан мучительной смерти... Список обид был велик, но, несмотря на это, монголы хорошо его помнили и, затаив жажду

мести, ждали подходящего случая. Ждали подходящего вождя.

Взятие Багдада.

С китайцами у монголов никогда не было дружбы. Слишком уж отличались друг от друга эти народы. Отличались всем — языком, укладом, мировоззрением, системой ценностей.

Кочевники-монголы считали себя выше соседей, поскольку были свободны, как ветер. Оседлые земледельцы в их понимании были жалкими земляными червями, не знавшими, с какого бока следует подходить к лошади. Культура Китая в их глазах не стоила ничего - монголов привлекали материальные ценности, в первую очередь драгоценные

металлы, оружие, шелк и чай, к которому они быстро привыкли.

Китайцы, в свою очередь, считали свой образ жизни единственно правильным, а монголов называли «варварами, употребляющими в пищу молоко животных». Сами китайцы, надо заметить, при всей своей всеядности, молока животных не пили и никаких молочных продуктов не знали - молоко в их понимании было нечистым.

Кочевники представлялись китайцам жадными, свирепыми, тупыми и ненадежными. Древние мудрецы призывали китайцев жестко обращаться с кочевниками, когда они приходят, и опасаться их, когда они уходят.

Небольшая торговля не способствовала развитию добрососедских отношений - тем более что китайцы не прочь были обмануть, а монголы предпочитали брать товары силой, без оплаты.

*Такими увидели
монгольских воинов
жители Японии.*

Ради сохранения спокойствия Китая выстраивались высокие стены, призванные остановить кочевые племена и не дать им вторгнуться на китайские земли. Одна из этих «великих стен» сохранилась вплоть до наших дней.

Чтобы усыпить бдительность и подозрение цзиней, Чингисхан старался как можно незаметнее накапливать силы и искусно притворялся верным данником цзиньского императора.

Тем временем его шпионы под видом торговцев (наилучшая маскировка во все времена!) рыскали взад-вперед по государству Цзинь, тщательно и всесторонне изучая будущего противника.

Противник был силен, он обладал многочисленной армией, хорошо вышколенной и превосходно оснащенной, которая намного превосходила силы, подвластные Чингисхану. Вдобавок в царстве Цзинь имелись десятки крепких городов-укреплений.

Для того чтобы иметь возможность без опасения выставить против цзиней все свое войско, Чингисхан предпринял несколько мелких походов на своих соседей, ставших подготовкой к большому походу.

Поход на цзиней затянулся, но в целом удался. После многих сражений монгольские войска разорили большую часть страны, а в 1215 году

захватили столицу цзиней Чжунду (современный Пекин). Дорого обошлось жителям Чжунду монгольское нашествие. Монголы вели себя очень жестоко, не только грабя, но и убивая налево и направо.

С огромной добычей и множеством пленных войско Чингисхана ушло домой — хан понял, что удержать царство Цзинь он не в силах. Мир с императором Золотого царства был скреплен брачным союзом — Чингисхан женился на падчерице императора. Демонстрируя монголам свою сохранившуюся мощь, цзинский император дал в приданое пятьсот мальчиков и пятьсот девочек, державших в руках подносы с драгоценными дарами, и три тысячи коней. При жизни Чингисхана Северный Китай так и не был покорен окончательно. До Южного Китая, государства Сун, у Чингисхана руки так и не дошли.

Без войны Чингисхан уже не мог жить. Не могло жить без войны и монгольское войско. Монголам требовалась новая добыча, новые пастбища, новые рабы.

Чингисхан повелел войску идти на запад и в 1218 году вторгся в Восточный Туркестан и Семиречье. Война с царством Цзинь научила монголов многому — в их войске появились осадные машины, стенобитные и камнемётные.

Бухара, Самарканд, Ургенч, Мерв... Повсюду монголы действовали одинаково — истребляли всех, кто осмеливался оказывать сопротивление, и угоняли в рабство ремесленников, девушек, детей...

*Угедей, третий сын
Чингисхана
и его преемник.*

В 1221 году монголы, ведомые Чингисханом, пришли в Азербайджан и Грузию, через Северный Кавказ вышли на Крым. В 1223 году на берегу реки Калки монголы разбили войско русских князей. Встретив отпор в

Булгарском княжестве, монгольское войско, истощившее свои силы в столь длительном походе, повернуло домой.

Осенью 1225 года Чингисхан вернулся на родину, собрал силы и выступил против государства тангутов. В тангутском походе где-то вблизи Желтой реки (Хуанхэ) на территории нынешнего Китая он и умер. Случилось это в 1227 году. Его тайно похоронили, и до сих пор археологи безуспешно ищут могилу Чингисхана.

После избрания нового хана духу Чингисхана принесли в жертву сорок девушек. Должно быть, дух остался доволен, хотя женщины, без которых он длительное время мог обходиться, всегда интересовали Чингисхана гораздо меньше, чем власть и войны. В эпоху Чингисхана монголы не знали мира — они или воевали, или собирали силы для новой войны. Победа над целыми племенами и народами в глазах Чингисхана была куда ценней любви одной или нескольких женщин. Да и могла ли любовь жить в сердце человека, по приказу которого многолюдные цветущие города обращались в покрытые трупами пепелища? Нет, не могла. Есть злодеяния, совершаемые во имя любви, есть злодеяния, совершаемые из ревности, а есть злодеяния, несовместимые с любовью.

Генрих VIII, король Англии

*О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет,*

*У. Шекспир «Сонеты и стихи», перевод С.Я.
Маршака*

Настоящее имя — Генрих Восьмой Тюдор
Характер — жестокий, решительный
Темперамент — ближе к сангвиническому
Религия — начал свою жизнь как католик, закончил как протестант,
принадлежащий к созданной им самим англиканской церкви
Отношение к власти — страстное
Отношение к подданным — пренебрежительное
Отношение к любви — как чувственное, так и романтическое, в
зависимости от обстоятельств
Отношение к лести — трепетное
Отношение к материальным благам — алчное
Отношение к собственной репутации — равнодушное

*Ганс Гольбейн Младший.
Портрет Генриха VIII.*

Генрих VIII, король Англии (1491-1547)

Отец Генриха VIII, король Генрих VII Тюдор, основатель династии Тюдоров, правившей Англией и Уэльсом в течение ста семнадцати лет, был из Ланкастеров, а мать - королева Елизавета, дочь короля Эдварда IV — принадлежала к Йоркам. С восшествием Генриха VIII на королевский престол был положен конец вражде домов Ланкастеров и Йорков, вражде, которая привела в прошлом веке к войне Алой и Белой роз. Но Генрих VIII не оправдал надежд своих подданных, жаждавших мира и покоя. Кроважидный тиран, не привыкший обуздывать свои страсти, он вверг страну в худшую из смут — смуту церковного раскола, став основателем англиканской церкви...

Король-отец, Генрих VII, прославился своей чудовищной скупостью, доходившей до невообразимых пределов. Жадность убила в нем все прочие чувства и эмоции. У короля было две руки, два верных министра - Эмпсон и Дадли, которые помогали ему обдирать собственный народ как липку, изобретая все новые поборы, подати и налоги.

Народ жил впроголодь, и почти так же жил двор вместе с королевским семейством, изнывая от непомерной скупости короля, упоенно наблюдавшего за приумножением своей казны.

Казна обогащалась, страна нищала и приходила в упадок, король был счастлив и гордился собой.

Генрих VII из всего извлекал выгоду. В свое время он женил своего старшего сына Артура, принца Уэльского, бывшего наследником английского престола, на Екатерине Арагонской, семнадцатилетней испанской принцессе, дочери небезызвестных Фердинанда Католика и Изабеллы. Артур, имевший серьезные проблемы со здоровьем, прожил в браке всего год, после чего тихо скончался, оставив младшему брату Генриху титул принца Уэльского, а вместе с ним и право престолонаследия.

Вдобавок двенадцатилетнему принцу Генриху досталась «в наследство» и вдова брата. Дело было в том, что по договору между Фердинандом Католиком и Генрихом VII последний, в случае если Екатерина останется на чужбине вдовой, был обязан возвратить ее отцу, вместе с огромным по тем временам приданым, составлявшим ни много, ни мало сто тысяч фунтов. Разумеется, расстаться со столь огромной суммой король-скупец не мог. С благословения римского папы Юлия II Генрих VII обручил младшего сына со вдовой старшего, не только сохранив при себе приданое, но и упрочив дружбу Англии с Испанией.

*«Сын мясника»,
Кардинал Уолси
потакал всем страстям
короля, не забывая также
о собственной выгоде.*

Но плох бы был король Генрих VII, если бы остановился на достигнутом и не попытался бы стясти со свояка еще толику денег. Едва сын достиг совершеннолетия, венценосный отец потребовал от испанского короля прибавки к приданому и вообще выразил желание пересмотреть условия устаревшего, по его мнению, брачного договора. Фердинанд ответил на шантаж решительным отказом. Тогда Генрих VII принудил сына опротестовать брак. В дело вторично пришлось вмешаться папе римскому, который выступил в поддержку испанского короля, но Генрих VII остался верен своей тактике. Он все тянул и тянул со свадьбой, намереваясь не мытьем, так катаньем настоять на своем, и дотянул таким образом до самой смерти, которую ждали все — и наследник, и двор, и народ.

22 апреля 1509 года, в день смерти короля Генриха VII, восемнадцатилетний Генрих, принц Уэльский, стал королем Англии и Уэльса Генрихом VIII, получив от отца корону, невесту и казну, в которой был один миллион восемьсот тысяч фунтов.

Деньги пришлось как нельзя кстати — подобно большинству сыновей скупцов, Генрих VIII тяготел к роскоши и расточительству. Выбравшись из пучины скопидомства, королевский двор погрузился в бесконечную череду праздников, рыцарских турниров, балов и гуляний. Конечно же самыми блистательными праздниками стали свадьба молодого короля с Екатериной Арагонской, состоявшаяся через два месяца после смерти Генриха VII, и коронация, последовавшая за свадьбой.

*Юный Генрих стал королем,
когда ему исполнилось
18 лет.*

Молодой король был умен, богат, полон сил и честолюбивых стремлений. Он спешил вознаградить себя за все лишения, испытанные при жизни отца, и доказать миру, что он, король Генрих VIII, может править страной не хуже своего предшественника, а то и лучше.

Правда, поначалу он больше развлекался, чем правил, отдав бразды правления в руки своего придворного духовника Томаса Уолси, честолюбивого и алчного служителя церкви, страстно мечтавшего о папской тиаре и не гнушавшегося ничем на пути к заветной цели.

Подобно всем временщикам, Уолси потакал страстям короля, внушая ему, что удел монархов составляют не скучные дела государства, а веселые кутежи. Он подсовывал любвеобильному Генриху все новых и новых фавориток, подсказывал поводы для празднеств, советовал, интриговал, управлял...

Власть сына мясника (отец Томаса Уолси был зажиточным торговцем мясом в графстве Суффолк) была поистине огромной. Первый из вельмож английского двора, личный друг короля, Томас Уолси стал членом Государственного совета, а вскоре и канцлером. Молодой король говорил его устами и думал его головой. Во всяком случае, так казалось многим из современников. И впрямь, многие из поступков Генриха VIII совершались по наущению и к выгоде его канцлера. Вплоть до самых значительных.

Кто знает, каким бы королем стал Генрих V/III, повстречай он в самом начале своего правления другого наставника? Вполне возможно, что он вошел бы в историю Англии как добрый и справедливый король, ведь у него было для того все: ум, образованность, храбрость, широта взглядов, деньги и вдобавок - отличное здоровье, дающее своему обладателю возможность и денно, и ночью трудиться на благо государства.

Но история не знает сослагательного наклонения, и для англичан король Генрих VIII — столь же одиозная личность, как его современник Иван Грозный — для россиян.

Отношения между Генрихом VIII и его супругой Екатериной Арагонской поначалу были безоблачными. Королева снисходительно взирала на мимолетные увлечения своего молодого мужа, веря, что эти интрижки ей ничем не грозят (так оно до поры до времени и было), а тот платил ей признательностью и доверием. Так, например, отправившись на войну с Францией, Генрих оставил супругу правительницей королевства, а «верного славного Уолси» взял с собой в армию. То ли не мог и дня прожить без друга и советчика, то ли попросту не хотел рисковать, оставляя деятельного канцлера возле пустующего трона.

К слову будь сказано, на войне Генрих VIII принимал личное участие в сражениях и даже совершил несколько доблестных деяний, которые двор поспешил назвать «воинскими подвигами».

Внешняя политика короля служила к вящей славе его фаворита. Мир с французским королем Людовиком XII, скрепленный его браком с сестрой Генриха, принцессой Марией, принес Уолси сан епископа Турне — французского города, перешедшего к англичанам. Преемник Людовика XII Франциск I выпросил для Уолси у папы римского кардинальскую шапку. Все бы было хорошо, но вместе с подарком французский король причинил Уолси обиду, лишив его сана епископа турнейского. Месть не заставила себя долго ждать — новоиспеченный кардинал тут же восстановил Генриха VIII против Франциска I. Карл V, германский император, бывший, кстати говоря, родным племянником Екатерины Арагонской, ополчившись на Францию, пообещал кардиналу Уолси возделенную папскую тиару. Король Генрих вскоре заверил Карла V в своем содействии против недавнего союзника, короля Франции.

Очередная война против Франции потребовала денег, но... их не оказалось. Казну, столь истово заполняемую отцом, опустошили нескончаемые празднества, на которые столь щедр был сын. Король Генрих сделал первый шаг на пути превращения из доброго короля в тирана. Его величество повелел сделать перепись состояний своих подданных, после

чего обложил их податью — мирян обязал внести в королевскую казну десятую часть общей стоимости всего имущества, как движимого, так и недвижимого, а лиц духовного сана «нагрел» на целую четверть.

Собранного (так и хочется написать — награбленного) не хватило, и все тот же кардинал Уолси, прикрываясь именем короля, потребовал у английского парламента заем на военные нужды в восемьсот тысяч фунтов. Члены парламента прекрасно знали, как короли отдают долги своим подданным, и ответили королю отказом, проголосовав большинством голосов против выдачи займа. Король Генрих проявил характер, пообещав упрямам скорейшее расставание с самым ценным из того, что они имели — их собственными головами, и буквально на следующий день королевская казна пополнилась на восемьсот тысяч фунтов.

Вместе с титулом наследника престола Генрих унаследовал и его невесту, Екатерину Арагонскую. До поры до времени супруги жили в полном согласии.

Сам же кардинал Уолси в то время управлял практически всеми епархиями королевства, получая в придачу пенсии от папы римского и германского императора. Кроме того, он имел право ежегодно возводить без папского разрешения пятьдесят человек в рыцарское достоинство, стольким же мог присваивать графский титул, а кроме того, имел право самочинно расторгать браки, узаконивать незаконнорожденных, раздавать индульгенции, изменять монастырские уставы и даже открывать и закрывать монастыри. Вдобавок, благодаря дружбе с королем, его влияние простиралось и на все отрасли светской власти без исключения.

Разумеется, при таком положении дел доходы кардинала Уолси были равны королевским (если не превосходили их!). Он имел не только собственных телохранителей, но и собственный двор, к которому почитали за честь быть причисленными представители знатнейших аристократических фамилий. Незачем и упоминать, что ради блага государства кардинал Уолси и не подумал поступиться хотя бы малейшей частью своего богатства.

Генрих вошел во вкус — он почувствовал, что для его воли, воли монарха, самим богом поставленного править подданными, поистине нет никаких преград. Точно также кардинал Уолси не видел препятствий на пути к посоху римского первосвященника...

Дважды, с промежутком в год с небольшим, освобождался папский престол, и оба раза честолюбивый кардинал оставался, как это принято говорить, при своем интересе. После смерти папы Льва X престол ненадолго занял Адриан VI, которого сменил Климент VII из дома Медичи. Таким образом, обещаниям Карла V оказалась грош цена.

Королева Екатерина была на пять лет старше мужа. К несчастью, ее красота рано увяла.

Кардиналу Уолси надоело ждать, он вознегодовал и начал мстить коварному германскому императору, причем ударил по нему с двух сторон - снова склонил своего короля к союзу с Францией да вдобавок внушил ему мысль о разводе с Екатериной Арагонской.

Екатерина Арагонская, воспитанная в строгости и послушании, была, вне всякого сомнения, хорошей, честнейших правил женой и превосходной матерью. Однако она была старше своего мужа на пять лет, и к тому же, подобно большинству испанок, не только рано

расцвела, но и столь же рано увяла. Настал день — и Генрих полностью охладел к ней.

Охладел и охладел. Это обстоятельство могло не повлечь за собой никаких последствий, тем более что, как уже было сказано, королева терпимо относилась к неверности мужа. Восемнадцать лет совместной жизни пролетели в добром согласии, некогда пылкая страсть сменилась уважением и дружбой.

До какого-то момента Генрих обуздывал свои страсти и не преступал определенной приличиями черты. Подобное положение вещей длилось до тех пор, пока кардинал Уолси не вознамерился разлучить короля с его женой, чтобы навсегда разорвать связь между Генрихом VIII и Карлом У.

Семя раздора упало на благодатную почву. Генрих часто печалился о том, что его брак, при всех достоинствах, далек от идеального, что дало возможность кардиналу постепенно довести до сознания своего короля мысль о противозаконности женитьбы на вдове родного брата и сожителства с ней. Впору пришли и слова из Священного Писания о том, что «наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего» (Левит, гл. XVIII, ст. 16), осуждавшие женитьбу короля. К месту вспомнился королю и основательно позабытый к тому времени собственный протест против брака с Екатериной, написанный по приказанию покойного отца, Генриха VII, двадцать лет тому назад...

*Молодой король
был полон сил
и честолюбивых
стремлений.*

С точки зрения кардинала Уолси (которую полностью разделял и король), все складывалось как нельзя лучше. Не хватало только толчка, чтобы запустить махину развода, и этот толчок своей прелестной ручкой сделала очаровательная оболъстительница Анна Болейн.

Анна Болейн была и остается в истории личностью противоречивой и неоднозначной. Одни, вспоминая, как Анна кончила свою жизнь, считают ее мученицей, другие же, беря за основу ее распущенность, ее неразборчивость в средствах на пути к престолу и ее издевательства, если не сказать — глумления — над несчастной Екатериной, не без оснований считают Анну расчетливой стервой, безжалостной интриганкой, которой воздалось по заслугам, не более того. Одно не вызывает сомнений ни у кого — Генрих любил Анну, любил пылко, страстно, всею душой, и ради своей ненаглядной он был готов на все. В первую очередь — на скандальный развод, имевший чудовищные последствия...

Вообще-то у семейства Болейн, состоявшего из отца Анны, Томаса Болейна, матери, урожденной графини Норфолкской, их сына и двух дочерей, репутация была самая незавидная. В свое время недолгой благосклонностью любвеобильного короля Генриха успели попользоваться

как мать Анны, так и ее старшая сестра. Происходило все это при содействии старшего брата Анны, с юных лет подвизавшегося при королевском дворе.

Сама Анна (бывшая девятью годами моложе своего возлюбленного короля) в четырнадцатилетнем возрасте убыла со свитой принцессы Марии, невесты Людовика XII, во Францию, где начала жить вольготно и разнузданно, то и дело меняя поклонников.

Меняла она и господ. Так, после отъезда овдовевшей королевы Марии в Англию Анна Болейн, не пожелавшая так скоро возвращаться на родину, поступила во фрейлины к супруге короля Франциска I, Клавдии Французской, а после ее смерти стала фрейлиной сестры короля — герцогини Алансонской. Поведение Анны постоянно давало французской знати пищу для сплетен. И это притом, что французский двор того времени не отличался нравственностью. Аристократы соревновались друг с другом в распутстве, но мало кому удавалось перещеголять на этом поприще красивую и отчаянную мадемуазель де Болейн.

Английский двор был иным, мораль и нравственность не были здесь пустыми словами, поэтому по возвращении в Англию, где Анна стала фрейлиной королевы Екатерины Арагонской, она чудесным образом превратилась из блудницы в невинную скромницу, чем и прельстила короля, падкого на очарование невинности, пусть и мнимой.

О, Анна Болейн была умелой интриганкой. Заметив, что ей удалось с первой же встречи произвести на Генриха VIII сильное впечатление, она повела себя расчетливо и умно.

Король был уверен, что Анна, подобно ее матери и старшей сестре, падет в его объятия по первому же слову, по первому намеку. Как бы не так — Анна ответила на монаршие домогательства решительным отказом, да еще не преминула при этом остудить пылкого Генриха множеством упреков и длинными нравоучениями. Попутно было не раз сказано о том, что королям могут принадлежать тела их подданных, но никоим образом не их души, и о том, что любить можно только мужа и никого более.

Анна знала, что чем труднее дается в руки добыча, тем более желанной кажется она. Генрих VIII, заметим, был страстным охотником.

«Мужем так мужем!» — решил король, с подачи кардинала Уолси не раз уже размышлявший о расторжении своего брака с Екатериной Арагонской, и приступил к осуществлению своего замысла.

*Анна Болейн сумела
не только произвести
на короля впечатление
при первой встрече,
но и умело этим
воспользоваться.*

Награда была бесценной и звали ее Анна Болейн. Не будь ее, вполне возможно, не было бы и развода, а, следовательно, перечень злодеяний, совершенных Генрихом, был бы куда короче: и не было бы никакого раскола, со всеми его непременно атрибутами — разорением монастырей, изгнанием, преследованием, а зачастую и убийством ревнителей прежней, католической веры.

Начав свою игру, Анна Болейн вела ее в течение двух долгих лет, не идя ни на какие уступки королю. Она объявила, что цена ее любви — корона, и не снижала ее, несмотря на мольбы влюбленного короля.

Все — или ничего! Именно этим принципом руководствовалась Анна в своей матримониальной интриге. Судьба жестоко посмеялась над ней — Анна Болейн получила из рук Генриха корону и была казнена по его повелению, чтобы освободившаяся в результате корона перешла к другой избраннице короля. Стань Анна просто любовницей Генриха VIII, одной из многих, как мать и сестра, она могла бы умереть своей смертью, а не сложить голову на эшафоте.

Но до эшафота еще далеко, пока Генрих пробует развестись с Екатериной.

Вначале король, по обыкновению, пошел напролом — поручил кардиналам Уолси и Компеджио предложить королеве добровольно

удалиться в монастырь, поскольку брак ее с младшим братом своего покойного мужа был незаконным. Екатерина Арагонская ответила отказом. Генрих стал искать поддержки у папы, но Рим медлил с ответом на его просьбу. Тогда король позволил гневу и похоти восторжествовать над разумом и совестью, устроив суд над женщиной, бывшей ему терпеливой и всепрощающей женой почти два десятка лет.

21 июня 1529 года в Лондоне состоялось первое заседание суда над королевой Екатериной. Заседание было подготовлено на славу — постарался все тот же кардинал Уолси. Во-первых, подставные свидетели (ни много ни мало — тридцать семь человек!), многие из которых приходились Анне Болейн родней, обвинили королеву в нарушении супружеской верности. Во-вторых, отцы церкви, во главе с кардиналом Уолси, твердили о грехе кровосмешения, которым запятнала себя королева, выйдя замуж за одного брата, будучи вдовой другого. В-третьих, сам король, а вслед за ним и его гражданские судьи, ссылались на давнишний протест Генриха от 1505 года.

Все ополчились на несчастную королеву и все требовали от нее одного — сложить с себя монарший сан и удалиться в монастырь. В свою защиту Екатерина Арагонская сказала, что она никогда не изменяла своему супругу и государю, что брак ее был разрешен папой римским, так как она ни разу не разделяла ложа со старшим братом короля (тяжело больному Артуру было не до любовных утех), и что согласиться на предложение уйти в монастырь она не может до тех пор, пока не получит ответа от своей испанской родни и от папы римского.

Суд не удался — заседание пришлось прервать. Весьма вероятно, что в глубине души большинство судей сочувствовало несчастной поруганной королеве. Но Генриха уже нельзя было остановить — вскоре он известил кардинала Уолси о своем намерении во что бы то ни стало жениться на Анне Болейн.

Так далеко планы Уолси не шли — ему было бы достаточно развода короля Генриха с Екатериной Арагонской. Веря в силу своей власти над монархом и опасаясь нежелательных для себя последствий, Уолси пал перед Генрихом на колени и начал умолять его отказаться от мысли о женитьбе на Анне, сильно унижавшей королевское достоинство. Уолси предложил Генриху взять себе в супруги особу королевской крови, например сестру французского короля Франциска I или хотя бы принцессу Ренату, дочь покойного Людовика XII.

Конечно же Уолси больше опасался не за престиж короля, а за свое

благополучие, тесно связанное с этим самым престижем. Но он не учел одного — прежнего Генриха VIII уже не было. Его место занял другой, у которого нельзя было безнаказанно становиться на пути.

Рассерженный вмешательством в его дела, Генрих рассказал о дерзком поведении кардинала Уолси своей возлюбленной. Милое создание с яростью ополчилось на Уолси, потребовав от короля лишить наглеца всех его высоких должностей. Попутно расчетливая Анна предложила Генриху замену — некоего Кранмера, капеллана своего отца.

Пообещав Анне избавиться от Уолси, Генрих решил не предпринимать никаких действий до получения ответа из Рима, каковой не заставил себя долго ждать. Как и ожидалось, папа, выражая солидарность со своим предшественником, признал брак Генриха с Екатериной Арагонской законным и нерасторжимым.

Первым делом Генрих VIII сорвал злость на кардинале Уолси, не только уволив его со службы, но и предав суду за множество преступлений, как истинных, так и вымышленных, главными среди которых были превышение полномочий и казнокрадство. Всего же обвинительный акт содержал сорок пять пунктов. За тем, чтобы «следствие» по делу Уолси и конфискация его имущества происходили должным образом, зорко надзирали два заклятых врага опального кардинала — герцог Норфолк и герцог Суффолк.

Уолси посчастливилось попасть в немилость в то время, когда короля еще не обуял бес кровожадности. Генрих сурово покарал своего недавнего любимца, но оставил его в живых, изгнав в одну из беднейших епархий.

Увы, изгнание было недолгим. Разоренный и униженный, Уолси не спешил сдаваться. Он, пусть и опрометчиво, верил в свою счастливую звезду. Через верных людей, оставшихся в столице, он пытался интриговать против Анны Болейн, видя в ней виновницу всех своих несчастий.

Уолси ошибался, он не понимал, что лев, сидящий на троне, возмужал и больше не нуждается в советах шакала.

Генриху более не требовались советчики, ему отныне были нужны лишь покорные исполнители монаршей воли. К тому же конфискованное у кардинала имущество оказалось существенным пополнением для отощавшей королевской казны и о возвращении его прежнему владельцу не могло быть и речи.

По обвинению в заговоре Уолси был арестован и отправлен в Лондон для заточения в Тауэр. Никто не сомневался в том, что королевский суд приговорит виновного к смертной казни. До Лондона Уолси не доехал. 29 ноября 1530 года он умер в монастыре близ города Лейчестера то ли от

внезапной болезни, то ли отравившись, то ли будучи отравлен.

По рекомендации Анны Болейн, к тому времени пожалованной титулом маркизы Пемброк, правой рукой

Полностью поглощенный своей страстью к Анне Генрих был готов даже на разрыв с Католической церковью.

Генриха VIII и архиепископом Кентерберийским стал Томас Кранмер, который посоветовал королю перенести рассмотрение дела о разводе с Екатериной Арагонской суду гражданскому. Король дал согласие, и Кранмер поставил вопрос о законности брака своего короля перед всеми европейскими университетами, превратив проблему из религиозной чуть ли не в научную.

Одновременно Генрих сделал первый шаг к «разводу» с Римом. Пока

еще признавая католическое вероисповедание, он начал именовать себя в документах «покровителем и верховным главой англиканской церкви».

14 ноября 1532 года Генрих VIII тайно обвенчался с Анной Болейн, носившей под сердцем их общего ребенка. Рубикон был перейден, мосты сожжены, жребий брошен. В благословении папы римского английский король уже не нуждался. Вскоре, а именно 23 мая 1533 года, архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер объявил брак короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской недействительным. Спустя пять дней Анна Болейн, как и подобает законной супруге короля, была коронована.

Бывшей королеве был оставлен титул герцогини Уэльской, за двадцатидвухлетней дочерью Марией Генрих сохранил право наследования престола при отсутствии у него детей мужского пола от второго брака. Разумеется, в Лондоне Екатерине и Марии оставаться было незачем — король вознамерился сослать их в уединенный монастырь Эмфтиль в Дунстэблынире.

Екатерина Арагонская не приняла навязанного ей развода и отказалась покидать свои королевские апартаменты. Папа римский Климент VII пригрозил отлучить Генриха от церкви. Генрих проигнорировал угрозу, и 22 марта 1534 года Климент VII обнародовал буллу, отлучившую Генриха от церкви. Попутно в булле объявлялось незаконным сожителем короля с Анной Болейн, а их новорожденная дочь Елизавета признавалась незаконнорожденной и не имеющей прав на престол.

Гнев папы был Генриху уже не страшен. В ответ на буллу королевским указом брак с Екатериной был объявлен недействительным, а дочь Мария — незаконнорожденной и, соответственно, лишенной всяческих прав на престолонаследие.

Анна уже носила под сердцем ребенка, когда Генрих тайно обвенчался с ней.

Настал момент высшего торжества Анны Болейн. В ее представлении любовь короля была так сильна, что ради нее он решился бросить вызов всему миру.

Вряд ли Анна отдавала себе отчет в том, что Генрих VIII боролся не за свою любовь, а за право всегда, в любых ситуациях поступать согласно собственной воле, не подчиняясь никаким законам, кроме тех, что он устанавливал для себя сам.

С каждым днем идея единовластия — духовного и светского — увлекала Генриха все больше и больше. Он начал великую религиозную реформу. Упразднили монастыри, при этом их имущество поступало в королевскую казну, папа римский отныне именовался не иначе как «епископом», его сторонники, независимо от положения, занимаемого ими в обществе, безжалостно преследовались. Страну захлестнула волна кровавого террора, длившегося семнадцать лет, вплоть до самой смерти Генриха VIII в 1547 году. Семнадцать долгих лет, в течение которых десятки тысяч людей были казнены, замучены или попросту скончались в заточении. Кардиналы и епископы, герцоги и графы, дворяне и простолюдины — всем сословиям довелось испытать на себе гнев «доброго короля Генриха»... Историки измеряют число жертв тирана десятками тысяч — от семидесяти с небольшим, по одним данным, до ста тысяч — по другим.

Ни один внешний враг за всю историю Англии не нанес ей такого ущерба, как Генрих VIII! Народ безмолвствовал и покорно сносил все, зная, что с королем шутки плохи. Лишь однажды, в 1536 году, на севере страны вспыхнуло крупное восстание, которое Генрих жестоко подавил.

6 января 1535 года в замке Кимбэлтон скончалась Екатерина Арагонская, незадолго до смерти, как и подобает доброй христианке, простившая королю все обиды. О доброй королеве сожалела вся страна. Вся, кроме Анны Болейн, которая с радостью встретила весть о кончине своей соперницы и даже осмелилась одеться в цветное платье во время траура, объявленного по повелению короля.

Принцесса Мери, единственная законная дочь Генриха, так и не смогла простить отцу предательство.

Став королевой, хоть и не всеми признанной, Анна Болейн, что называется, сорвалась. Во-первых, она вообразила, что может навязывать королю свою волю, а во-вторых, решила, что маска скромницы ей уже ни к чему. Уверенная в собственной власти над Генрихом, Анна попыталась возродить в Лондоне ту милую ее сердцу вольность, которая была принята при дворе короля Франциска I в бытность ее фрейлиной. Она окружила себя целым роем родовитых красавцев (поговаривали, что

благосклонностью Анны пользовался даже ее родной брат лорд Рочестер) и безмятежно предавалась утехам, даже не пытаясь особо скрывать свои забавы.

Какое-то время Генрих изображал из себя доверчивого слепца: Анна была беременна и король ждал сына, наследника, маленького Генриха IX. Генрих всю жизнь страстно мечтал о сыне, но пока у него рождались только дочери.

Надежды короля оказались напрасными — королева разрешилась от бремени мертвым уродцем. Разочарованный Генрих обратил свой взор на придворную красавицу Джейн Сеймур и принялся открыто дарить ее своим расположением.

Анна Болейн оказалась настолько глупа и самоуверенна, что рискнула выказать ревность, осыпая Генриха упреками, которые не возымели никакого действия. Тогда Анна надумала вызвать в Генрихе ответную ревность. В мае 1535 года, во время одного из столь любимых при дворе турниров, королева, сидящая в своей ложе, бросила свой платок проезжавшему мимо нее Генриху Норрису, с которым, если верить придворным слухам, состояла в тайной связи. Норрис оказался еще более неблагоразумным, чем Анна, и вместо того, чтобы, подняв платок, вернуть его с поклоном королеве, он улыбнулся и отер платком свое лицо. В тот же миг Генрих VIII поднялся на ноги и, не сказав ни слова, отбыл во дворец.

Назавтра по повелению короля была арестована Анна Болейн, ее брат лорд Рочестер и все дворяне, которых молва причисляла к любимцам королевы. Под пытками в прелюбодеянии с королевой сознался всего один из них, некий Смиттон, но и этого было достаточно — спустя год, 17 мая 1536 года, особая следственная комиссия, состоявшая из двадцати пэров королевства, признала Анну Болейн виновной в прелюбодеянии и приговорила к смерти вместе с другими обвиняемыми: Анне по выбору короля — через сожжение на костре или четвертование, Смиттону — через повешение, а лорду Рочестеру с прочими обвиняемыми — от топора палача. Брак короля архиепископ Кранмер привычно объявил недействительным.

То ли тронувшись рассудком, то ли желая затянуть дело и выиграть время в надежде на то, что король сменит гнев на милость и простит ее, Анна, выслушав приговор, объявила, что комиссия неправомочна судить ее, так как в числе ее членов находится лорд Перси, герцог Нортумберлендский, с которым Анна якобы тайно обвенчалась еще до выхода замуж за Генриха. Обвинение не возымело действия — лорд Перси

торжественно поклялся в том, что никогда не выходил в отношении Анны за рамки светских приличий и тем более никогда не обручался с ней. 20 мая 1536 года Анна была казнена. Ей отрубили голову топором, а не мечом, ибо меч полагался лишь особам королевской крови.

Уже на следующий день после казни Генрих VIII обвенчался с Джейн Сеймур. К тому времени из пышущего силой статного красавца король превратился в обрюзгшего одышливого толстяка и навряд ли мог разжечь ответную страсть в сердце молодой красивой девушки, но блеск короны затмевал все недостатки ее обладателя.

Джейн Сеймур повезло - она не успела надоесть своему мужу и счастливо избежала смерти на эшафоте, скончавшись на втором году супружества от преждевременных родов, произошедших, как утверждалось, вследствие неудачного падения. Некоторые историки склонны считать, что на самом деле имело место не падение, а избиение. Якобы Генрих разгневался на Джейн за какую-то незначительную провинность и собственноручно поколотил ее.

Джейн ушла в небытие, подарив Генриху долгожданного наследника — принца Эдуарда. Здоровьем недоношенный Эдуард пошел в своего дядюшку Артура — он был хил, беспрестанно болел и умер, не дожив до пятнадцати лет.

Два года король жил вдовцом, не отказывая себе в мимолетных плотских утехах. Затем он надумал жениться по новой. На сей раз он возжелал сочетаться браком с особой королевской крови и начал рассматривать кандидатуры свободных принцесс из владетельных домов Европы. Видимо, Генриху успели надоесть его подданные. Сплетники, коих при любом дворе сыщется несметное количество, утверждали, что чуть ли не все придворные дамы побывали в постели короля.

Если предыдущие браки короля Генриха VIII были трагедиями, то четвертый его брак стал комедией, фарсом. Фотографий в то время не было, и Генрих выбирал невесту по портретам, руководствуясь в первую очередь не политическими соображениями, а красотой.

*Джейн Сеймур —
королева, подарившая
Генриху долгожданного
наследника.*

Увы, живописцы часто льстят своим заказчикам (особенно если заказчик — женщина), ведь те дают им средства к существованию, кусок хлеба насущного. Не явился исключением из этого правила и некий безвестный художник, запечатлевший на холсте якобы прелестные черты немецкой принцессы Анны Клевской. Вместо дебелой толстухи он изобразил томную красавицу, со взором, полным неги.

Король английский, пленившись мнимой красотой Анны, послал к ней сватов. Анна приняла предложение и в январе 1540 года прибыла в Лондон. Увидев оригинал, Генрих был шокирован, но брак с «фламандской кобылой» все же заключил (некуда было деваться!) и даже прожил с ней около полугода.

Затем он решил развестись, для начала предложив Анне расторгнуть брак и сменить титул королевы на титул приемной сестры короля с хорошей пенсией в придачу. Должно быть, прекрасно представляя, что в случае отказа ее ждет эшафот, Анна поспешила принять предложение, и 12 июля 1540 года ее брак с Генрихом был расторгнут. Анна Киевская пережила Генриха на десять лет. Она скончалась в Англии, до последних дней своих пользуясь назначенной Генрихом пожизненной пенсией.

После пресного, скучного, пусть даже и недолгого супружества короля потянуло на остренькое и сладенькое. Следующей его избранницей стала

юная племянница герцога Норфолка, Екатерина Говард, буквально подложенная в королевскую постель своим вельможным дядей. Пикантная подробность — Екатерина приходилась дальней родственницей Анне Болейн.

У герцога Норфолка была своя цель — с помощью племянницы он надеялся сжить со свету своего влиятельного врага — государственного секретаря Томаса Кромвеля.

Очернить Кромвеля Екатерине удалось легко, потому что король имел на верного слугу зуб, ведь именно Кромвель убедил короля жениться на Анне Клевской, надеясь тем самым наладить отношения с немецкими протестантами. Кромвеля казнили по обвинению в государственной измене и ереси. Смерть его была мучительной — неопытный палач отрубил голову осужденного лишь с третьего удара.

Некоторое время Генрих был доволен своей новой, пятой по счету женой. Упиваясь ее красотой и молодостью, он словно черпал из этого прелестного источника недостающие жизненные силы, в благодарность потакая капризам Екатерины и удовлетворяя ее стремительно растущие потребности. Он даже позволял супруге давать ему советы по управлению государством и делал вид, что с вниманием прислушивается к ним. Король был настолько счастлив в браке, что повелел читать в церквях особые молитвы о ниспослании ему супружеского счастья.

Ганс Гольбейн Младший сильно польстил Анне Клевской на этом портрете. Генрих, встретившись с ней, был шокирован.

Когда к архиепископу Кентерберийскому поступил донос на Екатерину Говард, в котором она обвинялась в распутстве как до вступления в брак с королем, так и после, Генрих не стал спешить с выводами.

*Юная, казавшаяся мужу
такой простодушной
и невинной,
Екатерина Говард
наставляла ему рога
при первой удобной
возможности.*

Он приказал Кранмеру провести тайное следствие, дабы подтвердить или опровергнуть полученные сведения.

Сведения полностью подтвердились — Екатерина Говард действительно наставляла рога своему мужу и повелителю, и помогала ей в этом невестка Анны Болейн, жена ее брата, леди Рошфор, дама далеко не самых честных правил. После недолгого следствия последовал такой же недолгий суд, приговоривший обеих женщин — и блудницу, и сводницу — к смерти. Казнили их в Тауэре 12 февраля 1542 года.

Королю надоело быть рогоносцем. Недолго думая, он пожелал оградить себя от досадных ошибок при выборе супруги и издал особый указ, согласно которому любой из подданных, знающий за королевской супругой какие-либо добрачные грешки, обязан был немедленно донести об этом королю. Кроме того, указ обязывал королевскую избранницу заблаговременно исповедоваться своему королю во всех своих былых грехах.

Генриха VIII не очень-то интересовало, что думают о нем окружающие. Своим поведением, своими поступками он то и дело бросал вызов и европейским монархам, и папе римскому, и своему собственному народу. Но репутация рогоносца — совсем другое дело. Рогоносец смешон, а быть посмешищем в глазах людей не может позволить себе ни один правитель.

Екатерину Парр от смерти на эшафоте спасла только кончина короля.

Еще год Генрих VIII прожил вдовцом. Увяз в дипломатических распрях с Францией и Шотландией

(распри эти в итоге привели излишне самоуверенного Генриха к войнам, которые окончательно разрушили экономику страны), продолжил церковную реформу. По воле короля был издан перевод Библии для употребления при литургии и для чтения дворянами и лицами духовного звания (простолюдинам читать Библию запрещалось под угрозой смертной казни).

Надо сказать, что Генрих преследовал как католиков, так и

протестантов. По его повелению английский парламент обнародовал указ из шести пунктов, определявший религиозные обязанности подданных. Согласно этому указу, прозванному «кровавым», сторонников папы римского следовало вешать, а лютеран или анабаптистов — сжигать живьем на костре. Правильной верой признавалась англиканская, придуманная самим королем, утверждавшим, что он действует по вдохновению свыше...

В феврале 1543 года, непосредственно перед отбытием в армию, Генрих женился в шестой и последний раз. Новой королевой стала леди Екатерина Парр, вдова лорда Летимера, дама с безукоризненной, кристально чистой репутацией. Добрая, спокойного нрава и не лишенная ума, Екатерина Парр, втайне благоволившая лютеранам, попыталась обратить Генриха в лютеранство, дабы положить конец кровавой вакханалии, именуемой «очищением церкви». Дорого далась стране церковная реформа короля Генриха VIII — на центральных площадях городов ежедневно пылали костры, тюрьмы были переполнены невинными, редкий день проходил без казней.

После одного из семейных богословских диспутов Генрих настолько разгневался на супругу, что в тот же день вместе с канцлером состряпал против нее обвинительный акт, в котором королева уличалась в ереси и должна была подвергнуться аресту и суду. От доброжелателей, коих у нее хватало, Екатерина узнала о смертельной опасности и на следующий день снова устроила диспут, во время которого признала превосходство Генриха, назвав его «первейшим из богословов современности», благодаря чему вернула себе расположение короля.

Навряд ли Генрих простил супругу, скорее всего, он только отсрочил расправу и рано или поздно Екатерина Парр кончила бы свою жизнь там же, где и ее тетка и предшественница — на эшафоте, но судьбе было угодно смилостивиться над ней, а заодно и над всеми подданными английской короны. 28 января 1547 года Генрих VIII умер на руках своего верного архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера, завещав похоронить себя в Вестминстерском аббатстве рядом с Джейн Сеймур. Вероятно, ее он любил больше и сильнее прочих своих жен. Может быть, за то, что она подарила ему единственного сына, а может, исходя из каких-то иных соображений.

Тридцативосьмилетнему правлению тирана пришел конец. Примечательно, что придворные не сразу поверили в смерть своего короля. Им казалось, что Генрих лишь притворился мертвым, чтобы послушать, что они будут говорить о нем. Потребовалось некоторое время для того,

чтобы все убедились в том, что кровожадный деспот больше уже не встанет со своего ложа.

Генрих VIII получил от своего отца почти два миллиона фунтов и страну, обнищавшую вследствие нескончаемых королевских поборов, но полную надежд на лучшее будущее. После себя он оставил пустую казну и разоренную, истерзанную страну. Страну, жители которой, казалось, не верили ни во что — ни в бога, ни в дьявола, ни в королевскую мудрость, ни в светлое завтра.

*Генрих и его наследники: Фортуна ведет за руку Елизавету.
Рядом с королем его дочь Мария и ее муж Филипп испанский.*

Невозможно поверить, что в мае 1509 года лорд Уильям Маунтджой писал о Генрихе VIII великому гуманисту Эразму Роттердамскому: «Я говорю, не сомневаясь, мой Эразм: когда ты услышишь, что тот, кого мы могли бы назвать нашим Октавианом, занял отцовский трон, твоя меланхолия вмиг тебя покинет... Наш король жаждет не золота, жемчуга, драгоценностей, но добродетели, славы, бессмертия!»

Сам же Генрих VIII, не чуравшийся в молодые годы сочинительства, в одной из собственноручно написанных песен так представлял свою жизнь:

И до последних дней своих
Любить друзей веселых буду.
Завидуйте, но не мешайте
Мне бога радовать игрой своей.
Стрелять, петь, танцевать -
Вот жизнь моей услады...
(перевод автора)

Екатерина Парр через тридцать четыре дня после смерти Генриха VIII поспешила выйти замуж за сэра Томаса Сеймура, адмирала королевского флота, но в браке прожила только около полугода, скоропостижно скончавшись в начале сентября 1547 г. Подозревали, что она была отравлена своим же мужем, внезапно возжелавшим взять в жены принцессу Елизавету, будущую королеву Англии и Уэльса.

Генрих VIII был деспотом, тираном, чудовищем, но и ему не была чужда любовь — самое сильное, самое светлое из человеческих чувств. Жаль только, что любви не удалось остановить превращение доброго короля Генриха VIII в кровожадного деспота. Напротив — он запятнал любовь кровью, заставив многих своих подданных усомниться в том, что любовь вообще существует.

Или не было в жизни Генриха VIII никакой любви, а были всего лишь инстинкты, которые он сам принимал за любовь?

Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, русский царь

*Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарезу
Под осенний свист.*

*С.А. Есенин «В том краю, где желтая
крапива...»*

Настоящее имя — Иван IV Васильевич из рода Рюриковичей

Характер — свирепый

Темперамент — холерический

Религия — православный христианин

Отношение к власти — алчное

Отношение к подданным — пренебрежительное

Отношение к любви — потребительское

Отношение к лести — благосклонное

Отношение к материальным благам — стяжательское

Отношение к собственной репутации — ханжеское

Иван IV Васильевич, прозванный Грозным, русский царь (1530-1584)

*Иван Грозный.
Парсуна. XVI в.*

Предшественником Петра Великого, предвосхитившим планы

преобразователя на целых сто пятьдесят лет, считали его одни.

«Мелкая душа, подъяческий ум», — говорили о нем другие.

История России не знала более противоречивого правителя, чем царь Иван IV Васильевич, делами своими заслуживший прозвище Грозного. Одни историки склонны рассматривать Ивана IV как психически больного человека, маньяка, безвольную натуру, не знающую ограничений и управляемую одними лишь эмоциями. Доводы о психической неполноценности подкрепляются анализом сведений о предках грозного царя и о его сыновьях. Дед Ивана IV прославился своей жестокостью, отец — чрезмерным даже для царя сластолюбием, родной брат его Юрий был глухонемым и к тому же слабоумным. Все три сына царя — Иван, Федор и Дмитрий, — по свидетельству очевидцев, были со странностями. Иван отличался жестокостью и неумной тягой к любовным утехам, Федор делам правления предпочитал занятия пономаря, спихнув свои царские обязанности на Бориса Годунова, а несчастный Дмитрий, вероятно, страдал эпилептическими припадками, так как часто падал в судорогах с пеной у рта.

Мать Ивана Грозного, Елену Глинскую, нельзя упрекнуть ни в чем, разве что кроме чрезмерного себялюбия и некоторого легкомыслия. Считалось, что именно от нее унаследовал Иван Грозный живость и остроту ума, столь несвойственную для твердолобых Рюриковичей.

Две главные черты характера отличали Ивана Грозного — его жестокость, зачатки которой проявились еще в раннем детстве (маленький Иван любил мучить животных), и его сладострастие, которое без преувеличения можно назвать эротическим исступлением.

«Я растлил тысячу дев!» — во всеуслышание похвалялся Грозный.

Впрочем, нет, была еще и третья черта — частые и быстрые переходы от оголтелой греховности к исступленному покаянию. Царь был глубоко религиозным человеком, правда, насколько искренней была эта религиозность, нам судить трудно. Возможно, его земные поклоны, которые царь отвешивал истово, до синяков, а то и ран на лбу, были вызваны угрызениями совести, а возможно, это был простой расчет с Богом — по одному, к примеру, поклону за каждую загубленную душу или по одному дню поста за каждую дюжину грехов. Собственноручно убив сына Ивана, грозный царь отправил десять тысяч рублей в Константинополь, прося тамошних монахов во главе с патриархом замолить его грех. Как выразился Николай Михайлович Карамзин: «Платон говорит, что есть три рода безбожников: одни не верят в существование богов, другие воображают их беспечными и равнодушными к деяниям человеческим,

третьи думают, что их всегда можно умиловать легкими жертвами или обрядами благочестия. Иоанн (**Иван Грозный. — А. Ш.**) и Людовик принадлежали к сему последнему разряду безбожников».

Опричники. Картина Н.В. Неврева.

Другие историки прежде всего видят в царе умного и сильного реформатора, понуждаемого к жестокости непростым временем, в которое ему довелось править. Властью, а точнее — ее объемом, Иван Грозный превосходил всех европейских правителей, но власть эта далеко не всегда употреблялась им во благо. Иначе и быть не могло, ведь основным мотивом царских реформ являлось непомерное честолюбие, которое тешилось победами Ивана Грозного над врагами как внутренними, так и внешними. Имея власть непомерную, Иван Грозный жаждал еще большей, он с большей охотой носил бы прозвище Великий, но до величия ему было далеко — амбиции избалованного вседозволенностью царя довели над его умом, острым, живым, годным для распознавания интриг и устройства козней, но неспособного к реформаторству. Русь при Иване Грозном увеличилась в границах, присоединив к себе Казанское и Астраханское ханства, а также часть Сибири, но осталась все тем же отсталым государством, вдобавок терзаемым множеством противоречий.

Да, были во время правления Ивана Грозного и изменения, которые можно назвать демократическими, как, например, созыв Земских соборов или издание «Судебника», но все они приходятся на первую дюжину лет правления Ивана IV, когда он во многом прислушивался к своему

наставнику, священнику Благовещенского собора в Кремле, Сильвестру, и другу и советчику Алексею Адашеву, происходившему из не очень знатного рода костромских вотчинников Ольговых. Начав же управлять единолично, царь о демократии и не вспоминал.

«Боярство — мой враг», — любил повторять грозный царь. Но столь же свирепо, как на боярство, набрасывался он и на духовенство, и на весь народ свой, заподозрив мельчайшую, даже самую незначительную вольность.

Ивана IV можно сравнить с его современником, английским королем Генрихом VIII. Оба они сели на трон рано, оба поначалу были неплохими правителями, но после скатились в пропасть злодеяний, оба были чрезмерно охочи до любовных утех и оба оставили после себя совсем не ту страну, которую получили от своих отцов.

И царствование Ивана Грозного, и царствование Генриха VIII были подобны разрушительному смерчу, пронесшемуся над их владениями и причинившему подвластным им народам неисчислимые страдания. Помимо страданий и невзгод, тираническое правление ужасно тем, что всякий тиран развращает своих подданных, делая это как лично, так и своим примером. После правления Ивана Грозного на Руси настало Смутное время, а семена зла, щедро посеянные Генрихом VIII в Англии, проросли в семнадцатом веке раздором гражданской войны...

Итак, 25 августа 1530 года царица Елена Глинская родила своему мужу, русскому царю Василию III, сына Ивана. Младенцу было всего несколько месяцев, когда умер его отец, а спустя три года он лишился и матери, которая не то умерла своей смертью, не то была отравлена. Маленький сирота с правами на трон стал игрушкой в руках разного рода честолюбцев. Клан Шуйских потеснили Вельские, а Вельских снова оттерли от престола Шуйские. Свистопляска у подножия трона длилась вплоть до 1543 года, когда на него уселся тринадцатилетний Иван, ставший четвертым по счету из великих князей Земли Русской, носивших это имя.

Можно попытаться представить себе, в какой ужасной обстановке прошли детские годы царя. Унижение, испытанное при виде боярской наглости (чего стоил один только вид Ивана Шуйского, развалившегося на кровати покойного царя Василия III), постоянное наушничество, наговоры, заговоры, и все это — в сочетании с безудержным развратом.

Мальчик рос, не учась обуздывать свои страсти, а напротив — потакая им. Он был жесток — любил не только охотиться на зверей диких, но мучить домашних — собак и кошек, швыряя их наземь с высокого крыльца. Мог забавы ради промчаться на коне по улицам, намеренно давя прохожих.

«Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы нам не мешало», — думали бояре, громогласно нахваливая Ивана за поступки, заслуживающие самого строгого порицания.

*Блюдо Марии Темрюковны.
Среди орнамента расположено
шесть клейм с дарственной
надписью. Блюдо изготовлено
по приказу Ивана специально
для юной царицы.*

Показное смирение окружающих мучило и обижало Ивана, понимавшего, что на деле с ним никто не считается.

Он много читал - почти все, что попадалось под руку, пытаясь найти в книгах ответ на все вопросы, которые ставила перед ним жизнь. Он понял главное: до поры до времени необходимо терпеть, молчать и смиряться.

Но позже...

К 1543 году Шуйские вконец распоясались — прямо на глазах у юного царя ворвались в его покои и набросились на царского любимца князя Воронцова. Хотели убить несчастного, но Иван IV упрямил сохранить князю жизнь.

Расплата не заставила себя долго ждать — в том же году, сразу после празднования Рождества, по приказу молодого царя бросили на растерзание псам (распространенный в то время способ казни) князя Андрея Шуйского, предводителя клана. Молодой лев показал когти, но полной власти пока не получил — Шуйских сменили Глинские, родственники царя с материнской стороны.

Впрочем, в молодости Иван Васильевич не особо- то и стремился вникать в государственные дела. Отдав бразды правления Глинским, он предавался развлечениям и буйным забавам. Глинские управляли, а Иван IV только изображал из себя царя, милуя и наказывая тех, на кого ему было угодно обратить свое внимание.

Царь не правил, а тешился властью. Он почти никого не допускал к себе, не любил выслушивать жалоб, впадал в ярость, когда ему мешали

развлекаться. Глинские со своими приспешниками грабили Русь, а царь им в том не препятствовал. Некогда было — одни женщины отнимали кучу времени:

Почти одновременно с восшествием на престол Иван познал радости плотской любви и так к ним приохотился, что начал менять своих любовниц чуть ли не ежедневно, в чем ему, разумеется, никто не препятствовал.

Постепенно молодой царь становился все строже и забирал в свои крепкие руки все больше власти. Добрым царем он не был никогда, даже смолоду. Вот один из примеров, про который писал Карамзин: «Граждане Псковские, последние из присоединенных к Самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому Царю на своего Наместника, Князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал: закипел гневом; кричал, топал; лил на них горячее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве; он ускакал в столицу, и бедные Псковитяне остались живы».

Бедные псковитяне...

Много надежд возлагалось на женитьбу молодого царя. Женится — переменится, женится — образумится, женится — остепенится, женится — пообреет...

3 февраля 1547 года шестнадцатилетний Иван Васильевич женился на Анастасии Захарьиной, дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина, которая прежде всего пленила царя своей скромностью и кротостью, а потом уже красотой.

Всего на две недели попал царь под благотворное влияние своей молодой жены. Вел спокойную жизнь, позабыв свои жестокие забавы и распущенные гулянки, не раз выходил к народу, щедро раздавая милостыню, освободил многих из тех, кого сам же и повелел бросить в темницу.

Затем все пошло своим привычным чередом — словно изголодавшись за столь недолгий срок, царь с невероятным упоением возобновил свои забавы и утехы. Он начал развратничать чуть ли не на глазах у Анастасии, которую пьяные разнузданные оргии венценосного мужа ужасали, пожалуй, больше, чем его жестокие забавы. Как не посочувствовать положению, в котором оказалась новобрачная, когда, выглянув в окно, она становилась свидетельницей травли людей медведями — одной из

любимых забав царя, а выйдя к столу, заставляла своего мужа в чужих объятиях, зачастую в совершенно непотребных позах. На робкие упреки царицы царь отвечал грубостью и издевками.

Их первенец, названный Дмитрием, родился хворым и прожил недолго. После него Анастасия родила сына Федора Ивановича, престолонаследника, и дочь Евдокию. Тринадцать лет длилось супружество Ивана IV и Анастасии Захарьиной, пока в июле 1560 года царица не заболела странной, внезапной и тяжелой болезнью, течение которой осложнилось испугом.

«В сухое время, при сильном ветре, загорелся Арбат; тучи дыма с пылающими головнями неслись к Кремлю. Государь вывез больную Анастасию в село Коломенское; сам тушил огонь, подверглся величайшей опасности: стоял против ветра, осыпаясь искрами, и своею неустрашимостью возбудил такое рвение в знатных чиновниках, что Дворяне и Бояре кидались в пламя, ломали здания, носили воду, лазили по кровлям. Сей пожар несколько раз возобновлялся и стоил битвы: многие люди лишились жизни или остались изувеченными. Царице от страха и беспокойства сделалось хуже. Искусство медиков не имело успеха, и, к отчаянию супруга, Анастасия 7 августа, в пятом часу дня, преставилась...» — писал Карамзин.

Поговаривали, что несчастную отравили враги, желавшие оттеснить род Захарьиных от трона. По свидетельству современников Иван Васильевич тяжело переживал смерть супруги, которой при жизни почти не уделял внимания. Неделю после похорон царь провел в затворничестве, а когда предстал перед приближенными, то поразил их переменой в своем облике, став похожим на старика.

«С сего времени умолк плач во дворце. Начали забавлять Царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и светлыми пирами; напоминали друг другу, что вино радует сердце; смеялись над старым обычаем умеренности; называли постничество лицемерием. Дворец уже казался тесным для сих шумных сборищ: юных Царевичей, брата Иоаннова Юрия и Казанского Царя Александра, перевели в особенные дома. Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностью. Еще многие Бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях; сидели за светлую трапезою с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали; их осмеивали, унижали: лили им вино на голову», — писал летописец.

*Царь искал себе невесту
и за морем: он писал королеве
Елизавете и просил подыскать
ему жену среди ее родственниц.*

Звериные инстинкты, приглашенные, было, горем, вспыхнули в душе царя с новой, поистине неистовой силой. Царский дворец был превращен в настоящий вертеп, где в оргиях Ивана Васильевича непременно были обязаны участвовать и ближние бояре. Один из них, князь Михаил Петрович Репнин, посмел выразить грозному царю свое порицание во время плясок того в пьяном виде со скоморохами. Когда Репнин заплакал и, плача, стал говорить Ивану IV, что христианскому государю не подобает вести себя подобным образом, на что царь потребовал от боярина присоединиться к веселью и даже попытался надеть на строптивца скоморошью маску. Репнин вспылал, оттолкнул царскую руку и принялся топтать упавшую на пол маску, чем подписал себе смертный приговор. Разъяренный царь прогнал Репнина прочь с глаз своих, а затем приказал убить, что было исполнено царскими клеветами прямо во время церковной службы.

В вине царь находил успокоение и веселье, в женщинах — источник наслаждения (гарем Ивана Васильевича насчитывал не менее полусотни наложниц), а казнями тешил душу, подобно тому, как в детские годы радовался, разбив голову очередной кошке, имевшей неосторожность попасться к нему в руки.

Вначале овдовевший царь возмечтал о женитьбе на одной из сестер польского короля Сигизмунда и даже отправил к нему послов, но те вернулись ни с чем — Сигизмунд видел в Иване своего врага и только врага, но никак не родственника.

Второй женой Ивана IV, выбранной за красоту, стала дочь

кабардинского князя Темрюка Кученя, получившая при крещении имя Мария. Гордая и смелая дочь Кавказа как нельзя лучше подошла своему мужу. Она с превеликим удовольствием принимала участие в медвежьих травлях, наблюдала за казнями, не осуждала царя за его разнузданные оргии, даже позволяла устраивать их в своих покоях и сама в них участвовала. Бояре ненавидели царицу Марию, и она платила им той же монетой, всячески настраивая против них своего мужа.

В самом начале 1565 года Иван Васильевич сделал «ход конем». Его посланцы вручили митрополиту царскую грамоту, в которой государь описывал все мятежи, неурядицы и беззакония боярского правления во время его детства, сетовал на боярскую непокорность и на покровительство митрополита и всего духовенства сынам боярским.

Заканчивалась грамота так: «И Царь от великой жалости сердца, не желая терпеть их (бояр и их заступников. - А. III.) многих изменных дел, оставил государство свое и уехал, чтобы поселиться там, где укажет ему Бог».

Угроза возымела силу. И митрополит, и бояре, и купцы, и простые горожане испугались того, что неизбежно последовало бы за уходом царя — кровавой смуты. Торжественное посольство, состоявшее из видных представителей духовенства, бояр и горожан московских, направилось к царю — молить его не оставлять престола.

Царь принял их, вновь изложил свои претензии и сказал, что может согласиться на уговоры при определенных условиях. Условия эти он сразу не огласил, выждал месяц, вконец истомив своих подданных.

*Василиса Мелетьева.
Картина Н.В. Неврева.
1886 г.*

Главным условием явился устав «опричнины», суть которого заключалась в том, что Иван Васильевич избирал себе тысячу личных телохранителей и объявлял своею личной собственностью около двадцати богатых городов и некоторые московские улицы. Эта часть страны и столицы, как отдельная собственность царя, находящаяся под его непосредственным ведением, была названа «опричниной», а все остальное — «земщиной». Кроме того, царь изъявил желание поселиться в подмосковной Александровской слободе и потребовал от бояр сто тысяч рублей на переезд.

Царица Мария — великая ненавистница боярства, явно приложившая руку к появлению опричнины, — и не подумала последовать за мужем. Она осталась в Кремле, где у нее хватало любовников, главным из которых был красавец князь Афанасий Вяземский. Царица могла выйти к столу простоволосой, могла и появиться на пиру в полуобнаженном виде или проехаться по Москве в открытом экипаже в компании своих любовников.

Жадная до удовольствий и утех, Мария продолжала пользоваться полной свободой, пока ее муж вместе с опричниками превратил свой дворец в Александровской слободе в некоторое подобие монастыря.

Монастырь этот был, мягко говоря, своеобразным. Молитвенные бдения чередовались в нем с пьяными оргиями, причем молитвам уделялись ночи, а разврату — дни. Как говорится: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». По настроению царь мог заняться государственными делами или подолгу наблюдать за пытками своих врагов и тех, кого он счел своими врагами. Спал Иван Васильевич мало — по два-три часа в день.

*Иван Грозный показывает свои сокровища английскому послу.
Картина А.Д. Литовченко. 1875 г.*

Настал момент — и чаша царского супружеского терпения переполнилась. То ли Ивану Васильевичу надоело слышать о похождениях жены, то ли царю нашептали, что царица собралась известить его и править страной самолично... Причины покрыты мраком, но однажды Иван Васильевич приказал посадить Марию под домашний арест, отчего свободолюбивая женщина быстро зачахла и 1 сентября 1569 года скончалась. Царь по ней не горевал, он придумал себе и своим верным псам-опричникам новое развлечение — набеги на боярские вотчины, где, придравшись к какой-нибудь мелочи, гости избивали «негостеприимных хозяев» и попутно насиловали красивых девушек и женщин, как из числа членов боярских семей, так и из челяди.

Настало время страха и скорби. Вот как описывал Карамзин одну из казней, произошедших в 1570 году: «25 июля, среди большой торговой площади, в Китае-городе, поставили 18 виселиц; разложили многие орудия мук; зажгли высокий костер, и над ним повесили огромный чан с водою. Увидев сии грозные приготовления, несчастные жители вообразили, что

настал последний день для Москвы; что Иоанн хочет истребить их всех без остатка: в беспамятстве страха они спешили укрыться, где могли. Площадь опустела; в лавках отворенных лежали товары, деньги; не было ни одного человека, кроме толпы Опричников у виселиц и костра пылающего. В сей тишине раздался звук бубнов: явился Царь на коне с любимым старшим сыном, с Боярами и Князьями, с Легионом кромешников, в стройном ополчении; позади шли осужденные числом 300 или более, в виде мертвецов, истерзанные, окровавленные, от слабости едва передвигая ноги.

Иоанн встал у виселиц, осмотрелся и, не видя народа, велел Опричникам искать людей, гнать их отовсюду на площадь; не имев терпения ждать, сам поехал за ними, призывая Москвитян быть свидетелями его суда, обещая им безопасность и милость. Жители не смели послушаться: выходили из ям, из погребов; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стене, на кровлях стояли зрители.

Тогда Иоанн, возвысив голос, сказал: «Народ, увидишь муки и гибель; но караю изменников! Ответствуй: прав ли суд мой?» Все ответствовали велегласно: «Да живет многие лета Государь Великий! да погибнут изменники!» Он приказал вывести 180 человек из толпы осужденных и даровать им жизнь как менее виновным. Потом прочли обвинительный акт и вызвали Висковатого. Он хотел оправдываться, но кромешники заградили ему уста, повесили его вверх ногами, обнажили, рассекли на части, и первый Малюта Скуратов, сошедши с коня, отрезал ухо страдальцу. Вторую жертвою был Казначей Фуников-Карцов, друг Висковатого, в тех же изменах и столь же нелепо обвиняемый. Он сказал Царю: «Се кланяюсь тебе в последний раз на земле, моля Бога, да примешь в вечности праведную мзду по делам своим!» Сего несчастного обливали кипящею и холодною водою; он умер в страшных муках. Других кололи, вешали, рубили. Сам Иоанн, сидя на коне, пронзил копьем одного старца. Умертвили в 4 часа около двухсот человек. Наконец, совершив дело, убийцы, облитые кровью, с дымящимися мечами, стали пред Царем, восклицая: гайда! гайда! и славили его правосудие. Объехав площадь, обозрев груды тел, Иоанн, сытый убийствами, еще не насытился отчаянием людей: желал видеть злосчастных супруг Фуникова и Висковатого; приехал к ним в дом, смеялся над их слезами; мучил первую, требуя сокровищ; хотел мучить и пятнадцатилетнюю дочь ее, которая стенала и вопила; но отдал ее сыну, Царевичу Иоанну, а после вместе с матерью и с женою Висковатого заточил в монастырь, где оне умерли с горести».

Руководитель Посольского приказа, дьяк Иван Михайлович Висковатый, был казнен по стандартному обвинению в заговоре против

своего царя...

Настал день — и опричники, прославившиеся не только своими злодеяниями, но также злоупотреблениями и лихоимством, из опоры царской власти превратились в угрозу для нее. Тогда царь разом, как он умел, уничтожил опричнину, чтобы впоследствии возродить ее в измененном виде.

Постепенно царь Иван IV, давно уже носивший прозвище Грозного, совсем истаскался от чересчур бурной жизни — стал лыс, сутул, дурен лицом и беззуб, но сластолюбия своего не утратил, скорее наоборот — это качество, как и жестокость, разгоралось в нем все ярче.

Пресытившись в какой-то миг развратом, царь захотел жениться снова и непременно на ком-то из своих подданных — женитьба на Марии отбила у него всякую охоту к чужеземкам.

Устроили смотр невест, на котором победила румяная, пышущая здоровьем Марфа, дочь коломенского боярского сына Василия Собакина, сумевшая выдержать тяжелый взгляд царя, не отводя глаз. Осенью 1571 года Иван IV женился на Марфе Собакиной. Увы, царицей ей пришлось быть недолго — всего две недели. Иван Грозный пребывал в уверенности, что Марфу отравили его враги, чтобы досадить ему.

Дело в том, что церковное право осуждало вступление христианина в третий брак и категорически воспрещало четвертый. Данный запрет этот был особо подтвержден церковным собором 920 года, созванным в связи с попыткой византийского императора Льва VI вступить в четвертый брак.

Иван IV обратился к участникам созванного по его просьбе церковного собора, испросив у них разрешения на новый, четвертый по счету, брак. При этом он ссылался на то, что из-за болезни своей третьей жены он фактически так и не вступил в брак с ней, иначе говоря, «девства не разрешил».

«Злые люди чародейством извели первую супругу мою, Анастасию, — писал в своем обращении царь. — Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и в муках, в терзаниях отошла ко Господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак, отчасти для нужды телесной, отчасти для детей моих, еще не достигших совершенного возраста: юность их претила мне оставить мир; а жить в мире без жены соблазнительно. Благословенный Митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесты, испытывал, наконец, избрал; но зависть, вражда погубили Марфу, только именем Царицу: еще в невестах она лишилась здоровья и чрез две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить

себя житию Иноческому; но, видя опять жалкую младость сыновей и Государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак. Ныне, припадая с умилением, молю Святителей о разрешении и благословении».

*Иван Грозный любителю
на Василису Мелетьеву.
Картина Г. Седова.*

29 апреля 1572 года церковный собор дозволил царю «ради его теплого умиления и покаяния» вступить в четвертый брак, но попутно наложил на царя епитимью, согласно которой в течение первого года ему не разрешалось входить в церковь, кроме как на Пасху, во второй год ему разрешалось стоять в церкви с «припадающими» (грешниками, выстаивающими службу на коленях), и лишь на третий год Иван Васильевич мог пребывать в храме без ограничений.

Новая царица, Анна Колтовская, так же как и Марфа, была из боярских детей и так же происходила из Коломенского уезда. Вступив с ней в брак в апреле 1572 года, Иван IV двумя годами позже отправил ее в Тихвинский монастырь, где царица приняла постриг и прожила еще более полувека. Поговаривали, что причиной столь скорого охлаждения царя к супруге послужило ее бесплодие. Принявшие постриг, подобно умершим, считались покинувшими этот мир, потому, уходя в монастырь, жена освобождала место для новой.

В начале 1575 года царь взял себе другую жену — Анну Васильчикову, происходившую из каширских боярских детей. Видимо, при выборе очередной жены Иван Васильевич руководствовался принципом «нечего далеко ходить». Разрешения духовенства он уже не спрашивал, правда, до нас не дошло и сведений о том, что с Васильчиковой царь венчался по полному обряду и нарек ее царицей. Нет сведений и о появлении при дворе Ивана Грозного кого-нибудь из родственников Васильчиковой. По прошествии двух лет Васильчикова была принуждена царем к постригу и остаток своей жизни провела в суздальском Покровском монастыре.

Разумеется, все матримониальные перемены сказывались на судьбах

новых царских родственников. За скоропалительным возвышением по милости грозного царя и получением высоких чинов следовала столь же скоропалительная опала, чаще всего заканчивающаяся казнью. Так, например, после бракосочетания Ивана Грозного с Марфой дядя ее, Василий Степанович Собакин Меньшой, стал окольничим, один его сын, Каллист, — царским кравчим, а другой сын, Семен, — царским стольником. Однако очень скоро Каллист и Семен Собакины были обвинены в том, что намеревались чародейством извести царя со всеми его детьми, и казнены вместе со своим отцом. Похожая судьба постигла и родственников следующей царицы — Анны Колтовской.

Шестой супругой Ивана Васильевича, или, точнее — сожительницей, «женищем», как тогда выражались, была прекрасная вдова царского стременного Никиты Мелентьева, Василиса, овдовевшая, как утверждали злые языки, не без царской помощи.

Якобы царь собственноручно поднес несчастному Никите отравленного вина. Вполне возможно — грозный царь был способен и не на такое. С Василисой Иван Васильевич сожительствовал без всяких священных обрядов, прочтя только особую молитву для сожития.

По поводу брака царя с Василисой существует не подтвержденная заслуживающими доверия источниками легенда, согласно которой красавице удалось отвратить царя не только от других женщин, но и от чрезмерной жестокости. В течение двух лет длился их «брак», и все это время Иван Васильевич не выезжал в Александровскую слободу и не устраивал оргий во дворце.

Однажды, во время приема шведского посла, царь вдруг встал и направился в покои Василисы, где обнаружил молодого красавца сокольничего Ивана Колычева, которого на месте заколол своим острым посохом. Колычева похоронили в Александровской слободе, рядом с Василисой, которую царь приказал положить в гроб живой.

Правда это или нет, сейчас не узнать. Точно известно одно — Василиса Мелентьева, прожив во дворце около двух лет, внезапно исчезла, словно в воду канула.

После Василисы царь некоторое время утешался вновь заведенным гаремом, а затем обратил свое внимание на некую Наталью Коростову, племянницу новгородского архиепископа Леонида. Леонид, узнав о «великой чести», грозившей Наталье, не обрадовался, а вознегодовал. Он срочно приехал в Москву, предстал перед царем и во всеуслышание заявил ему, что скорее собственноручно убьет свою племянницу, чем отдаст ее на поругание.

На людях Иван Грозный предпочел сохранить спокойствие, но тайно приказал своим подручным пригласить архиепископа в стольную палату, опоить, зашить в медвежью шкуру и бросить на растерзание псам. Несчастливая Наталья послужила утехой дня царя всего несколько месяцев, после чего бесследно исчезла.

Вскоре после ее исчезновения пятидесятилетний Иван Грозный в седьмой и последний раз женился — на юной Марии Нагой. Один из приближенных Ивана, князь Одоевский, случайно побывав в вотчине опального боярина Федора Нагого, настолько пленился красотой его дочери Марии, что, вернувшись в Москву, принялся нахвалять прелестницу перед царем. Иван Грозный заинтересовался настолько, что приказал Нагому немедленно вернуться в столицу, где милостиво пожаловал ему подмосковную вотчину, потребовав за снятие опалы боярскую дочь. Разумеется, Нагой поспешил согласиться.

С Марией царь сочетался браком по церковному обряду, правда, совершенному без участия патриарха и епископов. Свадьба была пышной, торжественной, вино лилось рекой. Посаженым отцом Иоанна был его сын Федор, дружкой со стороны жениха — князь Василий Иоаннович Шуйский, а дружкой со стороны невесты — Борис Федорович Годунов. Все как один — будущие московские цари. На следующий день после свадьбы отца царевич Федор женился на Ирине Годуновой, на которую Иван Васильевич тоже имел виды.

Царь не любил Марию, так же как и многих жен своих (разве что только к Анастасии и Марии Темрюковне питал он нечто вроде сердечной приязни, а не одну лишь похоть), и нисколько не дорожил ею. Он взял ее себе в жены преимущественно для поддержания своего царственного достоинства, нежели для чего-то другого. Кратковременная вспышка страсти исчезла столь же быстро, как и появилась, и вскоре слезливая и простодушная Мария начала раздражать Ивана.

Даже несмотря на то что Мария была от него беременна, царь начал переговоры с английской королевой Елизаветой насчет своей очередной женитьбы на ком-нибудь из ее родственниц. Новый брак прежде всего преследовал цели политические: направляя в Лондон дворянина Писемского с поручением устроить царский брак, Иван Васильевич требовал начинать переговоры с тесного государственного союза между Англией и Россией.

В невесты намечалась тридцатилетняя племянница королевы, Мария Гастингс. Помимо дел политических, Писемскому предписывалось лично убедиться во внешних данных невесты, которая, по представлениям Ивана

Васильевича, должна была быть высокой, дородной, белой лицом и непременно румяной.

По поводу того, что русский царь уже женат, Иван Васильевич повелел объяснить, что, не будучи дочерью царя или владетельного князя, Мария Нагая ему-де негодна и будет им оставлена для женитьбы на королевской племяннице. Марию ожидало насильственное пострижение в монахини — царь не стал изобретать новых способов, а решил пойти проторенной дорожкой.

Горячее желание царя Ивана породниться с английским королевским домом видно из проекта брачного контракта, в котором, между прочим, сказано, что «наследником Государства будет царевич Феодор, а сыновьям княжны Английской дадутся особые частные владения или уделы, как издревле водилось в России».

Королева Англии благосклонно приняла Писемского. Ему устроили свидание с принцессой, во время которого он смог рассмотреть ее во всех, допустимых приличиями, подробностях и остался доволен. Елизавета, будучи сторонницей союза Англии с Россией, дала согласие на брак, но неожиданно воспротивилась сама невеста. Наслышавшись рассказов о свирепом нраве своего венценосного жениха, леди Мария принялась упрашивать королеву избавить ее от этой сомнительной чести и добилась своего. Сватовство Писемского сорвалось, но идея о тесном союзе с Москвой настолько запала в голову Елизаветы, что вскоре она отправила к Иоанну чрезвычайного посла Джерома Боуса с предложением жениться на ее двоюродной племяннице, леди Анне Гамильтон, недавно овдовевшей. Анна была привлекательна и отличалась твердым и жестким характером. На вопрос королевы о том, не боится ли она грозного русского царя, Анна ответила, что боится одной лишь старости и уверена, что сумеет укротить потенциального мужа.

Сватовство Боуса, привезшего царю вместе с письмом королевы и портрет леди Анны, почти удалось. Иван Васильевич дал согласие на брак с Анной Гамильтон, которая, не дожидаясь возвращения Боуса, выехала из Лондона в Москву, но отказался, как того требовала Елизавета, немедленно удалить из дворца Марию Нагую, которая только что родила сына Дмитрия и еще не успела оправиться от родов. И жестокости свирепого царя был предел...

Боус сдуру стал настаивать на доскональном выполнении требований своей королевы, чем прогневил царя Ивана и был вынужден спешно покинуть Москву. Леди Анну он встретил в Польше и вместе с ней вернулся в Лондон.

Накануне своей кончины царь Иван отправил боярина Шуйского в Швецию сватать одну из дальних родственниц шведского короля, славящуюся своей несравненной красотой. По обыкновению, шведскому королю предлагался тесный союз и всевозможные торговые льготы. Но Шуйский не успел даже выехать за пределы государства. Назавтра его догнал курьер с вестью о смерти царя, скоропостижно скончавшегося во время игры в шахматы.

Под конец жизни Иван Грозный много каялся в своих прегрешениях. Впрочем, каялся он всю жизнь, подолгу и с удовольствием. Не надо думать о том, что Иван Грозный периодически начинал сомневаться в правильности своих решений или в справедливости выносимых им приговоров. Отнюдь. По мнению царя, суть его прегрешений заключалась в том, что он лишил жизни многих своих подданных, не предоставив им перед смертью возможности покаяться в своих грехах, а также лишал их тела христианского погребения и запрещал совершать по ним заупокойные службы, тем самым отправляя души казненных врагов своих прямоком в ад... Именно эти грехи замаливал царь, смиряя неумную гордыню.

Хочется закончить рассказ о царе Иване Грозном вопросом, вырвавшимся у Карамзина:

«Кому больше следует удивляться: Царю ли, разрушающему собственное царство, или подданным, смиренно выносившим все беды, все муки, всяческую жестокость и издевательство?»

Алессандро де Медичи, герцог флорентийский

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.*

Н.С. Гумилев «Я конквистадор в панцире железном...»

Настоящее имя — Алессандро де Медичи

Характер — чрезвычайно жестокий

Темперамент — сангвинический

Религия — христианин-католик

Отношение к власти — влюбленное

Отношение к подданным — крайне пренебрежительное

Отношение к любви — похотливое

Отношение к лести — спокойное

Отношение к материальным благам — трепетное, стяжательское

Отношение к собственной репутации — равнодушное

Алессандро де Медичи, герцог флорентийский (1510-1537)

*Алессандро Медичи.
Картина Якопо Понтор.*

Прославившийся на весь мир род Медичи происходил из Флоренции.

К почестям и славе Медичи шли долго, проделав головокружительный путь от аптекарей, по обычаям того времени попутно бывших и лекарями (откуда и пошла сама фамилия - Медичи), до пап и правителей. Во многом благодаря роду Медичи, где убийцы и развратники встречались очень часто, а интриганами были все без исключения, слово «флорентиец» стало в Италии нарицательным обозначением коварного проныры.

Медичи были римскими папами (Лев X и Климент VII), кардиналами, правителями, королевами Франции (Екатерина и Мария). В роду Медичи образованность была в почете — их библиотеки ломились от книг так же, как их сокровищницы — от драгоценностей.

Если не считать небольшого перерыва в начале XVI века, можно сказать, что Медичи правили Флоренцией более трехсот лет.

К власти Медичи устремились во времена Флорентийской республики, которую сами же после превратили в Флорентийскую синьорию. Уже в XIII веке они занимали ряд выборных должностей республики, а кроме того, были банкирами. Поскольку Медичи не входили в круг аристократов, им удалось встать во главе народного восстания против семейства Альбицци, правящего в то время Флоренцией. Восстание оказалось успешным — Альбицци были свергнуты, а популярность и влияние Медичи принялись расти как на дрожжах. В начале XV века Джованни Медичи вошел в состав правительства республики, а в 1421 году стал знаменосцем, то есть фактическим правителем. Именно при нем город-государство Флоренция начал наращивать свое могущество и превратился в один из культурных центров Европы.

После смерти Джованни в 1428 году его место занял сын Козимо, которого в 1433 году дворянская партия вынудила отправиться в изгнание, длившееся десять лет. По окончании этого срока Козимо с триумфом вернулся на родину и сразу же был избран знаменосцем, после чего до самой своей смерти в 1464 году он единолично правил Флоренцией, опираясь на поддержку народа.

Популярность Козимо и любовь к нему в народе были столь велики, что его сын Пьеро по прозвищу Подагрик занял место отца и за четыре года своего правления облагодетельствовал потомков установлением столь приятных отношений с французской короной, что французский король Людовик XI разрешил роду Медичи поместить в их геральдическую эмблему три французские королевские лилии. Отныне герб рода Медичи представлял собой золотое поле с пятью красными кругами, увенчанными главным лазоревым кругом с тремя лилиями на нем. Над гербом располагалась корона, украшенная золотым распустившимся цветком

лилии. Престиж семейства взлетел на недостижимую высоту.

*Джулио Медичи,
папа Климент VII...
Был ли он отцом
или дядей Алессандро?*

Старший сын Пьеро, Лоренцо Великолепный, прославившийся своим умом, эрудицией и поэтическим талантом, несмотря на молодость, сменил отца в 1469 году, в возрасте двадцати лет, и правил до 1492 года. После смерти Лоренцо его сын Пьеро, прозванный Несчастливым, не смог удержать власть в своих руках — и 9 ноября 1494 года Флорентийская синьория приняла декрет, навсегда изгоняющий Медичи из Флоренции.

Вернуться к власти Медичи помог папа римский Юлий II. В 1512 году он поставил кардинала Джованни Медичи во главе своих войск, посланных завоевать Флоренцию, в результате чего 1 сентября того же года управление Флоренцией перешло в руки кардинальского брата Джулиано.

После смерти Юлия II кардинала Джованни Медичи избрали папой, получившим имя Льва X. Джованни сменил на посту правителя Флоренции Лоренцо Второй, сын Пьеро Несчастливого. Не в силах забыть обиду, нанесенную флорентийцами его отцу, Лоренцо правил Флоренцией жестко и авторитарно. Папа Лев X, не упуская случая упрочить могущество своего рода, подарил Лоренцо, приходившемуся ему племянником, герцогство Урбино, отняв его у прежнего владельца. Теперь у Медичи был титул.

У Льва X был еще один племянник — кардинал Джулио Медичи, в 1523 году сменивший дядю на папском престоле под именем Климента VII. У Джулио был незаконнорожденный сын Алессандро, которого ему родила чернокожая служанка. Некоторые историки, впрочем, склонны считать Алессандро сыном Лоренцо Второго (так утверждала официальная версия,

выдвинутая Климентом VII, чтобы «привязать» Алессандро к роду Медичи и в то же время не признаваться в прелюбодеянии), но, собственно говоря, нет никакой разницы в том, кем Алессандро приходился папе Клименту VII — сыном или племянником. Важно то, что на протяжении всей своей жизни Климент VII покровительствовал Алессандро, не только посадив его править Флоренцией с титулом вечного и наследного герцога в 1532 году, но также закрывая глаза на все его бесчинства.

За темный, можно сказать черный (материнские гены оказались явно сильнее отцовских), цвет кожи и толстые, вывороченные губы Алессандро прозвали Мавром. Черной у Алессандро была не только кожа, но и душа, буруеваемая самыми низменными страстями.

С раннего детства Алессандро отличался буйным нравом, жестокостью и склонностью к сумасбродным поступкам. Он очень рано познал женщин. Поговаривали, что одними лишь женщинами его пристрастия не ограничивались.

Лоренцо Великолепный — легендарный предок Алессандро.

Получив в свои руки неограниченную власть, опиравшуюся на алебарды папских солдат, Алессандро, безобразный как лицом, так и нравом, с энтузиазмом принялся за дело — начал толпами казнить непокорных флорентийцев, выражавших недовольство превращением республики в герцогство, и предаваться самому чудовищному распутству.

Алессандро выбрал себе в наперсники одного из родственников по имени Лоренцино, приходившегося ему чем-то вроде пятиюродного брата. Лоренцино стал правой рукой герцога и самым могущественным (и, соответственно, самым ненавидимым) человеком во Флоренции после него.

Лоренцино — уменьшительное имя от Лоренцо. Никто не называл герцогского родственника и фаворита полным именем, уж больно хрупок и изящен, словно подросток, был он.

Оставшись без отца в девятилетнем возрасте (среди Медичи вообще было мало долгожителей), Лоренцино то рос под материнским надзором, то воспитывался дядей, а в пятнадцатилетнем возрасте стал миньоном папы Климента VII, который, по свидетельству очевидцев, любил Лоренцино необычайно, причем, как утверждали в Риме, любил во всех смыслах.

Лоренцино, сызмальства считавший себя обойденным судьбой, жаждал славы, денег, наслаждений и все это смог получить при дворе герцога Алессандро.

Герцог наделил Лоренцино своим полным доверием и сделал его посредником в своих любовных делах, и не догадываясь, что таким образом он приблизил свою собственную смерть. Посредничество заключалось в том, что, если Алессандро желал поразвлечься, не выходя из своего роскошного дворца, Лоренцино нужно было доставить к нему очередную жертву герцогской похоти, будь она простой швеей, монахиней или невестой кого-то из знатных флорентийцев. Лоренцино превосходно справлялся со своей ролью, и приязнь герцога к нему росла и росла — так же как росла ненависть флорентийцев к ним обоим, как и ко всем Медичи, в том числе и к папе Клименту VII, наставшему на родную Флоренцию такую напасть.

Приверженцев республики арестовывали по первому же подозрению или доносу, пытали, причем пытали страшно и изощренно — Италия всегда славилась мастерами этого дела, и без суда казнили.

Попасть в число неугодных герцогу Алессандро было очень легко. Одно неосторожное слово, один косой взгляд, дальнейшее родство с кем-то из республиканцев... Красивая жена, или сестра, или дочь тоже становились фактором риска, так же как и богатство. Герцог всегда был рад изнасиловать или ограбить кого-то из своих подданных.

Буйным цветом расцвели во Флоренции притоны и публичные дома, в которых ежедневно проходили оргии и попойки. Алессандро и Лоренцино бесчинствовали и распутничали не в одиночку — у них были толпы приспешников из числа таких же негодяев, как и они сами.

Для того необузданного разврата, к которому был склонен Алессандро, публичных домов было мало. Похотливый сатир Алессандро любил совершать набеги на дома своих подданных, убивая мужчин и насилуя женщин. Он вламывался даже в самые знатные жилища, невзирая на титулы и должности. Да что там титулы и должности - даже женские

монастыри страдали от набегов Алессандро и его верного Лоренцино, причем там они творили зло с особой жестокостью, словно бросая вызов самому Богу.

Смерть накрыла Флоренцию, и никто не мог быть уверенным в том, что не ему уготована роль будущей жертвы. Неутомимый герцог, не зная отдыха, бесчинствовал в дарованной ему вотчине, а Климент VII благосклонно взирал на его «проказы», считая рассказы о них сильно преувеличенными.

*Алессандро удалось
заручиться поддержкой
могущественнейшего
правителя Европы —
императора Карла V.*

После кончины папы в 1534 году отчаявшиеся флорентийцы решили обратиться за помощью к императору Священной Германской империи Карлу V, для чего послали к нему в Тунис, где тогда находился император, кардинала Ипполито Медичи — просить заступничества против злодея-правителя.

Кардинал Ипполито охотно взялся за поручение — у него с Алессандро были свои счеты. Он сам претендовал на правление Флоренцией, считая, что имеет на это больше прав, чем Алессандро, но Климент VII рассудил иначе и вынудил Ипполито пойти по духовной стезе. Подобно Алессандро, Ипполито тоже был бастардом — незаконнорожденным сыном Джулиано Медичи, о котором уже упоминалось.

Алессандро, узнавший о миссии кузена и вообще давно мечтавший разделаться с ним, послал следом за Ипполито одного из своих верных людей, Джованни Андреа, профессионального убийцу. Джованни догнал Ипполито уже в Тунисе и успел отравить несчастного до того, как тот

встретился с императором Карлом V. Алессандро продолжил править, ничуть не изменив свое поведение. Творимый им произвол вверг Флоренцию в состояние анархии, и, поскольку Алессандро был молод и полон сил, горожане пребывали в отчаянии, не зная, где им искать помощи. К тому же Алессандро, подобно всем Медичи искусный в интригах и подкупе, сумел заручиться поддержкой Карла V. Император даже выдал за Алессандро свою побочную дочь Маргариту Пармскую.

Великий Микеланджело, человек справедливый и строгих нравственных правил, невзлюбил Алессандро, что называется, «с первого взгляда». Когда Алессандро попросил его разработать план новых городских укреплений, Микеланджело отказался. Когда Алессандро передал Микеланджело, что он желает показать возводимую им часовню Сан-Лоренцо гостившему во Флоренции вице-королю Неаполя, Микеланджело демонстративно запер часовню на замок. Микеланджело покровительствовал сам Климент VII, поэтому скульптор мог вести себя с герцогом без раболепия. Однако, насмотревшись на то, что герцог Алессандро и его люди творили во Флоренции, Микеланджело предпочел бежать, поняв, что, несмотря на высочайшее покровительство, жизнь его буквально висит на волоске.

*Лоренцо II,
герцог Урбино.*

По иронии судьбы, Алессандро стал одним из двух Медичи, похороненных в знаменитой гробнице работы Микеланджело.

Неизвестно, что именно заставило Лоренцино возненавидеть своего покровителя. В объяснении мотивов мнения историков расходятся. Одни

утверждают, что из-за вмешательства Алессандро Лоренцино лишился некоего крупного наследства. Якобы Алессандро заграбастал его себе. В это можно поверить, зная, каким алчным стяжателем был Алессандро. Другие считают, что гнев Лоренцино был вызван домогательствами Алессандро к его родной сестре, красавице-вдове Лаудомии. Эта версия кажется менее вероятной — учитывая глубину морального падения Лоренцино, по доброй воле ставшего приспешником развратного деспота Алессандро, вряд ли его могла заботить такая, с позволения сказать, мелочь, как честь родной сестры.

Самой обоснованной кажется версия о притязаниях на трон правителя Флоренции. Скорее всего, Лоренцино решил, что репутация избавителя города от тирана расположит к нему горожан и поможет добиться желаемого — власти над Флоренцией.

О том, что убийство Алессандро не было спонтанным, а готовилось заблаговременно, свидетельствует надпись, сделанная Лоренцино на рукописи своей комедии «Аридозия» (Лоренцино де Медичи, надо отдать ему должное, был неплохим сочинителем): «Скоро вы увидите другую и более прекрасную комедию того же автора».

Можно себе представить, как по вечерам, развлекая своего повелителя чтением из Тацита о заговоре Пизона и о смерти Гальбы, Лоренцино предвкушал убийство тирана.

Не понадеявшись на свою весьма малую физическую силу, Лоренцино, как это было принято в Италии, обратился за помощью к наемному убийце, некоему Скоронконколо, вошедшему в историю лишь благодаря своему преступлению — если можно назвать преступлением избавление подданных от свирепого деспота, каким был Алессандро де Медичи.

Екатерина Медичи, сестра или кузина Алессандро, окружена почти таким же мрачным ореолом, как и он сам. Ей часто приписывают многочисленные интриги и отравления.

Изощренный ум Лоренцино без труда разработал ловушку для Алессандро. Фаворит разжег аппетит герцога описанием прелестей одной красавицы (нельзя уже сказать — вымышленной или настоящей, хотя некоторые исследователи утверждают, что в роли приманки выступила как раз та самая Лаудомия, родная сестра Лоренцо) и пригласил Алессандро на свидание с ней, которое должно было произойти в доме Лоренцино. Разумеется, похотливый Алессандро клюнул на эту наживку и не замедлил явиться в дом Лоренцино. Герцог пришел один, без сопровождающих, ибо кому-кому, а своему фавориту и родичу он доверял безгранично.

Надо сказать, что Лоренцино очень удачно и верно выбрал время для убийства герцога — ночь после большого и шумного праздника в честь святой Епифании, когда вся Флоренция, пьяная и утомленная празднеством, дрыхла без задних ног. Улицы города были совершенно пусты, лишь изредка появлялась на них ночная стража.

В ожидании красотки герцог выпил вина, а затем отцепил шпагу, снял верхнюю одежду и улегся на ложе. Лоренцино удалился якобы для того, чтобы поторопить прелестницу.

Вместо нее он вернулся со Скоронконколо. Лоренцино запер дверь, подошел к постели, на которой лежал Алессандро, и, отдернув полог, спросил: «Спите ли вы, государь?» Согласитесь, более дурацкого вопроса в подобной ситуации нельзя и придумать.

Ответа Лоренцино дожидаться не стал — своей короткой шпагой,

излюбленным оружием итальянской аристократии того времени, он ударил Алессандро в грудь. Молодой герцог умер далеко не сразу. Он вцепился в своего убийцу и даже сумел прокусить ему руку, пока Скоронконколо не добил его.

Всего на теле Алессандро нашли семь ран, нанесенных убийцами, которые, не рискнув остаться во Флоренции, бежали в Болонью.

Лоренцино ничего не выгадал от убийства Алессандро. Власть над Флоренцией перешла к Козимо Медичи, который оказался еще худшим деспотом, нежели покойный Алессандро.

В народе многолетняя ненависть к Лоренцино перевесила одобрение его поступка, и героем бывшего фаворита никто не считал. Остаток жизни Лоренцино пришлось скрываться на чужбине, опасаясь возмездия. Он был убит в Венеции в 1548 году.

*Маргарита Пармская, жена Алессандро.
Их брак остался бездетным.*

Со своей официальной супругой Маргаритой Пармской Алессандро детей не нажил, а вот его любовница и дальняя родственница, Таддея Маласпина, родила ему сына Джулио и дочь Джулию, которых воспитал Козимо, новый герцог Флоренции.

Даже с Таддеей, родившей ему двух детей, Алессандро был всегда груб и не выказывал никаких галантных признаков влюбленности. Скорее всего, любовь вообще была ему недоступна, так же как и добрые дела. Он стал чуть ли не единственным из Медичи и из европейских правителей, о котором никто из современников или потомков не отзывался одобрительно — только с осуждением, если не с проклятиями. Как гласит народная мудрость, «по мощам и елей».

Жан-Поль Марат по прозвищу «Друг народа», один из вождей и основной идеолог французской революции

Закон исполняется без обмана, и мудрость в устах верных совершается,

*Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова
34:8*

Настоящее имя — Жан-Поль Марат
Характер — жестокий, целеустремленный
Темперамент — сангвинический
Религия — протестант
Отношение к власти — трепетное
Отношение к подданным — безразличное
Отношение к любви — холодное
Отношение к лести — благосклонное
Отношение к материальным благам — безразличное
Отношение к собственной репутации — трепетное, внимательное до мелочей

Жан-Поль Марат по прозвищу «Друг народа», один из вождей и основной идеолог французской революции **(1743-1793)**

*Жан-Поль Марат.
Исследователи
подсчитали, что
в 1792 году на страницах
своей заветы он пожелал
смерти примерно
120 тысячам человек.*

Несмотря на весь тот кровавый фанатизм, которым отличалась французская революция, которую некоторые склонны называть «Великой», ни один из ее вдохновителей не был столь одиозной и отвратительной фигурой, как Жан-Поль Марат, самонадеянно и выпендриво называвший себя «другом народа».

«Говорят, что революция — «великая переоценка ценностей», — писал философ и публицист Марк Алданов. — Это неверно. Ценности переоцениваются до революций — Вольтерами и Дидро, Герценами и Толстыми. Потом и старые, и новые ценности размениваются на мелкую истертую монету и пускаются в общий оборот. Революция - великое социальное перемещение, оценка и переоценка людей, для которых она создает новые масштабы деятельности: для одних из маленьких большие, для других — из больших маленькие. Если б Ленин умер в 1916 году, то в подробных учебниках русской истории ему, может быть, отводились бы три строчки. Для людей, подобных «другу народа», революция — это миллионный выигрыш в лотерею — иногда, как в анекдоте, и без выигрышного билета. Говорю, разумеется, о «славе»: личные практические последствия могут быть неприятные, как это доказала Шарлотта Корде. Французская революция дала Марату то, чего его лишали и Ньютон, и Лавуазье, и Вольтер. Мелкий литератор, неудачный физик, опытный врач-венеролог получил возможность выставить свою кандидатуру в спасители Франции. У Мирабо, у Лафайета, у Кондорсе, у Бриссо были выигрышные билеты; все они годами ставили именно на эту лотерею. Марат, как очень

многие другие, выиграл без билета — кто до революции знал, что он «друг народа»?»

Марат, знаменитый оратор французского Национального собрания и известный журналист, был некрасив. Как тут не вспомнить сакраментальное: «Бог шельму метит». Коротышка, ростом менее пяти футов, с бледным лицом, на котором маниакальным блеском горели глаза, он внушал окружающим страх и омерзение.

Марат был певцом насилия в его чистейшем виде, кровожадным жрецом богини смерти, вместо ножа орудовавшим словами. Безумный в своей серьезности и решительный в своей свирепости, он упивался насилием, жаждал его, служил ему. Потoki крови, проливаемые по его призывам, — а это были именно потоки, а не ручейки — никак не могли залить адское пламя, бушевавшее в душе Марата.

Он ненавидел людей, еще больше ненавидел хорошо одетых людей, а тех, кто хоть чем-то превосходил его, ненавидел втройне. Его газета «Друг народа» стала орудием для сведения кровавых счетов с обществом, вдохновителем убийств и глашатаем побоищ.

Его с великими почестями похоронили в парижском Пантеоне, установили ему памятник на площади Карусели и переименовали в его честь город Гавр и даже Монмартр, который стал называться Монмаратом. Но очень скоро останки Марата оказались буквально выброшенными в грязь, памятник был снесен, а Гавру и Монмартру вернули исконные имена. И верно — имена маньяков и злодеев недостойны увековечивания. Забвение да будет их уделом...

Несмотря на то что Марат, по свидетельству некоторых современников, был «мерзок, словно жаба», он все же пользовался некоторым успехом у женщин.

Три женщины оставили яркий след в жизни Марата, и первой была англичанка по имени Анна-Летиция Барбо.

Анна-Летиция Барбо, в девичестве носившая фамилию Эйкин, родилась в один год с Маратом в семье английского сельского священника. Джон Эйкин, отец Анны-Летиции, служил Богу в пресвитерианской церкви небольшой деревни Кибурт, находящейся юго-восточнее древнего города Лестер, заложенного еще римлянами.

Джон Эйкин был человеком передовых взглядов и детям своим постарался дать как можно больше знаний. Анна-Летиция получила в отчем доме прекрасное образование. Девушка легко выучила французский и итальянский языки, читала на латыни и греческом, недурно разбиралась в философии, а при необходимости могла поучаствовать и в религиозном

диспуте. Но больше всего ее привлекала художественная литература, чтение которой, надо признаться, преподобный Джон Эйкин считал бесполезным занятием, делая исключение лишь для классиков древности.

По иронии судьбы, сразу двое его детей стали писателями — дочь Анна и сын Джон, вначале выучившийся на врача, а уже после взявшийся за перо.

Анна была красива (красота досталась ей от рано умершей матери), немного легкомысленна и, как и положено молодой девушке, втайне от всех баловалась сочинением стихов, поверяя бумаге свои невинные девичьи мечты. Отец любил ее больше прочих детей и втайне, про себя, ужасался при мысли о том, что когда-нибудь его дочь выйдет замуж. Нет, преподобный Эйкин искренне желал дочери счастья и совсем не хотел видеть ее в рядах «синих чулков», которых в Англии всегда хватало. Ему просто трудно было представить разлуку со своей обожаемой Анной.

Когда Анне исполнилось пятнадцать лет, Эйкины переехали в Уоррингтон, где преподобный Джон Эйкин получил должность профессора теологии в местной академии.

Здесь, в Уоррингтоне, Анна и встретила швейцарца Жан-Поля Марата, преподававшего французский язык в той же академии, где трудился на ниве просвещения и ее отец. Чужеземец Марат был кальвинистом, поэтому поначалу он весьма нравился преподобному Джону Эйкину, человеку довольно мягкому во всем, кроме вопросов веры. Марат был вхож в дом Эйкинов, где и познакомился с Анной.

Он был некрасив, это так, но умен, умел красиво выражать свои мысли (а уж мыслей-то в его голове было полным-полно), разбирался в поэзии и писал сам. Правда, писал вещи, не совсем близкие Анне по духу, но тем не менее...

Анне было уже тридцать, по тем временам — чуть ли не середина зрелого возраста. Молодость давно канула в прошлое вместе с женихами. Честно говоря, с женихами Анне не везло — насколько их привлекала ее красота, настолько отталкивал острый язычок. Анна привыкла говорить то, что думала, вдобавок она была наблюдательна и остроумна, отчего могла высмеять поистине беспощадно.

Кое-кто утверждает, что именно Марат был редактором первого сборника стихотворений Анны, увидевшего свет в 1773 году, но это утверждение не выдерживает критики. Навряд ли Марат столь хорошо владел английским и чувствовал английскую поэзию, чтобы взяться редактировать стихи на этом языке.

Постепенно интерес перерос в приязнь, а приязнь в нечто, похожее на

любовь. Марат даже намеревался получить британское подданство, чтобы жениться на Анне.

Был ли он на самом деле влюблен в Анну или просто играл в любовь, желая осесть и закрепиться в Англии, где надеялся быть оцененным по достоинству, сейчас сказать трудно. Тем более что дружбе Анны-Летиции Эйкин с Маратом было не суждено длиться долго — после одной некрасивой истории, связанной с присвоением чужих денег, Марат был вынужден покинуть Уоррингтон.

Анна если и скучала по нему, то недолго — в 1774 году она вышла замуж за потомка французских гугенотов Рошмоне Барбо, с которым и прожила всю жизнь, овдовев много позже смерти Марата.

В Англии Жан-Поль Марат прожил одиннадцать лет — с 1765 по 1776 год. Учился, преподавал, пытался прославиться как философ и врач, публиковал свои произведения, а втайне от всех занимался менее благовидными делами — брал деньги в долг без намерения отдавать их, мошенничал и даже ограбил музей в Оксфорде, украв оттуда золотые медальоны и старинные монеты стоимостью более двух сотен фунтов — весьма солидную по тем временам сумму. Есть данные о том, что за свои дела Жан-Поль Марату даже пришлось провести некоторое время в заключении.

*Марат. Картина
Л. Э. Мелинга. 1879 г.*

Деньги Марата никогда не интересовали — он бредил одной лишь славой, жаждал ее, мечтал о ней и к ней стремился. Слава в его понимании была неразрывно связана с властью над людьми, над умами и сердцами поклонников и почитателей.

Полный самых неумных амбиций, он пытался блеснуть то на одном, то на другом поприще и всюду терпел неудачи.

Врачом Марат считался весьма посредственным. Да, он был врачом свиты графа д'Артуа, но обратите внимание — не самого графа пользовал Марат, а всего лишь его челядь.

Как ученый Марат не состоялся. Его никогда не интересовала

наука — он только пытался спихнуть кого-либо из авторитетов с пьедестала, чтобы самому занять его место.

С самонадеянностью недоучившегося выскочки Марат в своих опусах, более заслуживших название пасквилей, обливал грязью Вольтера, уличая его в невежестве, пытался критиковать Ньютона, ну а великого химика Лавуазье и вовсе называл шарлатаном.

Ньютон, умерший задолго до рождения Марата, досаждал ему больше прочих своей устойчивой, поистине всемирной известностью. Амбициозный Марат желал стяжать себе всю мировую славу, не оставив ни крохи как современникам, так и тем, кто жил раньше.

Марат-писатель с большой натугой родил один-единственный роман из польско-русской жизни, дочитать который до конца не удавалось, кажется, еще никому — от знакомства с картинно-благородными польскими графами и их необычайно чувствительными возлюбленными неудержимо клонит в сон. Старик Вольтер написал на роман Марата очень едкую разгромную рецензию, оттого-то Марат и пытался убедить всех в невежестве великого философа. Вольтеру повезло — он умер в 1778 году, задолго до революции, во время которой ему однозначно бы не поздоровилось. Подобно всем мелким и ограниченным душонкам, Марат не умел ни забывать, ни прощать. О, «Друг народа» непременно бы отыгрался на Вольтере, будь предоставлена ему такая возможность!

Лавуазье Марат возненавидел по другой причине — за то, что великий химик упорно не обращал никакого внимания ни на «научную» деятельность Марата, ни на его критические нападки, руководствуясь крайне разумным принципом «собака лает — ветер носит».

«Есть два Марата: Марат до революции и Марат во время революции, - писал Марк Алдамов. - Первый достаточно понятен. Это был несносный человек, человек с нестерпимым характером, каких каждый из нас не раз встречал в жизни. Добавлю, человек с немалыми достоинствами: большого трудолюбия, больших знаний, энергичный, честный и бескорыстный, быть может, даже и не очень злой. И со всем этим, повторяю, невыносимый. Его и тогда, кажется, все терпеть не могли. Чудовищная нервность у него сочеталась с манией величия, а мания величия дополнялась патологической завистливостью».

Насчет честности Адцанов явно польстил Марату, человеку весьма неразборчивому в вопросе добывания средств для существования и саморекламы. Все остальное же подмечено очень метко и точно.

С горя Марат даже пробовал снискать славу на юридическом поприще, приняв участие в конкурсе Бернского экономического общества на лучший

проект реформы уголовного права. Его «План уголовного законодательства», опубликованный в 1782 году, современников, мягко выражаясь, не впечатлил.

Если бы не революция, он так бы и умер безвестным авантюристом, одним из тысяч пасынков славы, некрасивым одиноким неудачником. Не исключено, что извилистый жизненный путь мог привести его на виселицу или под топор палача — у Марата были для того предпосылки, первой из которых были его непомерные амбиции. Впрочем, на старости лет он мог бы остепениться и зажить тихой добропорядочной жизнью, хотя верится в это с трудом. Неугомонный Марат и спокойная размеренная жизнь — понятия взаимоисключающие.

Фортуна благосклонна к настойчивым, правда, не всегда она благоволит достойным. Марату повезло — ему была предоставлена прекрасная возможность проявить себя. И обеспечил эту возможность не кто иной, как король Франции Людовик XVI, при котором народ французский обнищал вконец, что называется, дошел до ручки.

Аристократы купались в роскоши, простолюдины умирали с голоду, а буржуазия была недовольна состоянием дел, и прежде всего — чудовищной инфляцией. В монетах, которые чеканил королевский двор, с каждым днем становилось все меньше золота и серебра и все больше примесей, вроде меди.

Отберите у людей веру в будущее — и они проявят себя с наихудшей стороны. Рост народного недовольства, искусно разжигаемый так называемой революционной печатью, вылился в кровавую вакханалию. Все началось с недовольства королем-вертопрахом и королевой-шлюхой, а закончилось черт-те чем.

Марат издавал самую революционную из газет — «Ami du peuple» («Друг народа»). Сам издавал, сам редактировал и сам в нее писал, будучи един в трех лицах.

Как журналист, Марат был неистов, кровожаден и бескомпромиссен, оставляя далеко позади всех прочих разжигателей революционного пожара. Он был главным прародителем смуты, и в то же время можно сказать, что он был и ее порождением — именно революция вознесла Марата ввысь, на пьедестал, сложенный из отрубленных по его подстрекательству голов. Очень высоким был тот пьедестал.

Потакая низменным инстинктам толпы, Марат получил власть над ней. Давно известно, что дурной пример заразителен. Жажда кровопролития, неустанно пропагандируемая маньяком Маратом, обуюла тех, кто еще вчера считался добрыми французами, совершенно

не склонными к насилию.

Аппетит приходит во время еды. «Еще год назад пять или шесть сотен отрубленных голов сделали бы вас свободными и счастливыми, — писал Марат в июне 1790 года. — Сегодня придется обезглавить десять тысяч человек. Через несколько месяцев вы, может быть, прикончите сто тысяч человек. Вы совершите чудо — ведь в вашей душе не будет мира до тех пор, пока вы не убьете последнего ублюдка врагов Родины...»

Пока не будет убит последний француз...

Что плохого сделали Марату аристократы? Всего лишь осмелились жить лучше его — и были жестоко наказаны за это.

Чем досадили ему простые обыватели? Ничем, они попросту стали жертвой, которая была принесена для упрочения власти Марата.

«Перестаньте терять время, изобретая средства защиты. У вас осталось всего одно средство, о котором я вам много раз уже говорил: всеобщее восстание и народные казни. Нельзя колебаться ни секунды, даже если придется отрубить сто тысяч голов. Вешайте, вешайте, мои дорогие друзья, это единственное средство победить ваших коварных врагов. Если бы они были сильнее, то без всякой жалости перерезали бы вам горло, колите же их кинжалами без сострадания!» — призывал Марат своих сограждан.

Ярость его усиливалась неизлечимой кожной болезнью, сопровождавшейся нестерпимым зудом. Многие биографы ошибочно называют ее проказой, якобы подхваченной Маратом еще во время работы врачом в Англии, однако они ошибаются — при проказе не бывает зуда. Скорее всего, Марат страдал (или был наказан провидением за свою жестокость) экземой.

Болезнь вынуждала Марата целыми днями просиживать в ванне с теплой водой — только там зуд стихал. Сидя в ванне, он писал свои людоедские опусы, сидя в ванне, принимал посетителей, сидя в ванне, порой и засыпал. Кстати говоря, ванна в те времена была неслыханной роскошью.

Марк Алданов не без иронии советовал всем поклонникам Марата произвести простой опыт — прочесть одну за другой в старых комплектах «Ami du peuple» его последние статьи. В этих статьях Марат требовал уже двести шестьдесят тысяч голов контрреволюционеров!

В начале же революции «друг народа» был куда умереннее. Тогда он настаивал только на том, чтобы на восьми сотнях деревьев Тюильрийского сада было повешено восемь сотен депутатов с ненавистным Марату политиком - графом Мирабо - посредине. «Однако он лишь сходил с ума —

не успел сойти совершенно, - писал о Марате Алданов, — сквозь бредовые кровавые статьи, от которых гибли сотни людей, все время сквозит совершенно ясная мысль, именно ясностью выделяющая его из толпы других участников французской революции. («Только индюки ходят стадами», — любезно говорил он членам Конвента.) Эта мысль: нужна диктатура, необходима кровавая диктатура, без диктатора мы не спасемся, вне диктатуры нет выхода!.. Он долбил ее упорно, без вывертов, с большой силой. Надо думать, в диктаторы он намечал самого себя. Вызванные им страшные сентябрьские убийства достаточно ясно показывают, чего можно было ждать от диктатуры Марата».

Триумф Марата. Карикатура. XVIII в.

Кровожадный истерик Марат в конце концов надоел и своим соратникам — членам Национального собрания, тем более что те же Мирабо, Лафайет, Бриссо, Кондорсе были, что называется, профессиональными политиками, добрую половину жизни терпеливо шедшими к власти и совершенно не желавшими делить ее, а точнее говоря — отдавать ее какому-то неизвестному проходимцу, скучному литератору, сомнительному ученому и никудышному врачу, преуспевшему разве что в лечении венерических заболеваний. Он вынырнул из мутного революционного потока, явился из небытия, и именно туда его следовало отправить.

Ненависть к Марату со стороны видных деятелей французской революции усиливалась гипертрофированным индивидуализмом Марата, его эгоизмом. Марат жаждал славы единственного спасителя Франции и ради этого готов был стать ее могильщиком.

Терпение иссякло в тот день, когда Марат написал в своей газете: «К оружию, граждане!.. И пусть ваш первый удар падет на голову бесчестного генерала (**под бесчестным генералом подразумевался Лафайет. — А. Ш.**), уничтожьте продажных членов Национального собрания во главе с подлым Рикетги (**здесь речь шла об адвокате Мирабо, «мозге» революции. — А. Ш.**), отрезайте мизинцы у всех бывших дворян, сворачивайте шею всем попам. Если вы останетесь глухи к моим призывам, горе вам!»

«Бред сумасшедшего!» — скажут читатели и нисколько не погрешат против правды — нормальный человек подобного не напишет. Но не надо забывать, что призывам этого сумасшедшего следовали десятки тысяч французов!

Генерал Лафайет, герой освободительной войны в Америке, незаслуженно обозванный «бесчестным», прочтя очередной пасквиль Марата, вознегодовал и немедленно отправил триста человек в типографию «Друга народа». Типография была разгромлена, а весь оставшийся нереализованным тираж газеты конфискован. Сам Марат сумел избежать ареста, словно крыса, забившись в дыру, — «Друг народа» спрятался в погребе, принадлежавшем одному из его сторонников, где и продолжал строчить свои кровавые опусы.

В них, давая волю обиде, он призывал убивать солдат национальной гвардии, поймать и оскопить генерала Лафайета, повесить «продажного» Мирабо.

Разумеется, его искала полиция, но Марат, сменявший одно убежище за другим, был неуловим — правда, все убежища оказывались, что называется, некомфортабельными — погреба, подвалы, чердаки. Устроиться со всеми удобствами предложил «другу народа» рабочий его типографии по фамилии Эврар. Эврар сообщил, что его невестка Симона, простая работница игольной фабрики, почтет за честь предоставить Марату крышу над головой. Марат с радостью согласился и поселился в доме № 243 по улице Сент-Оноре.

Симона Эврар, дочь корабельного плотника из Турнюса, оказалась хорошенькой сероглазой брюнеткой лет двадцати пяти. Она была горячей сторонницей Марата, зачитывавшейся его статьями, восхищавшейся им и сочувствующей ему. Поэтому нет ничего

удивительного в том, что, едва увидев воочию «друга народа», Симона тут же влюбилась в него и с первой же ночи начала делить с ним ложе. Это был маленький подвиг, с учетом того, что тело Марата было покрыто язвами, издававшими весьма ощутимое зловоние. Любовь поистине зла...

На дворе был декабрь 1790 года.

Симона оказалась сущей находкой, настоящим подарком судьбы. В ее маленькой квартире на улице Сент-Оноре Марат блаженствовал, окруженный любовью, нежностью и заботой. Симона не жила с ним, она служила ему, служила самоотверженно и беззаветно, как и подобало служить великому, по ее мнению, человеку.

Она боготворила Марата, и, надо сказать, ему это нравилось. Крыша над головой, вкусные обеды, ванна, взятая напрокат из какой-то лавки, удобный письменный стол, за которым так хорошо пишется, теплая и чистая постель, в которой лежит готовое к ласкам молодое тело... Это был рай, сущий рай на земле, рай, в существование которого Марат по-настоящему никогда не верил.

Прожив несколько дней у Симоны, Марат получил сообщение о том, что якобы его убежище раскрыто и посланцы генерала Лафайета буквально с минуты на минуту схватят его. Испуганный Марат поспешил покинуть квартирку Симоны и укрылся у знакомого католического священника в церковном приделе. Там было холодно, сыро и неуютно, поэтому вскоре Марат покинул это убежище, чтобы укрыться в доме некоего гравера по имени Маке.

Пользуясь гостеприимством гравера, Марат попутно соблазнил любовницу хозяина — хорошенькую двадцатипятилетнюю особу по имени Фуэс. Стоило доброму граверу на неделю-другую отлучиться из дому по делам, как Фуэс начала дарить своей благосклонностью Марата. Вернувшись домой, Маке вышвырнул на улицу обоих — и неверную Фуэс, и вероломного Марата.

Марат отправился к Симоне, трезво рассудив, что по прошествии времени там его искать уже не станут. Симона крайне обрадовалась его возвращению, и все вернулось на круги своя — Марат писал, а она служила ему.

В следующий раз Марат покинул Симону, уехав в Лондон, где он чувствовал себя в большей безопасности, чем в Париже, но безденежье принудило его быстро вернуться обратно. Поиски денег оказались безуспешными, и на выручку пришла верная Симона — руководимая любовью и патриотизмом, она отдала Марату все свои скромные

сбережения.

В один из мартовских дней 1791 года, когда ярко светило солнце, Марат взял свою любовницу за руку и, упав рядом с ней на колени, воскликнул: «В великом храме Природы клянусь тебе в вечной верности и беру свидетелем слышащего нас Творца!» На этом церемония бракосочетания «по Марату» закончилась. Расчувствовавшись, Симона прослезилась и обняла любимого.

Поскольку даже во время революции ни французское законодательство, ни сами французы не признавали бракосочетаний, заключенных без свидетелей «в великом храме Природы», Симона Эввар вплоть до смерти Марата предпочитала называть себя его сестрой. Лишь после убийства «Друга народа» их брак был признан законным, что дало безутешной Симоне право именоваться вдовой Марата.

Марк Алданов писал о Симоне Эввар: «Эта несчастная женщина по-настоящему любила Марата. Она была предана ему как собака, ухаживала за ним день и ночь, отдала на его журнал свои сбережения, которые копила всю жизнь. Он был старше ее на двадцать лет и страдал неизлечимой болезнью. Марат, безобразный от природы, был покрыт сыпью, причинявшей ему в последние годы его жизни страшные мучения. Влюбиться в него было трудно. Его писания едва ли могли быть понятны малограмотной женщине. Славу и власть «друга народа» она ценила, но любила его и просто по-человечески. Кроме Симоны Эввар, вероятно, никто из знавших его людей никогда не любил Марата».

Весьма вероятно. Кроме разве что англичанки Анны-Летиции, с которой у Марата были более-менее длительные отношения. Все остальные увлечения Марата были недолгими и весьма разнородными по социальному статусу — от маркиз до работниц типографии, в которой печатался «Друг народа». Связи свои Марат афишировать не любил — образ безгрешного праведника был составной частью его репутации.

О своей репутации Марат заботился неустанно, пестовал ее и лелеял. Он с огромным вниманием следил за тем, как хвалят других, и весьма старательно (причем не всегда удачно) рекламировал себя самого.

Редактор одного журнала, некий Бриссо, считавшийся приятелем Марата, получал от него для публикации готовые рецензии, в которых Марат превозносил Марата до небес. Превозносил безудержно, чрезмерно, неустанно, буквально по любому поводу.

Однажды, уже в период революции, у Марата вышел конфликт в Париже, на Новом мосту, с отрядом королевских войск. Да и не конфликт, а

так — словесная баталия. Вернувшись домой, Марат тут же послал Бриссо записку, в которой говорилось, что «...грозный облик Марата заставил побледнеть гусаров и драгунов, подобно тому, как его научный гений в свое время заставлял бледнеть Академию». Согласитесь — написано было очень скромно и достойно. Но вот Бриссо почему-то счел иначе и фразу эту из записки вычеркнул. В 1793 году, еще при жизни Марата, Бриссо был казнен как враг революции. Делайте выводы...

Когда возникла угроза войны с Германией и Англией, правители которых вознамерились покончить с революцией во Франции, пока ее пламя не перекинулось на другие страны, Марат призвал сограждан всеми силами защищать свое отечество. Но призыв этот был весьма оригинален. 15 мая 1790 года в своем открытом письме «К просвещенным и отважным патриотам» Марат утверждал, что следует противопоставить войне между народами войну гражданскую и, обращаясь к солдатам, советовал им в случае начала военных действий в первую очередь расправиться с врагами внутренними, а уж после защищать революционное отечество. В целях защиты отечества Марат призывал к созданию революционной армии путем вооружения всего народа. Королевскую регулярную армию он требовал сократить до минимума и передать ее под контроль народных масс.

Войны не случилось, но Марат не унимался: «Нападайте на тех, у кого есть кареты, лакеи, шелковые камзолы, - писал он. - Вы можете быть уверены, что это аристократы. Убивайте их!» Чтобы быть уверенным, что его советам следуют, Марат требовал изготовления в огромных количествах «надежных ножей с коротким, хорошо наточенным лезвием», при помощи которых патриоты могли бы убивать каждого подозрительного. Поистине - поднявший нож от ножа и погибнет!

После долгого, почти четырехмесячного перерыва, благодаря жертве Симоны Эврар, очередной номер «Друга народа» в свет вышел. Марат и Симона, не помня себя от счастья (он — оттого, что снова получил возможность ежедневно подстрекать толпу к убийствам, а она — оттого, что рядом был любимый человек), переехали на улицу Кордельеров в четырехкомнатную квартиру (столовая, гостиная, кабинет и спальня), снятую Маратом. Здесь «Друг народа» чувствовал себя в полной безопасности, впрочем, вполне возможно, что его к тому времени уже и перестали искать.

«Оглянитесь! Вас предали! Вы голодаете, а лавки распирает от товаров. Ваше правительство — хлюпики и трусы — боится навести революционный порядок. А мы будем очищаться. Всех подозрительных —

на эшафот!» — после всего пережитого Марат остался верен себе, верен своим кровожадным инстинктам бешеного зверя.

Трон под Людовиком XVI к тому времени уже не шатался, а просто ходил ходуном. Год выдался неурожайным (огромной силы ураган, да еще с градом, побил все посевы), и в разоренной бездарным правлением стране по осени начались хлебные бунты. Вместо того чтобы попытаться как-то выправить ситуацию, король закатил роскошный банкет в честь офицеров Фландрского полка. «Пир во время чумы» послужил поводом к народному восстанию — разъяренная толпа оголодавшего народа отправилась маршем на Версаль из Парижа...

*Шарлотту чуть
не растерзали набежавшие
сторонники Марата,
но национальным гвардейцам
все же удалось вырвать ее
из рук толпы и доставить
в тюрьму.*

Долгожданный час торжества настал! «Друг народа» с помощью своей газеты стал пуще прежнего разжигать народный гнев, хотя тот и так вырос до угрожающих размеров. Всю Францию охватила жажда убийства. Гильотины работали без остановки, на виселицах не хватало места... Марат торжествовал.

В сентябре 1792 года членом Конвента — высшего органа власти революционной Франции — стал, вместе с Робеспьером, Дантоном, Камиллом Демуленом и Филиппом Орлеанским, гражданин Марат, президент Якобинского клуба. «Узнайте и еще об одном факте, факте, который стоит многих: Марат не только здесь, но и имеет собственное почетное место (*tribune particuliere*). Какие перемены произошли с Маратом, вытасненным из своего темного подвала на эту сияющую «особую трибуну»! Каждый пес имеет свой праздник, даже бешеный пес. Злополучный, неизлечимый Марат, Филоксет (**царь Мелибеи, принявший участие в походе на Троию греческих царей и убивший Париса. — А. Ш.**), без которого не взять Трои! Сюда вознесен Марат, теперь главная опора правительственной власти», — писал историк французской революции Томас Карлейль.

Один из современников писал о Марате так: «У него в душе проказа; он пьет кровь Франции, чтобы продлить свои мерзкие дни. И

если Франция не избавится от этого чудовища, анархия, со всеми ее ужасами, пожрет детей нации».

Появление неистового «Друга народа» на трибуне республиканского Конвента, по словам современников, было похоже на видение Медузы-горгоны. Лохматый, сверкающий глубоко запавшими глазами, в потрепанном засаленном фраке, в рубашке с расстегнутым воротом, с непременным огромного размера пистолетом за поясом, Марат выглядел воинственно, вызывая ужас и омерзение не только врагов революции, но и членов Конвента. «Этот одержимый фанатик внушал нам всем какое-то отвращение и оцепенение. Когда мне показали его в первый раз, когда он дергался на вершине Горы **(так назывались верхние трибуны Конвента, занятые якобинцами, соратниками Робеспьера. — А. Ш.),** я смотрел на него с тем тревожным любопытством, с которым смотрят на некоторых отвратительных насекомых. Его одежда была в беспорядке, в его бледном лице, в его блуждающем взоре было нечто отталкивающее и ужасное, что наполняло душу тоской. Все мои коллеги, с которыми меня связывала дружба, были со мной согласны», — вспоминал республиканец Левассер.

Глашатай насилия, Марат враждовал с так называемыми «жирондистами», сторонниками революционной законности, к которым главным образом относились депутаты из департамента Жиронда. Жирондисты называли Марата «желчной жабой, которую глупое голосование превратило в депутата» и видели в нем воплощенное зло.

Марат не мог смириться ни с какой властью, в том числе и с той, которую сам представлял в Конвенте. Свержение партии жирондистов (сопровожаемое, как и положено, массовыми казнями) произошло при прямом участии Марата. В конце мая — начале июня 1793 года партия жирондистов была изгнана из Конвента, а депутаты, входящие в нее, были объявлены вне закона. Если Париж, одурманенный «Другом народа», приветствовал это решение, то в провинции падение жирондистов и последующее установление диктатуры «непримиримых» якобинцев восприняли как предательство идеалов революции. Франция раскололась на два лагеря, которые вскоре пошли войной друг на друга.

Тем временем Марат продолжал заниматься любимым делом — разоблачал явных и мнимых врагов революции, требуя применения к ним революционного террора — казней без суда и следствия, по одному лишь подозрению. По Франции прокатилась волна ужасных погромов. Ни один внешний враг за всю историю страны не наносил ей такого ущерба, как сами французы, подстрекаемые свирепым Маратом. Смерть простерла свои крылья над несчастной Францией, и мрачной жатве ее, казалось, не будет

конца...

Нравы того времени прекрасно иллюстрирует история жестокого убийства одной из фавориток Марии-Антуанетты, несчастной принцессы де Ламбаль.

Бежавшая в Англию, она вернулась во Францию, чтобы служить своей королеве, бывшей в неволе. На родине верную де Ламбаль арестовали и после суда, больше походившего на фарс, отдали на расправу толпе.

Вначале над ней издевались, заставляя идти по трупам, а затем закололи пиками. Однако со смертью несчастной потеха черни не закончилась. Труп принцессы растерзали - одну ногу засунули в жерло пушки, отрезали груди, вырвали сердце, а под конец отрезали голову, насадили ее на пику и понесли к Тамплю, чтобы показать находившейся там королеве... И все это творилось в стране, считавшейся цивилизованной и просвещенной! Можно себе представить, как ликовал Марат, как радостно он потирал занемевшие от письма руки, узнавая о каждой подобной расправе.

Смерть Марата. Жак Луи Давид. 1793 г.

Пять лет — небольшой период в истории страны. Если только это обычные годы, а не пять революционных лет.

14 июля 1789 года во Франции произошла революция, провозгласившая благородный лозунг «Свобода, равенство, братство».

22 сентября 1792 была создана Республика, «единая и неделимая».

21 января 1793 года отрубили голову низвергнутому королю Людовику XVI.

9 термидора, а по-старому 27 июля 1794 года, была свергнута установленная в ходе революции диктатура партии якобинцев, возглавляемых Робеспьером, развязавшая в стране революционный террор.

Так называемый триумvirат, состоящий из революционных вождей Марата, Дантона и Робеспьера, быстро распался. Его члены друг за другом

ушли из жизни. Дантон и Робеспьер окончили свои дни на гильотине, а Марату повезло — «Друг народа» пал от руки двадцатипятилетней красавицы из Нормандии Шарлотты Корде, прапраправнучки великого французского драматурга Пьера Корнеля. 13 июля 1793 года отважная Шарлотта заколола ножом Марата в его ванне.

Шарлотта Корде стала последней женщиной в жизни Марата. Она была республиканкой, так же как и Марат. Только вот девиз «Свобода, равенство и братство» красавица и чудовище понимали по-разному.

Безумие революции, по мнению поэта Максимилиана Волошина, состояло в том, «что палач Марат и мученица Шарлотта Корде с одним и тем же сознанием подвига хотели восстановить добродетель и справедливость на земле».

Перед тем как отправиться совершить возмездие, Шарлотта написала в своем «Обращении к французам»: «Доколе, о несчастные французы, вы будете находить удовольствие в смутах и раздорах? Слишком долго мятежники и злодеи подменяют общественные интересы собственными честолюбивыми амбициями... И вот Марат, самый гнусный из всех злодеев, одно только имя которого уже вызывает перед глазами картину всяческих преступлений, пал от удара мстительного кинжала, сотрясая Гору и заставляя бледнеть Дантона, Робеспьера и их приспешников, восседающих на сем кровавом троне в окружении молний, удар которых боги, мстящие за человечество, отсрочили только для того, чтобы падение их стало еще более громогласным, а также утратить всех, кто попытался бы, следуя их примеру, построить свое счастье на руинах обманутых народов!»

Шарлотта Корде родилась 27 июля 1768 года в Нормандии, вдали от Парижа, близ города Кан, в знатной, но давно обедневшей дворянской семье де Корде д'Армон. Шарлотта росла не по годам серьезной и весьма начитанной девушкой. Подруги Шарлотты, оставившие о ней воспоминания, с восхищением и удивлением упоминали о возвышенном образе мыслей Шарлотты, сформировавшемся под влиянием выдающихся мыслителей древности, и ее серьезности, выражавшейся в том, что Шарлотта была противницей замужества и никогда не делилась с подругами любовными переживаниями и не поверяла им своих сердечных тайн. «Ни один мужчина никогда не произвел на нее ни малейшего впечатления; мысли ее витали совсем в иных сферах... она менее всего думала о браке», — вспоминала одна из подруг мадемуазель Корде. В отличие от своих болтливых подруг, Шарлотта была малоразговорчива и задумчива. Отданная на воспитание в монастырь, она всерьез обдумывала возможность пострижения, но в итоге все же предпочла остаться в миру.

*Шарлотта Корде.
Литография. XIX в.*

Несмотря на монастырское воспитание, Шарлотта, по ее собственному признанию, стала убежденной сторонницей республиканских идеалов задолго до революции. Однако действительность разочаровала ее. Под прикрытием благородного лозунга «Свобода, равенство, братство» расцвело кровавое безумие. Возвышенным идеалам не было места в жизни, только в душе девушки, жаждущей справедливости, сохранились они. «Я содрогаюсь от ужаса и негодования, — признавалась Шарлотта. — Будущее, подготовленное настоящими событиями, грозит ужасами, которые только можно себе представить. Совершенно очевидно, что самое большое несчастье уже случилось... Люди, обещавшие нам свободу, убили ее; они всего лишь палачи. Так оплачем же участь нашей бедной Франции!»

Шарлотта все чаще и чаще задумывалась о спасении Франции и о том, что она сама может сделать для своей истерзанной кровавой вакханалией родины. Наконец она решила принести себя в жертву...

От тяжких мыслей Шарлотта часто плакала, а когда ее спрашивали о причине, отвечала: «Я плачу над Францией. Пока жив Марат, кто может быть уверен, что она будет жить?»

Решившись на подвиг во имя спасения Франции, Шарлотта не обольщалась и не надеялась на помилование. Она прекрасно сознавала, что единственным наказанием убийце Марата станет смертная казнь, но тем не менее не отказалась от задуманного. Шарлотта действовала в одиночку, и для того, чтобы вывести из-под революционного возмездия не знавших ничего о ее намерениях родственников и друзей, благородная девушка написала «Обращение к французам, друзьям законов и мира», где

объяснила, что убить чудовище она решила сама и осуществила свой замысел, не посвящая никого в свои планы.

Под каким-то благовидным предлогом Шарлотта покинула дом своей тетки в городе Кан, где жила после закрытия монастыря революционерами, и отправилась в Париж, куда прибыла 11 июля 1793 года. Она остановилась в одной из недорогих гостиниц. Примечательно, что, отвечая на вопрос хозяйки о том, сколько времени она собирается провести в Париже, Шарлотта ответила: «Пять дней».

Вначале мстительница намеревалась сразу же по приезде отправиться в Тюильри, где заседал Конвент, и свершить там свое правосудие, но узнала от словоохотливой хозяйки гостиницы (кстати говоря, истовой поклонницы Марата), что «Друг народа» последний месяц не выходит из дома, терзаемый обострением своей загадочной кожной болезни.

Утром 13 июля Шарлотта купила в скобяной лавке в садах Пале-Рояля большой столовый нож с черной рукояткой, искусно спрятала его за корсажем. Около полудня она подъехала на извозчике к дому № 30 по улице Кордельеров, поднялась к дверям квартиры Марата и позвонила. Симона Эввар открыла дверь и отказалась впустить гостью, сообщив ей, что «Друг народа» по утрам никого не принимает.

Шарлотта вернулась в гостиницу, откуда отправила Марату письмо, в котором просила принять ее по некоему важному делу. Ближе к вечеру Шарлотта Корде послала за парикмахером. После того как ее волосы были уложены, она переоделась в красивое белое платье, накинула на плечи шаль, украсила голову высокой шляпой с черно-зеленой кокардой и в этом наряде с веером в руке снова поехала на улицу Кордельеров.

Видимо, предчувствуя неладное, Симона Эввар снова отказалась допустить незваную гостью к Марату. Шарлотта принялась настаивать. Разговор велся на повышенных тонах, Марат, сидящий в ванне, услышал его и велел Симоне пригласить посетительницу к нему. Из ванны он вылезти и не подумал.

Совершенно не выказав смущения шокирующими обстоятельствами оказанного ей приема (купание в ванне в глазах большинства людей было и остается делом весьма интимного свойства), Шарлотта уселась на табурет рядом с Маратом, около четверти часа беседовала с ним о политике, точнее — о депутатах-жирондистах, бежавших в Нормандию, после чего заколола его ножом. Хватило одного удара. Марат вскрикнул, зовя на помощь, захрипел и умер. Шарлотта вышла в коридор, где и была схвачена.

Ее чуть было не растерзали набежавшие сторонники и сторонницы Марата, но национальным гвардейцам все же удалось доставить Шарлотту

в тюрьму — растрепанную, покрасневшую, в измятой разорванной одежде.

«Я думала, что умру сразу; люди мужественные и поистине достойные всяческих похвал оберегли меня от вполне понятной ярости тех несчастных, которых я лишила их кумира. Так как я не утратила хладнокровия, то мне горько было слышать крики некоторых женщин, но тот, кто решил спасти отечество, не станет считаться с ценой», - писала в заключении Шарлотта.

В тюрьме она просидела недолго — всего четыре дня. Следствие и суд были скорыми.

— Кто внушил вам столько ненависти? — спросили Шарлотту во время суда.

— Мне чужой ненависти не требовалось, у меня было достаточно своей! — ответила она.

17 июля, ровно в половине восьмого вечера, в тот час, когда Шарлотта Корде убила Марата, голова ее скатилась на эшафот, где помощник палача подхватил ее за волосы и «от себя» отвесил казненной пощечину.

«Шарлотта Корде, возвышенная душа, несравненная дева! Сколько кротости было в ее лице, когда ее везли среди неистовствующей толпы! Сколько спокойствия и смелости во взоре! Каким огнем горел ее взор, о какой нежной, но неустрашимой душе говорили глаза ее! Ее взгляд мог бы растрогать даже скалы!» — писал один из свидетелей казни Шарлотты Корде, красавицы, избавившей свою любимую Францию от кровожадного чудовища.

Юдифь поразила Олоферна и рука об руку с ним вошла в историю...

Наполеон I Бонапарт, император Франции

Но правильно сказал о Наполеоне поэт Гете: для Наполеона власть была то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста. Он немедленно пустил в ход этот инструмент, едва только успел завладеть им...

Е.В. Тарле «Наполеон»

Во всех случаях он выказывал себя горячим и убежденным сторонником мира. Он достоин хвалы, никогда ему не возданной, за то, что был первым выдающимся деятелем Французской республики, который положил предел ее расширению и искренне старался вернуть миру спокойствие. Несомненно, это была ошибка, но в ней повинно его сердце, слишком доверчивое, слишком чувствительное к интересам человечества. Такова причина самых крупных его ошибок. Потомство, которому эта истина предстанет в полном свете, во имя чести рода человеческого не захочет поверить, что зависть современников могла изобразить великого человека бессердечнейшим извергом.

Стендаль «Жизнь Наполеона»

Настоящее имя — Наполеон Бонапарт
Характер — целеустремленный
Темперамент — сангвинический
Религия — христианин-католик
Отношение к власти — гипертрофированно-алчное
Отношение к подданным — пренебрежительное с оттенком снисхождения
Отношение к любви — порывистое, сумасбродное
Отношение к лести — приятное
Отношение к материальным благам — алчное, стяжательское

Отношение к собственной репутации — пристально-внимательное

Наполеон I Бонапарт, император Франции (1769-1821)

*Наполеон Бонапарт.
Картина Андреа Аппиани.*

Великий император обожал женщин и ради них нередко пренебрегал государственными делами. Мало того — на своих любовниц Наполеон, не задумываясь, тратил казенные деньги (императорская должность, помимо прочего, хороша и тем, что ни перед кем не надо отчитываться в расходах), а любовниц у него было много, очень много, куда больше, чем, например, у ветреного Людовика XV.

Чопорный, сдержанный и немногословный на публике, он совершенно преображался в дамском обществе. Император мог задорно плясать, мог играть в прятки, мог устроить шуточную охоту за очередной кандидаткой, бегая за ней в одной ночной рубашке по длинным коридорам своего дворца... Трезвый и расчетливый политик, волевой правитель, искусный полководец, Наполеон в делах любовных был сумасбродом, легкомысленным подростком, жадным искателем наслаждений...

Он родился 15 августа 1769 года в городке Аяччо на острове Корсика, всего за год до того ставшем французской территорией. Людовик XV купил этот живописный, поросший лесами горный остров в 1768 году у Генуи: беспрестанные мятежи гордых и свободолюбивых корсиканцев, народа гордого, в конце концов утомили итальянские власти.

Отец Наполеона, Карло Бонапарт, итальянец, дворянин из незнатного и небогатого рода, происходившего из тосканского городка Сан-Миньято, был красив, храбр и, несмотря на свою бедность, пользовался у земляков уважением. В возрасте восемнадцати лет он женился на дочери находившегося на службе у Генуэзской республики чиновника — Летиции Рамолино. Невесте было четырнадцать.

Наполеон стал вторым ребенком Карло и Летиции, рожденным, согласно легенде, в прихожей, на ковре с изображением античных фигур — почувствовав схватки, Летиция не успела добраться до спальни. Вторым сыном, ставшим любимчиком матери, рос забиякой. Впоследствии сам Наполеон вспоминал о своем детстве так: «Я не отступал ни перед чем, ничего не боялся, наводил страх на всех моих сверстников». Домашнее обучение его, ввиду бедности родителей, было самым минимальным. Одиннадцатилетний родственник (младший брат матери) выучил его грамоте, а старик-священник — катехизису.

Умная и красивая Летиция Бонапарт пользовалась вниманием французского генерала, графа де Марбефа. Граф покровительствовал всему семейству своей любовницы — помог ее мужу стать депутатом от Корсики при французском дворе, а через своего племянника, архиепископа Лионского, выхлопотал три стипендии для ее детей.

Так старший брат Наполеона, Жозеф, стал семинаристом, сам будущий император угодил в военное училище Бриенна, а одна из его младших сестер — в королевский пансион Сен-Сир.

«Характер Наполеона закалился в Бриеннском училище через великое испытание гордых, пылких и робких натур — столкновение с врагами-иноземцами», напишет впоследствии Бенвиль, один из биографов Бонапарта.

Постепенно корсиканский дикарь освоился, научился ладить с товарищами-французами и изрядно пообтесался под их влиянием. Учился он неровно — любил математику, историю, географию и литературу, но вот в латыни и грамматике успехами похвастаться не мог. Один из преподавателей охарактеризовал его так: «Гранит, подогреваемый вулканом». Что ж, может быть.

Пять лет учебы пролетели быстро. В 1784 году инспекция военных училищ направила Наполеона продолжать учебу в качестве артиллериста в парижскую военную школу.

Мать семейства Бонапарт — Летиция заботилась о благосостоянии семьи, используя влияние высокопоставленного любовника.

Надо ли говорить, что, попав в Париж, юный корсиканский кадет был поражен роскошью и великолепием этого прекрасного города, города, в котором воплотились мощь и величие Франции. Вероятно, именно тогда в его душе пробудилось честолюбие.

Впрочем, если честолюбие и пробудилось, то никак не сказалось на учебе — успехами в парижской школе он не выделялся. В 1785 году Наполеон сдал выпускной экзамен и был зачислен в артиллерию — отправился служить в чине младшего лейтенанта в полк де ла Фера.

«В списке отзывов преподавателей против его имени значится: «Корсиканец по нраву и национальности, этот молодой человек пойдет далеко, если обстоятельства будут тому благоприятствовать», - писал Стендаль.

В том же году Наполеон лишился отца — Карло Бонапарт в возрасте тридцати девяти лет скончался от рака желудка. Наполеон, которому после смерти отца приходилось рассчитывать только на себя, поторопился сдать экзамен на лейтенантский чин — первый, который дает право на получение жалованья.

Он стал лейтенантом в шестнадцать лет, что было весьма неплохо. Согласно французскому военному уставу того времени, будущий офицер должен был отслужить три месяца в строю. Бонапарт отслужил в качестве канонира, попутно научившись легко находить общий язык с солдатами в любой ситуации. Это умение пригодится ему не раз.

Честолюбивый лейтенант мечтал вернуться на родную Корсику и сделать там карьеру — военную, а если повезет, то и политическую. «Наполеон в первые годы службы делил свое время между лейтенантскими обязанностями и частым посещением родных. Он написал историю Корсики и послал ее в Марсель аббату Рейналю. Знаменитый историк одобрил сочинение молодого офицера и посоветовал ему напечатать эту книгу, добавив, что она сохранится в веках. Рассказывают еще, что Наполеон написал свой труд в форме докладной записки правительству; он представил ее по назначению, и, по-видимому, она пропала бесследно», - писал Стендаль.

Для того чтобы сводить концы с концами, несчастной вдове Летиции Бонапарт была нужна пенсия, хоть какая-нибудь, хоть самая небольшая. Хлопотать пришлось Наполеону как наиболее представительному из детей. Увы, все усилия оказались безрезультатными.

*Отец Наполеона,
Карло Бонапарт, происходил
из небогатого дворянского рода и
пользовался заслуженным
уважением у земляков.
Он умер в возрасте 39 лет.*

К этому времени относится первый любовный опыт Наполеона, описанный им собственноручно в небольшом рассказе. Приобщение молодого офицера к плотским радостям произошло по старой, как мир, схеме. В Пале-Рояле он встретил молодую проститутку, заговорил с ней и даже попытался наставить на путь истинный, но в результате отправился с ней в постель. Начало было положено...

Французская революция оставила лейтенанта Бонапарта равнодушным. В ту пору все события он мерил на один аршин — прикидывал, насколько они могут поспособствовать обретению независимости Корсикой. Он был и оставался корсиканцем до мозга костей, корсиканцем, рядившимся в личину француза. Пока Франция вела войну против всей Европы, лейтенант Бонапарт преспокойно жил на Корсике. Это была не его война.

Он принял участие в войне лишь в январе 1793 года, когда французские войска, усиленные корсиканскими добровольцами, предприняли попытку завоевать остров Сардинию, принадлежащий Савойскому дому. Наполеон в чине подполковника корсиканских добровольцев командовал артиллерией, состоящей всего-навсего из двух пушек и одной мортиры.

Первая кампания Наполеона оказалась неудачной и даже провальной из-за раздоров между французскими и корсиканскими

войсками. Из-за бунта корсиканских матросов Бонапарт, высадившийся на острове Сан-Стефано и обстреливавший оттуда противника, был вынужден бежать, бросив все три свои орудия.

Положение осложняется тем, что Бонапартам, обвиняемым в пособничестве французскому королю, пришлось бежать с Корсики. Летом 1793 года, после долгих скитаний, они, наконец, осели в Марселе.

Двадцатичетырехлетний Наполеон тяжело переживал крах своей корсиканской мечты. Подобно великим героям древности, из своих переживаний он вышел закаленным — сильным, безжалостным и беспринципным. Теперь у него больше нет идеалов, он уже не верит в справедливость, и ему нет дела до родины, столь неласково обошедшейся с его семейством. Он принимает решение служить революции, не разделяя ее идеалов, а лишь потому, что больше пока все равно служить некому.

Поначалу служба шла хорошо. Уже в марте 1794 года Наполеон стал начальником артиллерии Итальянской армии в генеральском чине. Затем Робеспьер был свергнут, террор закончился, а молодой генерал ненадолго угодил под арест.

В 1795 году генерала Бонапарта хотели послать из Италии в Вандею, но он отказался. Во-первых, его назначили в пехоту. Во-вторых, честолюбивый молодой генерал не желал покидать перспективную в смысле наград и карьеры так называемую «большую войну» в Италии ради небольшой гражданской войны в Вандее. В-третьих, генерал Бонапарт, отвергнутый сын Корсики, теперь считал себя французом и не хотел воевать против своих. И вообще, став генералом, Наполеон решил, что теперь он достаточно силен для того, чтобы выбирать свой путь самостоятельно.

В результате амбициозный генерал остался не у дел. Бедствовал, жил впроголодь, в отчаянии чуть было не завербовался в армию турецкого султана... В то время Бонапарт сошелся с восемнадцатилетней художницей-портретисткой по имени Сюзанна — очаровательной блондинкой и мастерицей на все руки. В маленькой комнатке девушки, располагавшейся на улице Сурдьер, было так тесно, что, навещая любовницу, Бонапарт вынужден был класть свою шпагу на стол, а неизменную треуголку — на горшок с водой.

Наполеон в возрасте 16 лет.

С Сюзанной у Бонапарта сложилось нечто вроде семьи. Девушка заботилась о своем кавалере - обстирывала и обшивала его, готовила к его приходу нехитрые блюда, преимущественно сосиски с вареным горохом, которые Наполеон очень любил.

Один из биографов Наполеона писал, что отношения с Сюзанной были большой удачей для будущего императора, в ту пору весьма стесненного в средствах. Благодаря хозяйственности Сюзанны, живя с ней вскладчину, он тратил за неделю ту же сумму, которую раньше расходовал на себя одного.

Казалось, что во Франции Наполеону Бонапарту больше не на что надеяться, но вскоре обстоятельства изменились к лучшему — на его личном небосклоне возшла звезда по имени Жозефина де Богарнэ.

Прекрасная креолка, вдова виконта де Богарнэ, смелого жерновами террора, она стала любовницей Барраса, председателя Конвента, сменившего на этом посту казненного Робеспьера. В один прекрасный день Жозефина Баррасу надоела (существует версия, что Баррас не пресытился прелестями Жозефины, а был попросту шокирован ее алчностью), и он решил сбить ее с рук. Сбить следовало галантно и без ненужных скандалов. Лучше всего — выдать замуж. Кандидатура подвернулась сразу

— опальный генерал Бонапарт.

Дело в том, что в октябре 1793 года члены роялисты, сторонники монархии, собрали сорокатысячную армию и пошли на Тюильри штурмовать Конвент.

Барраса назначили главнокомандующим Внутренней армией, но Баррас только казался бравым военачальником, дополняя это впечатление большой саблей, висевшей у него на боку. На деле он ничего не смыслил в военном искусстве и остро нуждался в толковом помощнике. Таким помощником стал опальный Бонапарт, получивший чин первого заместителя главнокомандующего.

Молодой командир эскадрона по имени Мюрат доставил Бонапарту артиллерию — пушки из Саблонского лагеря близ Нейи. Именно с помощью артиллерии Бонапарт, имевший в своем распоряжении всего восемь тысяч человек, разбил тридцатитысячную армию противника. Ему помогло и то, что неприятельские войска были разделены Сеной на две части.

Обрадованный Баррас поспешил утвердить Бонапарта в генеральском чине и поручил ему командование внутренней армией.

С благословения Барраса Наполеон принялся оказывать Жозефине, бывшей на шесть лет старше него (ей недавно исполнилось тридцать два), знаки внимания и вскоре стал своим человеком в ее доме на улице Шантерен.

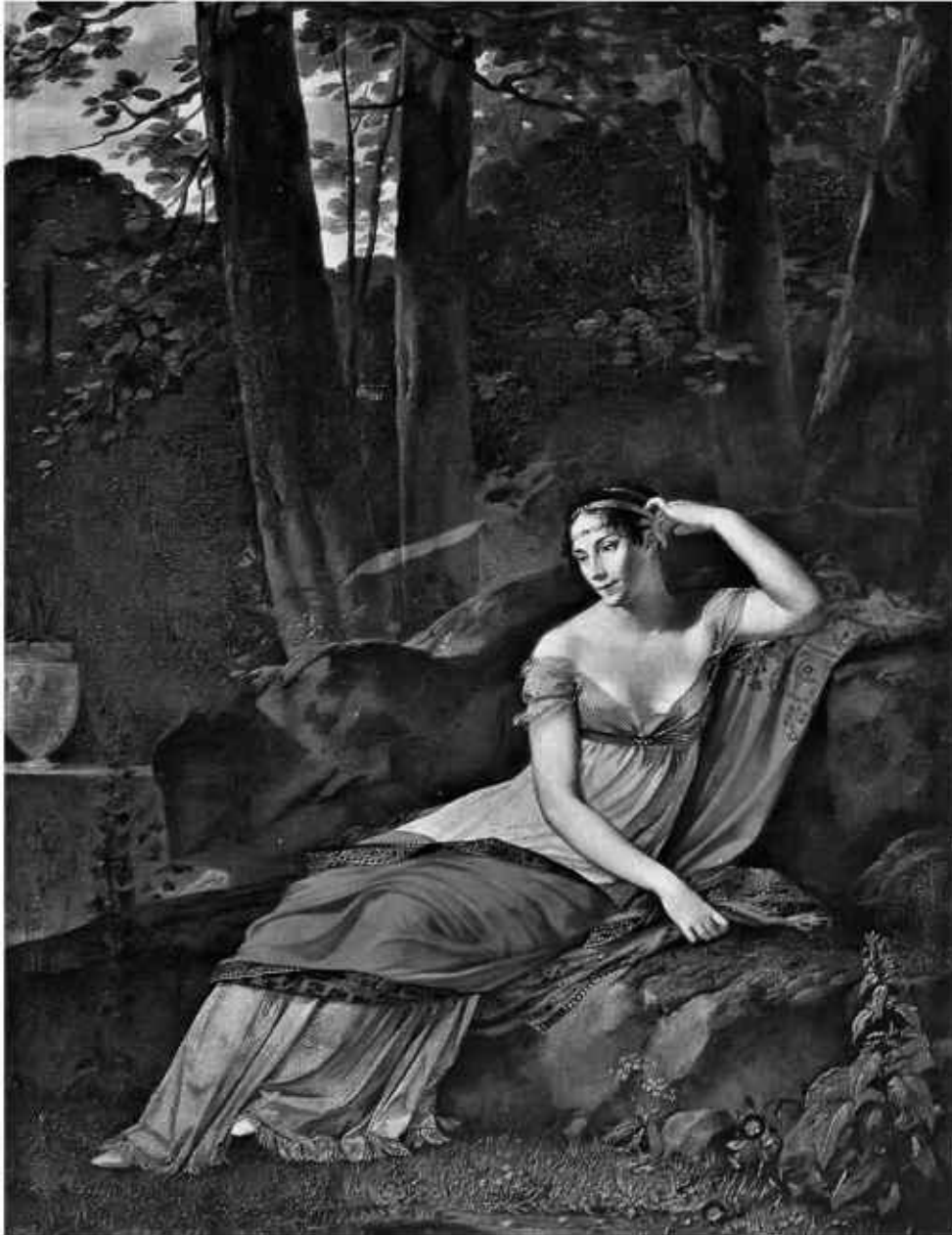
Чувственная и опытная аристократка без труда покорила Наполеона. Он влюбился, влюбился без памяти, и Баррас посоветовал ему жениться на Жозефине. Наполеон не противился — он хорошо понимал, что широкие связи Жозефины и покровительство Барраса помогут ему упрочить свое положение в обществе и сделать хорошую карьеру.

Вряд ли он подозревал, насколько хороша будет эта карьера...

Бракосочетание, на которое так рассчитывал Баррас, состоялось, и в качестве свадебного подарка молодожен получил от председателя Конвента назначение главнокомандующим Итальянской армией.

«Слишком долго было бы описывать деяния генерала Бонапарта на полях сражений — под Монтенотте, при Арколе, у Риволи. Об этих бессмертных победах надо рассказывать со всеми подробностями, которые дают понятие о том, насколько они сверхъестественны, — восторгался Стендаль своим кумиром. — Время, когда юная республика одерживает эти победы над древним деспотизмом, — великая, прекрасная эпоха для Европы; для Наполеона это самая чистая, самая блестящая пора его жизни.

За один год, располагая крохотной армией, испытывавшей недостаток во всем, он оттеснил немцев от средиземноморского побережья до гор Каринтии, рассеял и уничтожил все армии, которые австрийский царствующий дом посылал одну за другой в Италию, и даровал европейскому континенту мир. Ни один из полководцев древнего или нового мира не одержал столько великих побед в такой краткий срок, с такими ограниченными средствами и над такими могущественными противниками.

Прекрасная креолка, Жозефина де Богарне без труда покорила молодого генерала Бонапарта.

За один год молодой человек двадцати шести лет от роду затмил таких полководцев, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, Фридрих Великий».

Надо сказать, что Стендаль не очень-то и преувеличивал — Наполеон Бонапарт и впрямь был гением войны. Решительным, настойчивым, хитроумным гением. Он вникал во все детали, досконально изучал обстановку, взвешивал, прикидывал и в итоге наносил сокрушительный

удар там, где было надо, и тогда, когда следовало.

Новому командующему пришлось нелегко. В конце марта 1796 года, прибыв в Ниццу, он увидел разутую, раздетую и голодную сорокатысячную армию, жившую в ужасающей нищете, и вдобавок столкнулся со скрытым сопротивлением заслуженных генералов, недовольных тем, что над ними поставили главнокомандующим скороспелого корсиканского выскочку.

*Наполеон в Каире.
Картина
Ж. Л. Жерома.
1863 г.*

Выскочка быстро обломал старых вояк. Он держался с ними сурово и надменно, распекая за малейшую провинность, а вот с солдатами был прост и дружелюбен. «Солдаты, вы босы и голодны, — сказал он им. — Я хочу отвести вас в самые плодородные в мире долины. Богатые провинции, большие города будут в вашей власти. Вы обретете там честь, славу и богатство».

Солдаты воспрянули духом.

Новый главнокомандующий, доселе практически не имевший опыта командования целой армией, словно губка, впитывал военную премудрость, не стесняясь задавать вопросы. Очень скоро несколько побед над вражескими армиями открывают французам путь на Пьемонт и вынуждают короля Виктора-Амедея подписать перемирие.

В битве при Лоди 10 мая 1796 года главнокомандующий лично участвовал в сражении — шел на штурм неприятельских укреплений, чем окончательно и навсегда покорила сердца своих солдат.

Впоследствии Наполеон признается, что лишь после Лоди он понял — ему можно позволить себе любые амбиции.

Штрих к портрету — цитата из Стендаля: «На острове Эльба император... неоднократно предлагал лорду Эбрингтону задавать ему, не стесняясь, вопросы о событиях его жизни. Когда Эбрингтон, воспользовавшись этим разрешением, дошел до слухов об отравлении, Наполеон, нимало не смутившись, сразу ответил ему: «В этом есть доля правды. Несколько солдат моей армии заболело чумой; им оставалось жить меньше суток; надо было немедленно выступить в поход; я спросил Деженета, можно ли взять их с собой; он ответил, что это связано с риском распространить чуму в армии и к тому же не принесет никакой пользы людям, вылечить которых невозможно. Я велел ему прописать им сильную дозу опиума и прибавил, что это лучше, чем отдать их во власть турок. Он с большим достоинством возразил мне, что его дело - лечить людей, а не убивать их. Может быть, он был прав, хотя я просил его сделать для них только то, о чем сам попросил бы моих лучших друзей, окажись я в таком положении. Впоследствии я часто размышлял об этом случае с точки зрения морали, спрашивал у многих людей их мнение на этот счет, и мне думается, что, в сущности, все же лучше дать человеку закончить путь, назначенный ему судьбою, каков бы он ни был».

Наполеон на перевале Сен-Бернар. Картина Жак Луи Давида. 1800 г.

Росту популярности нового главнокомандующего способствовал и его своеобразный взгляд на войну как на неплохой способ набить свои собственные карманы. Начав командовать Итальянской армией, Наполеон укрепил дисциплину в ее рядах и разложил ее нравственно. Он поощрял самый неприкрытый, самый позорный грабеж как со стороны своих генералов, так и со стороны офицеров и солдат. Хваленое бескорыстие республиканских войск, сражавшихся, как считалось, за свободу, кануло в прошлое. Французские солдаты превратились в сплоченную, хорошо организованную и послушную армию грабителей и мародеров. Сам главнокомандующий тоже не брезговал чужим добром. Жозефина Бонапарт частенько наезжала в Геную, где, по слухам, разместила по надежным банкам то ли пять, то ли шесть миллионов франков. Наполеон наконец-то

сумел выбиться из нищеты — и стал полновластным хозяином богатой Ломбардии и не менее богатого Милана!

Он ни с кем не хотел делиться славой и доходами, угрожая отставкой всякий раз, когда ему предлагали разделить командование с кем-либо.

В браке, принесшем ему столько выгоды, Бонапарт оказался несчастным рогоносцем — ветренная и ненасытная до ласк Жозефина на каждом шагу изменяла ему. Наполеон страдал, засыпая Жозефину ворохом писем, в которых весьма красочно изливал свои чувства, но та лишь смеялась над несчастным мужем, которого угораздило влюбиться в собственную жену.

«Каждое мгновение удаляет меня от тебя, обожаемый друг, — писал Наполеон Жозефине, — и каждое мгновение все больше лишает меня сил быть вдали от тебя. Я думаю о тебе постоянно. Если в моем воображении ты предстаешь грустной, сердце мое разрывается от сочувствия тебе; если я воображаю тебя веселой, игривой, окруженной друзьями, я упрекаю тебя за то, что ты забыла нашу горестную трехдневную разлуку, и тогда я думаю, что ты легкомысленна и не способна на серьезное чувство.

Выходит, что я сам не знаю, какой хочу тебя видеть в разлуке со мной.

Пиши мне, нежный друг, длинные письма. Посылаю тебе тысячу и один нежный поцелуй».

Она уехала в Париж. Наполеон послал за ней Мюрата, которого Жозефина без труда затащила в свою постель, и там в перерывах между ласками любовники могли развлекаться чтением свежих писем Бонапарта:

«Я без тебя - ничто. Не могу понять, как я жил без тебя раньше... Все мои мысли привязаны к твоей спальне, к твоей постели, к твоему сердцу... Ты знаешь, что я не вынес бы, если бы у тебя был любовник... Если бы я узнал об этом, увидел его, я в тот же миг растерзал бы его сердце... а потом... быть может, посягнул бы и на твою священную для меня жизнь... Но нет, я не смог бы... но я сам ушел бы из жизни, в которой и сама добродетель способна на обман... Тысячу поцелуев твоим глазам, твоим губам, твоему язычку, твоей... О, помнишь ли ты сладостный сон, когда я, сбросив твои чулочки, твои шелка, прижимал тебя к груди так крепко, что ты вся целиком оказывалась внутри моего сердца? О, почему Природа не дает нам такой возможности? Как бы это было восхитительно...»

*В компании нового
любownika коварная
Жозефина развлекалась
чтением страстных
писем Наполеона.*

Итальянский триумф Наполеона в какой-то мере укрепил его брак. Неожиданно обретя в муже-генерале подлинного властелина, героя, правителя, Жозефина немного поумерила свой пыл и начала выказывать мужу больше любви.

Ставка Наполеона в замке Момбелло близ Милана походила на самый настоящий двор со своим распорядком, со всеми полагающимися атрибутами, с кучей придворных.

Наполеон имел все основания гордиться собой, но не желал успокаиваться на достигнутом и не намеревался почивать на лаврах. «То, что я сделал здесь, это пока пустяк, — признавался он. — Это всего лишь начало моей карьеры. Разве вы думаете, я достиг триумфа в Италии, чтобы возвеличить адвокатов Директории, Карно и Барраса?»

Теперь он мог позволить себе такие заявления — «адвокатам Директории» генерал Бонапарт, на деле ставший самодержавным правителем Италии, уже был не по зубам.

Оставаясь в Италии, Бонапарт выжидал удобного момента для возвращения в Париж. «Я бы хотел покинуть Итальянскую армию только в том случае, если смогу играть во Франции примерно такую же роль, как здесь, а такой момент еще не настал», — говорил он.

Наконец после почти двухлетнего пребывания в Италии генерал Бонапарт был призван в Париж, откуда вскоре отправился в Египет воевать с англичанами — Директории мешал чрезмерно популярный в народе и слишком властолюбивый генерал.

Англичане подложили Наполеону свинью, перехватив несколько его писем и опубликовав их в своей прессе. В числе них было письмо Наполеона к брату Жозефу, в котором генерал изливал душу священнику, жалуясь на неверность жены и скуку: «У меня много домашних огорчений, ибо пелена полностью спала. Один ты у меня остался на земле, и дружба твоя мне премного дорога. Чтобы возненавидеть человечество, мне осталось только потерять тебя, пережить твою измену... Я нуждаюсь в одиночестве и уединении, величие наводит на меня тоску, чувства иссохли, слава приелась, в двадцать девять лет я исчерпал все».

«Я исчерпал все...» Откуда такая безысходность, обреченность? Скорее всего, генерал Бонапарт кокетничал или же он написал письмо во время очередного приступа меланхолии, время от времени овладевавшей им.

В июле 1799 года Бонапарт самовольно решил вернуться во Францию. Фрегат, несущий его на борту, словно заколдованный, проскочил мимо многочисленных английских судов, патрулировавших Средиземное море.

Во Франции его встречают тепло и восторженно. Дни Директории сочтены, республика, по словам французского историка Ипполита Тэна, не успев выйти из детского возраста, начала страдать «старческим истощением. Никто не предпринимает усилий, чтобы ее свергнуть, но она, похоже, не имеет больше сил, дабы удержаться на ногах». Лишившаяся монархии и разуверившаяся в алчных до крови и денег республиканских вождях, Франция нуждается в новом лидере, причем большинство народа не желает ни реставрации Бурбонов, ни тем более нового Террора.

*Гортензия Богарне,
дочь Жозефины
и любовница Бонапарта.*

Будущая королева Швеции, падчерица Наполеона Гортензия де

Богарнэ (тоже, кстати говоря, бывшая любовницей своего отчима) писала: «Генерал Бонапарт высадился во Фрежюсе в момент, когда никто его не ожидал. Его встретили с энтузиазмом, горожане ринулись к фрегату, поднялись на борт, и толпа заполнила корабль, не думая об установлениях карантина. Франция той эпохи была несчастна и раскрыла свои объятия тому, кто мог ее спасти. К нему были обращены все надежды. Я выехала с матерью, чтобы встретить его. Мы пересекли Францию, и в каждом городе, в каждой деревне видели триумфальные арки, воздвигнутые в честь его прибытия. Когда мы меняли лошадей, толпа окружала нашу карету, и люди спрашивали, действительно ли прибыл спаситель, — вся страна тогда называла его так. Потеря Италии, нищета народа считались результатом правления бессильной и малоумной Директории, и в возвращении Бонапарта французы видели Божью милость».

Амбициозный корсиканец почувствовал запах победы, витающий в воздухе, и принялся готовить государственный переворот. Ради упрочения своего положения он первым пошел на примирение с женой, которой совсем недавно запретил приближаться к нему.

Изменница Жозефина по-прежнему находится в хороших отношениях как с Баррасом, так и с множеством прочих влиятельных людей. Такой шанс упускать нельзя.

К тому времени Наполеон Бонапарт давно уже перестал хранить супружескую верность Жозефине. В Египте он не только пользовался за деньги любовью местных женщин, но и завел постоянную метрессу, некую Полину Фурье, жену лейтенанта. Обольстительной Полине было всего двадцать лет, но в искусстве любви она могла дать фору и самой Жозефине.

Родилась Полина в Каркассоне, во Франции. Отец ее принадлежал к светскому обществу, а мать была не то горничной, не то кухаркой. Девушка получила некоторое самое минимальное образование, выучилась шить и стала портнихой-надомницей. Полина по праву считалась не только самой красивой девушкой Каркассона, но и самой добродетельной, а понятие добродетели в патриархальном Каркассоне чего-то значило и во времена республиканских свобод.

Чтобы сподручнее было развлекаться с Полиной, очень быстро уступившей ему, несмотря на свою добродетель, Бонапарт услал ее мужа с поручением в Париж. Однако корабль, на котором плыл посол, перехватили англичане, и бедняге Фурье пришлось вернуться в Каир ни с чем и раньше положенного.

Явившись домой, он с великим удивлением нашел свое семейное гнездо пустым — вся мебель исчезла вместе с вещами жены. Товарищи

ввели Фурье в курс дела, он взял хлыст и направился ко дворцу Биркетэль-Ратль, где жил Бонапарт.

Как и ожидалось, он нашел там Полину. Нашел совершенно обнаженной, нежившейся в ванне. Крепкой рукой Фурье схватил неверную жену за волосы и отхлестал до крови. Он, должно быть, засек бы ее насмерть, если бы не слуги, прибежавшие на вопли Полины.

Бонапарт, узнав о происшествии, немедленно навестил избитую любовницу. Полина требовала арестовать Фурье, но Бонапарт благоразумно пропустил ее слова мимо ушей. Правда, он посочувствовал ей и посоветовал подать на развод.

Он жаждал реванша, жаждал мести. Для поднятия престижа — прежде всего в своих собственных глазах — Наполеону было необходимо, чтобы весь мир (и в первую очередь Жозефина) узнали о том, что у него есть любовница, да еще какая — самая прекрасная из француженок, живших в Египте. Его можно было понять — репутация обольстительного ловеласа имеет куда больший вес, чем шутовская слава обманутого мужа.

Стоило Полине получить развод, как Бонапарт принялся демонстрировать ее всюду, где только было можно. Вскоре арабы прозвали Полину «Сетг эль султан кабир» — «Дама великого султана», а французские солдаты — «нашей генеральшей».

Выезды в свет обставлялись торжественно, даже на прогулках Полину сопровождал шикарный воинский эскорт, состоявший из офицеров под командой дежурного адъютанта.

Однажды мстительный Наполеон устроил так, чтобы дежурным адъютантом оказался его пасынок, сын Жозефины от первого мужа, Евгений Богарнэ. На его глазах Бонапарту вдвойне сладостно было усадить Полину к себе на колени и осыпать ласками.

Одно время Бонапарт страстно желал ребенка от Полины, обещая даже жениться на ней, если она родит ему сына или дочь. Но Полина, несмотря на все старания и ухищрения, так и не смогла забеременеть. Постепенно Бонапарт остыл к ней и, отбывая во Францию, отказался взять ее с собой. Как видно, не зря: наличие рядом любовницы, несомненно, затруднило бы его примирение с Жозефиной.

Еще перед отбытием в Италию Бонапарт получил письмо от Дезире Клари, девушки из Марселя, с которой у него когда-то был роман, чуть было не закончившийся женитьбой. «Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, но я прощаю Вас... — писала Дезире. — Вы говорили, что меня любите, а теперь Вы женаты! Нет, я не могу свыкнуться с этой мыслью. Она меня убивает... Я Вам желаю самого полного счастья и процветания в

Вашем браке; я надеюсь, что женщина, которую Вы избрали, сделает Вас таким счастливым, как Вы того заслуживаете...»

Дезире предстояло сыграть большую роль в жизни Бонапарта, точнее — в его молниеносном вознесении к вершине власти. В 1798 года она вышла замуж за генерала Бернадотта, якобинца и зануду. Дезире искренне полюбила мужа, но и не позабыла человека, с которым несколько лет назад обменялась клятвами вечной любви. Родив в июле 1799 года сына, Дезире отправила Бонапарту письмо с просьбой стать крестным отцом ее ребенка. Бонапарт отказался, но посоветовал дать ребенку имя «Оскар», что и было исполнено.

Битва у пирамид. Картина А.-Ж. Гро.

Когда Бонапарт вернулся из Египта, Дезире стала его верной сторонницей. Способствовало этому и то, что ее сестра Жюли была женой Жозефа Бонапарта, брата Наполеона.

Сперва Дезире превратила мужа из ярого, активного врага Бонапарта во врага, сохраняющего нейтралитет (в свое время Бернадотт служил в итальянской армии под командованием Бонапарта — не отсюда ли пошла неприязнь?). Затем она начала передавать Наполеону ценнейшую информацию о планах его противников. Информацию Дезире искусно выуживала из своего простодушного супруга или попросту подслушивала разговоры, которые тот вел со своими гостями-якобинцами. Можно сказать, что Дезире за руку привела Бонапарта к власти.

Бонапарт отблагодарил чету Бернадотт. Он сделал Бернадотта

маршалом Империи, главой восьмой когорты Почетного легиона, председателем избирательной коллегии департамента Воклюз, кавалером ордена Черного Орла. Кроме того, он сделал его собственником ежегодного дохода в триста тысяч франков, пожаловал ему самостоятельное княжество Понтекорво, простил множество военных ошибок (полководцем маршал Бернадотт, надо признать, был никудышным) и даже участие в роялистском заговоре.

«Если Бернадотт был французским маршалом, князем Понтекорво и королем, то причина этому - его брак, - сказал однажды Наполеон. - Все его ошибки за время Империи были прощены ему благодаря этому браку».

Маленький корсиканец определенно умел быть благодарным!

Бонапарту не пришлось брать власть силой — переворот больше напоминал опереточный фарс, в результате чего вместо отправленных (или ушедших) в отставку членов Директории были назначены три консула, одним из которых стал Наполеон Бонапарт. Он овладел Францией походя, так, как порой овладевал женщинами — не отцепив шпаги и не снимая треуголки.

На следующий день кондитеры начали продавать в своих лавках сахарных Бонапартов с надписью: «Франция обязана ему победой; а будет обязана миром». Народ принял своего лидера, даже не представляя, в какую пропасть войн и горя увлечет Францию этот маленький генерал.

Бонапарт с удовольствием окунулся во власть. Он учился править «на ходу», также, как учился командовать армией. Наполеон Бонапарт жил настоящим, не строя далеко идущих планов. Таково было требование изменчивого беспокойного времени. «Революция, — говорил Наполеон, — должна научить ничего не планировать».

Одна-единственная задача стояла перед ним — стать первым лицом в государстве. Ему хотелось послать к чертям все эти представительные органы вместе с конституцией, но он понимал, что время для столь решительного шага еще не пришло. «Власть должна исходить сверху, доверие — снизу», — любил повторять Бонапарт.

Была создана должность Первого Консула, главы исполнительной власти, которым, как и следовало ожидать, стал Бонапарт. Консульская республика, где один человек, избираемый на десять лет, управлял страной, назначал и отзывал сановников, полководцев, судей, являлась, по сути дела, монархией, единоличной диктатурой, завуалированной под республику.

От прочих диктатур она отличалась лишь тем, что ее принципы были утверждены при одобрении народа Франции — во время плебисцита,

состоявшегося в феврале 1800 года, из трех миллионов голосовавших против было подано всего полторы тысячи голосов.

Прежде всего, он завоевал признательность французов, народа экономного, если не сказать — скуповатого, тем, что упорядочил финансы — создал Французский банк и стабилизировал национальную валюту.

Затем он занялся прессой, оставив всего тринадцать газет, которые были предупреждены о том, что вслед за публикацией «статей, направленных против общественного согласия, народного суверенитета и славы оружия» их ожидает немедленное закрытие.

Бонапарт не стал бы настоящим, подлинным тираном, если бы не ввел полную централизацию административной власти. Префекты, супрефекты и мэры назначались правительством, полностью подконтрольным Первому консулу.

Он был осторожен, здравомыслящ и никогда не успокаивался, не почивал на лаврах. Своему секретарю Бурьену Бонапарт говорил: «Бурьен, оказаться в Тюильри — это еще не все, надо здесь остаться». Он лучше других сознавал, что неожиданный, скоропалительный взлет его карьеры по воле случая может обернуться еще более неожиданным падением. И он знал главный секрет власти — чтобы удержаться на ее вершине, надо нравиться подданным. «Моя политика — править людьми так, как большинство хочет, чтобы ими правили. Именно таким образом, на мой взгляд, признается верховная власть народа», — цинично признавался Бонапарт.

Истерзанная и обескровленная Франция в первую очередь ждала от своего Первого консула мира — как внешнего, так и внутреннего. Наполеон не раздумывая обещал французам мир, заявляя: «Пока я жив, во Франции будет мир. Через два года после моей смерти она будет воевать со всем миром».

И впрямь — всего через несколько дней после своего утверждения в должности Первого консула Наполеон Бонапарт обратился с предложением мира к правительствам всех стран Европы. Увы, лишь Россия и Пруссия пожелали мира с Францией. Англия и Австрия жаждали реванша. Австрия не хотела уступать Италию, а Англия не собиралась признавать аннексии, осуществленные Францией.

Путь к миру снова лежал через войну. Предвкушая новые победы, Бонапарт принялся за разработку плана военной кампании.

В это время до него добралась Полина Фурье. Узнав о стремительном карьерном взлете своего бывшего возлюбленного, она пожелала восстановить былую дружбу, явно намереваясь занять в Люксембургском

дворце место Жозефины. Вначале Полина попробовала действовать через своих старых знакомых по Египту, входивших теперь в окружение Первого консула, но потерпела неудачу. Категоричнее всех выразился Мюрат, сказавший Полине: «Первый консул не нуждается в шлюхах!»

Наконец на уговоры (по слухам, щедро подкрепленные любовными ласками) поддался некий Дюрок, бывший первым адъютантом Бонапарта. Он согласился передать Первому консулу письмо от Полины.

Письмо было трогательным и дышало любовью — Полина уверяла Бонапарта, что покинула Египет только для того, чтобы увидеться с ним. Хотя бы на миг, хотя бы один-единственный раз.

Бонапарт отказался встречаться с Полиной, сославшись на то, что новое положение обязывает его блюсти приличия. Отказом он не ограничился — приказал Полине немедленно уехать из Парижа и снять домик в провинции, выдав ей на расходы шестьдесят тысяч франков.

Полине пришлось повиноваться. Она сняла небольшой особнячок в Бельвиле, откуда часто наезжала в Париж, пытаясь подкараулить Бонапарта на балах и в театрах, но тому удавалось уклоняться от встреч. Недостаток внимания компенсировался деньгами — время от времени Полина получала неплохие суммы, которых с лихвой хватало на довольно роскошную жизнь.

Вскоре к ней явился раскаявшийся Фурье, вдруг возжелавший возобновить супружескую жизнь на том основании, что их египетский развод так и не был утвержден французским судом.

Узнав об этом, Бонапарт, испугавшийся того, что старый скандал может разгореться по новой, приказал Полине в течение месяца выйти замуж. Полина, не страдавшая от недостатка мужского внимания, выбрала себе в мужа некоего шевалье де Раншу. Первый консул преподнес им в качестве свадебного подарка назначение мужа вице-консулом в испанский Сантандер, галантно сплавив неугомонную Полину подальше от Парижа.

Став Первым консулом, Наполеон продолжал изменять Жозефине, не обходя вниманием и ее саму, но уже не вел себя столь скандально и по-мальчишески, как в случае с Полиной Фурье. Не сильно скрывая свои амурные связи, он тем не менее не выставлял их напоказ.

Бонапарт никогда не скрывал своих амурных походов, но и никогда не выставлял их напоказ.

К числу наиболее известных его любовниц времен консульства относится в первую очередь итальянская певица Грассини, считавшаяся одной из красивейших женщин Европы. Влюбленный Бонапарт снял для нее особняк на улице Комартен и завел обычай навещать ее инкогнито чуть ли не каждую ночь. Он тайно крался к любимой по ночным улицам Парижа, завернутый в широкий плащ, чтобы не быть узнанным, и сопровождаемый всего одним лакеем — в глубине души Наполеон остался романтиком.

Льстецы, окружавшие Бонапарта (подобно всем пылким натурам он был чрезмерно падок на лесть), называли Грассини то «Венерой демократии», а то и «воплощением французской революции в вокальном выражении». Воплощение было что надо — помимо очаровательного личика, природа наградила Грассини роскошнейшими даже в итальянском понимании формами.

Помимо огромных гонораров, певица получала от Бонапарта «на булавки» ежемесячно двадцать тысяч франков, упивалась славой, наслаждалась любовью первого человека в государстве и вращалась в самых высоких кругах. Счастье вскружило ей голову — Грассини сочла свое влияние на Бонапарта настолько большим, что обзавелась любовником, одним довольно известным скрипачом по фамилии Род, которого принимала у себя в промежутках между визитами Первого консула.

Начальник тайной полиции Фуше донес Бонапарту о том, что любовница его обманывает. Спустя неделю Грассини, лишившаяся разом

всех контрактов, в сопровождении своего любовника-скрипача навсегда покинула Париж.

Наполеон был щедрым любовником. Собственно говоря, в том не было его личной заслуги, ведь по любовным счетам своего лидера расплачивалась Франция. Так, например, недолгая связь Бонапарта с Лаурой Жюно, супругой бригадного генерала Жюно, принесла последнему награду в тридцать миллионов франков, чин генерала дивизии и особое ежегодное жалованье в семьдесят пять миллионов франков.

Прелестная Грассини пробудила у Бонапарта вкус к актрисам. Если его роман с молоденькой актрисой Итальянского театра Луизой Роландо был недолгим (Жозефина ни с того ни с сего взревновала и закатила супругу жуткий скандал), то юная актриса мадемуазель Жорж (как и большинство любовниц Наполеона, обладавшая роскошными формами) пользовалась расположением Первого консула достаточно долгое время.

Жорж оставила довольно пикантные воспоминания о своей связи с Бонапартом. «Я трепетала от волнения, не осмеливалась сослаться на стыдливость, — писала она, — ведь я пришла к нему по своей воле. Я изнемогала от его нежности, но он был так деликатен, так боялся оскорбить стыдливые эмоции юной девушки, что не хотел принудить меня уступить ему, желая пробудить нежное чувство без насилия. И это чувство пробудилось в моем сердце, которое забилося столь сильно, давая мне понять, что я оказалась в плену у любви. Я любила этого великого человека, который был со мной столь деликатен, что сдерживал свои желания, уступая моей девичьей воле, подчиняясь моим капризам... Одну за другой он снимал с меня одежды, изображая горничную с такой веселостью, так изящно и деликатно, что нельзя было устоять. Этот человек манил и очаровывал, он снизошел до того, что, желая угодить мне, превратился в шаловливого ребенка. Передо мной был не консул, а влюбленный, совершенно чуждый грубости и насилия, который обнимал столь нежно, а уговаривал столь настойчиво и деликатно, что его страсть передалась мне...»

Трудно поверить, что Бонапарт овладел юной девой только на третьем свидании. Известно, что в любви, как и в жизни, Наполеон был весьма нетерпелив и несдержан. Своих дам он покорял покавалерийски, «с наскоку», брал их штурмом, не будучи расположен к длительному ухаживанию и долгим уговорам.

И уж совершенно нельзя верить в то, что, как пишет мадемуазель Жорж, Бонапарт «был так добр, что вместе со мной расправил простыни на

ложе нашего недавнего сладкого забвения и нежности...», и тому, что «он помогал мне убирать ночной беспорядок постели, помогал моему туалету, даже причесывал меня, поднимая с пола разбросанные в нетерпении заколки для волос и помогая их прилаживать».

Связь Бонапарта и Жоржины (так ласково-уменьшительно прозвали ее парижане), несмотря на все предосторожности, вскоре стала известна публике. Появилось множество скабрёзных куплетов о «Дядюшке Барнабе» (одно из прозвищ Бонапарта) и «чаровнице Жорж». Однажды во Французском театре, когда м-ль Жорж, игравшая в трагедии «Цинна», произнесла: «Если Цинну я оболещу, подобно тому, как многих других оболещала...», зрители дружно вскочили на ноги и, повернувшись к ложе, в которой сидел Бонапарт, принялись бурно аплодировать.

Бонапарт был не только напористым и неутомимым, но и весьма изобретательным любовником. Он мог играть с мадемуазель Жорж в прятки, мог переодеваться в ее платье, мог в качестве прелюдии к акту любви устроить вместе с Жоржиной маленькое представление.

«Я приезжаю вечером в Тюильри. Констан говорит мне: «Консул уже поднялся наверх, он Вас ждет». Я поднимаюсь наверх. Никого нет. Прохожу через все комнаты. Никого нет. Зову. Никто не отзывается. Звоню Констану:

— Быть может, консул спустился вниз?

— Нет, мадам, поищите как следует.

Он украдкой указывает мне глазами на дверь будуара, где я уже была и никого не обнаружила. Я вхожу туда снова и нахожу Бонапарта, спрятавшегося под подушками и заливающегося смехом, словно малое дитя».

И еще один отрывок из воспоминаний Жоржины: «У меня был венок из белых роз. Первый консул, у которого в этот вечер было очаровательное, чисто мальчишеское настроение, надел этот венок и, обернувшись ко мне, игриво поинтересовался:

— — Правда, Жоржина, я прекрасен в этом веночке? Похож на муху в молоке!»

Длительная связь Первого консула с Жоржиной закончилась неожиданно и даже немного трагично. Однажды, лаская Жоржину в Тюильри, Первый консул неожиданно потерял сознание прямо в объятиях актрисы. Не то от переутомления, не то это был припадок эпилепсии. Мадемуазель Жорж запаниковала и подняла шум, отголоски которого донеслись до Жозефины.

Первым, что увидел Наполеон, придя в себя, были супруга и

любовница, стоявшие у его изголовья. Эта картина привела его в столь сильную ярость, что он снова лишился чувств.

Жоржина получила отставку — Бонапарт не простил ей того, что она невольно выставила его на посмешище.

После пышной Жоржины Бонапарт вдруг воспылал чувствами к худой (если не сказать — костлявой) актрисе из той же труппы «Комеди Франсез» Катерине-Жозефине Раффен, выступавшей на сцене под псевдонимом Дюшенуа.

Однажды вечером Бонапарт пригласил мадемуазель Дюшенуа к себе. Актриса с радостью согласилась, приделась понаряднее и, соблазнительная донельзя, отправилась к Первому консулу. Но тот, увлекшись государственными делами (или попросту передумав), заставил ее провести много времени в ожидании, после чего, так и не допустив до себя, приказал отправить обратно... Любовь закончилась, не начавшись.

У своего министра внутренних дел, известного химика Шапталя, Бонапарт в открытую отбил содержанку, актрису Французского театра по фамилии Бургуан. Оскорбленный Шапталъ подал в отставку, которую Первый консул тут же принял, принеся в жертву своей похоти ценного и компетентного сотрудника.

Мадемуазель Бургуан, вульгарная и грубоватая в любви, сумела надоесть Наполеону всего за две недели. Расставшись с ней, Первый консул снова приблизил к себе Жоржину...

2 декабря 1804 года Бонапарт стал императором французов Наполеоном I, короновавшись в Соборе Парижской Богоматери. Отныне его власть стала пожизненной и наследственной. Новоявленный император поклялся на Евангелии охранять свободу, равенство, собственность на приобретенное государственное имущество, территориальную целостность Франции, пообещав не уступать никому Бельгию и рейнские департаменты.

Аллегория Братиславского мира. Картина Андреа Аппиани. 1805 г.

Наполеон I завел у себя пышный двор, церемониал, начал налево и направо раздавать дворянские титулы и маршальские звания. За восемь лет Наполеон создал четырех принцев, три десятка герцогов, почти четыре сотни графов и более тысячи баронов. Учрежденный им орден Почетного легиона жив и по сей день.

Для того чтобы рассказать обо всех любовницах Наполеона, надо написать толстую книгу, и, может быть, даже и не одну. Мы остановимся лишь на самых известных...

Император Наполеон I был гораздо менее щедр, нежели Первый консул Бонапарт, ведь теперь государственная казна практически стала его собственной. Так, влюбившись в статс-даму мадам де Водей, обладавшую не только весьма красивой внешностью, но и блестящим умом, прелестным голосом и бойким пером, Наполеон уже на третьем свидании отказался от развития романа, так как алчная мадам де Водей всякий раз клянчила у него солидные суммы денег. «Встречи с вами — слишком дорогое удовольствие», — заявил любовнице Наполеон.

Если же женщина была умеренной в своих требованиях и умела держать язык за зубами, то она могла смело рассчитывать на заботу и покровительство Наполеона. Однажды император увлекся двадцатилетней

лектрисой (так называлась женщина, профессионально занимающаяся чтением вслух) Анной Рош де ла Кост, изящной и остроумной блондинкой. Он был вынужден удалить ее от себя по настоянию Жозефины, устроившей ему очередную сцену ревности (виноват в том был сам Наполеон, демонстративно даривший новой любовнице драгоценности). Наполеон не забыл Анну, лишившуюся по его вине места при императорском дворе, и вскоре выдал ее замуж за богатого финансиста.

Со временем поведение Жозефины начало тяготить Наполеона. Неразборчивая в связях и необузданная в желаниях, она тем не менее была патологически ревнива и закатывала венценосному супругу громкие скандалы по любому поводу. Еще до коронации, после очередной бурной сцены ревности, Бонапарт заявил Жозефине, что намерен развестись с ней, но Жозефина умолила его не делать этого, пообещав более не досаждать ему, и, разумеется, не сдержала своего обещания.

Прелестная брюнетка Элеонора Денюэль де ла Плэнь, жена драгунского капитана, постаралась обратить на себя внимание Наполеона для того, чтобы вызволить попавшего в тюрьму мужа, осужденного уголовным судом на два года заключения за подделку документа, и добилась своего. Правда, впоследствии она признавалась, что как любовник Наполеон не пробуждал в ней страсти.

Дело доходило до того, что, улучив момент во время любовных ласк, Элеонора старалась передвинуть ногой большую стрелку настенных часов, висевших в алькове императора, чтобы сократить время свидания (вечно спешащий Наполеон имел привычку то и дело смотреть на часы). Увидев, что время, отпущенное им самим на свидание, истекло, Наполеон вскакивал с ложа любви, торопливо одевался и уходил.

Но тем не менее Элеонора вскоре забеременела. Узнав об этом, Наполеон обезумел от радости и тотчас же поселил ее в прекрасном особняке на улице Виктуар. При дворе заговорили о предстоящем разводе императора с Жозефиной.

Эти слухи подогревались тем, что Наполеон распорядился ускорить развод Элеоноры с ее мужем, все еще находившемся в тюрьме. Муж поначалу воспротивился, но ему разъяснили, чьей любовницей стала его жена. Тогда он потребовал освобождения из тюрьмы, отказавшись обсуждать условия развода в заключении. В ответ ему пригрозили ссылкой во Французскую Гвиану, и он был вынужден согласиться на развод.

Наполеон, к тому времени одержавший множество блистательных побед над внешними врагами, был занят тем, что перекраивал Европу на

свой лад.

Известие о том, что у Элеоноры на две недели раньше срока родился мальчик, застигло Наполеона в Польше, куда он явился в качестве освободителя. Ребенок, названный Леоном, был записан в мэрии сыном неизвестного отца. Вот что писал в своих мемуарах бывший муж Элеоноры Жан-Франсуа-Оноре Ревель: «После рождения Леона власть Элеоноры стала безграничной. Бонапарт безоговорочно выполнял все ее желания. Выучка мадам Кампан дала себя знать в решении Элеоноры отделаться от матери (**Мадам ла Плэнь, мать Элеоноры, была женщиной легкого поведения. — А. Ш.**). Мадам ла Плэнь была арестована и посажена в тюрьму Магделоннет. Потом, по приказу министра полиции, ее должны были депортировать. Элеонора царила во всем, и если бы не сопротивление со стороны семьи Бонапартов, император разделил бы с ней корону».

Акции Жозефины обесценились вконец.

Наполеон обожал своего сына Леона и даже собирался признать его своим законным наследником, хоть и отказался от этого намерения, испугавшись скандала.

Элеонору вытеснила из сердца Наполеона польская красавица Мария Валевская. Дочь знатного, но обедневшего шляхтича Матвея Лончиньского, семнадцатилетняя Мария была против воли выдана своей рано овдовевшей матерью за шестидесятилетнего графа Анастаса Колонна-Валевского, владельца крупного поместья, сын которого был на девять лет старше Марии. Она настолько ненавидела своего мужа, что впервые разделила с ним ложе лишь на третьем году супружеской жизни.

Вначале Мария не собиралась отвечать Наполеону взаимностью, но в конце концов поддалась на уговоры знатных вельмож Польши — уступить домогательствам французского императора, назначив платой за свою любовь полную независимость родины.

Жозефина лишилась императорской короны, потому что так и не смогла подарить мужу наследника.

«Глаза его метали молнии, - вспоминала Мария Валуевская свое первое любовное свидание с Наполеоном, — мне казалось, что я вижу страшный сон и тщетно пытаюсь пробудиться. Я намеревалась встать, но его ужасный взгляд приковал меня к месту, я закрыла глаза и съежилась в углу кушетки, в моих ушах отдавался стук его каблуков... Вдруг я почувствовала, что поднимаюсь в воздух. «Ну, сейчас я проснусь», — подумала я облегченно. Но вместо того некая сила сжала меня так, что я задохнулась...» Мария потеряла сознание, а Наполеон не преминул этим воспользоваться.

Свое политическое обещание Наполеон выполнил лишь отчасти,

создав в июле 1807 года Великое герцогство Варшавское.

Мария родила Наполеону сына, которому было пожаловано графское звание.

Настал день, и Мария получила отставку. Вначале Наполеон, сославшись на неотложные дела, отослал ее на родину, а затем в письме дал понять, что между ними все кончено. После смерти своего официального мужа (Наполеон тогда уже был сослан на Святую Елену) Мария вышла замуж за его кузена, но во втором браке прожила недолго.

Заимев нескольких незаконных сыновей, император продолжал мечтать о законном наследнике. Эти мечты и послужили главной причиной его развода с Жозефиной, состоявшегося в декабре 1809 года. В утешение Жозефина получила Елисейский дворец, дворец Мальмезон, Наваррский замок, три миллиона франков годового содержания, охрану и небольшой штат придворных, оплачиваемых из императорской казны.

Наполеон сохранил с ней дружеские отношения и порой даже не прочь был разделить ложе с бывшей женой. О его теплом, несмотря на развод, отношении к Жозефине свидетельствует письмо, написанное им после посещения ее вскоре после развода: «Мой друг, я нашел тебя сегодня такой слабой, какой тебе не подобает быть. Ты проявила мужество, ты должна сохранять его. Ты не должна впадать в меланхолию. Будь спокойной, следи за своим здоровьем, таким драгоценным для меня. Если ты по-прежнему питаешь ко мне привязанность, если ты меня любишь — сохраняй силу духа.

Не сомневайся в моей вечной нежной дружбе; ты плохо знаешь меня, если думаешь, что я могу быть счастливым, когда ты несчастлива, довольным, когда в твоей душе нет покоя. Прощай, мой друг, хорошего сна тебе...»

Наконец-то обретя долгожданную свободу, Наполеон начал подыскивать себе невесту королевских кровей. Поиски были долгими, ибо французский император искал не только выгодную, но и, по возможности, красивую партию. Австрийский император Франц I предложил ему в жены свою старшую дочь Марию-Луизу. Ту самую Марию-Луизу, которая писала одной из своих подруг из Будапешта: «Буда очень похожа на Вену, и здесь ни о чем другом не говорят, кроме как о разводе Наполеона. Я на эти разговоры не обращаю внимания, поскольку меня это не касается. Мне только жаль бедную принцессу, которая станет его женой. Что до меня, я совершенно уверена, что политической жертвой не буду. Молва в качестве претенденток называет дочь герцога Максимилиана Саксонского и

принцессу Пармскую».

Наполеон принял предложение, и 11 марта 1810 года в Вене, в соборе Святого Стефана, состоялась церемония бракосочетания, на которой отсутствующего из-за занятости жениха представляли маршал Бертье и эрцгерцог Карл.

Мария-Луиза была белокурой, пышущей здоровьем, крепкой девушкой. В целом она понравилась Наполеону, увидевшему ее вживую лишь после свадьбы.

*Мария-Луиза, старшая дочь
австрийского императора,
родила Наполеону сына.*

А больше всего Наполеона поразило то, что его избранница оказалась девственницей.

Познав радости плотской любви, Мария-Луиза нашла их столь сладостными, что в скором времени превратилась в завязтую нимфоманку. «Пользуясь его страстным желанием иметь сына, Мария-Луиза очень скоро довела его до того, — вспоминал врач императора доктор Пассар, - что этот вполне здоровый мужчина сорока одного года почти все время находился в состоянии сексуального возбуждения. Застигнутый приапизмом в тот момент своей жизни, когда ему необходима была упорядоченность чувств и трезвость мысли, чтобы с подобающим величием завершить предначертанное ему судьбой, Наполеон стал марионеткой, и каждая проходившая мимо женщина вызывала у него безудержное половое

влечение».

Историк Александр Маан высказался о юной жене императора Франции куда резче: «Будь она Цирцеей или злой феей, посланной, чтобы освободить Европу от поработившего ее тирана и отомстить за смерть Марии-Антуанетты, ничего лучшего она не могла бы придумать.

Играя на его слабых струнах и, в частности, используя его страсть к прекрасному полу, до того его ослепляющую, что он не замечает, как оказывается во власти своей возлюбленной, Мария-Луиза выбрала самый верный способ превратить Наполеона в развалину. Из-за своей самоуверенности он часто попадает впросак. Так, невзирая на последствия, он не может устоять перед женщиной знатного и в особенности королевского рода. Ей ничего не стоит покорить его сердце и, пустив в ход все свое очарование и даже магию титула, целиком завладеть им, создав ему при этом массу сложностей. Ради нее он мог лишиться друзей и без нужды еще больше озлобить врагов. Разнежившись в ее объятиях, он проснется однажды и воскликнет: «Весь мир против меня!»

Говорили, что отец Марии-Луизы дал дочери тайное поручение известить Наполеона, ненавистного австрийскому императорскому дому, но эти слухи не имеют подтверждения.

Мария-Луиза неожиданно для всех полностью подчинила императора. Наполеон был от нее без ума и все свободное время проводил с нею.

«Если бы Франция знала все достоинства этой женщины, — говорил Наполеон о Марии-Луизе, — то она упала бы перед ней на колени».

В положенное время Мария-Луиза родила Наполеону сына, долгожданного наследника принца Евгения. Обрадованный Наполеон торжественно провозгласил Марию-Луизу регентшей Империи.

На пике славы наступил крах. Неудачная российская кампания стала началом конца Наполеона Бонапарта. «История Наполеона напоминает миф о Сизифе. Он мужественно катил вверх свою каменную глыбу — Арколе, Аустерлиц, Йена; потом каждый раз камень срывался вниз, и, чтобы снова поднять его, требовалось все больше мужества, все больше усилий», — писал французский писатель Андрэ Моруа.

Когда великая Империя рухнула, ее создатель оказался в изгнании на острове Эльба, где первым его желанием стало вызвать к себе супругу, Марию-Луизу. Однако та написала ему: «Я буду счастлива приехать к тебе, как только мне отдадут сына. По моему настоянию его уже должны были привезти сюда, как вдруг пришло письмо от отца. Он просит незамедлительно вернуться в Вену, где на Конгрессе будет решаться судьба

нашего сына. Судя по всему, Бурбоны делают все возможное, чтобы отнять у меня Парму. Здесь за мной следят австрийская, русская и французская разведка и контрразведка, а г-ну де Фитц-Джеймсу приказано арестовать меня в случае, если я все же вознамерюсь поехать на остров Эльбу. Но, несмотря ни на что, верь — мое желание видеть тебя неизменно, и моя любовь к тебе придаст мне силы преодолеть все препятствия. Я уверена, что, если только меня не удержат силой, мы в ближайшее время будем вместе; но пока еще трудно сказать, какой оборот примет дело. Я постараюсь выехать как можно скорее, а сейчас не могу позволить даже краткого отдыха посланному тобой офицеру. Если станет известно, что он здесь, его могут арестовать и тогда, несомненно, расстреляют. Ты не представляешь себе, какие строгие введены здесь порядки, даже австрийцы возмущены...»

Многие австрийцы возмущались поведением Марии-Луизы, находя его, мягко говоря, малопривлекательным.

Напрасно ждал Наполеон свою жену. Она и не думала следовать за мужем, лишившимся всего — власти, славы, богатства. Куда лучше было наслаждаться жизнью дома...

«В то время как в Вене монархи и дипломаты пытались переделать Европу, а Мария-Луиза, неверная императрица, танцевала, свергнутый император, как обычно, деятельно и энергично посвятил себя своему крошечному государству, — писал Моруа. — В сознании истинных людей действия величие не знает масштабов.

На острове Эльба Цезарь старался как можно лучше управлять королевством Санчо Пансы. Он построил дороги, богадельню, театр. Он поднимал непахотные земли. Может, он смирился бы, если бы к нему приехали жена с сыном. Но появилась только Мария Валевская с другим сыном. Разочарованный, Наполеон отверг ее нежные чувства.

Почему уже в начале 1815 года он решил вернуться во Францию? Ему было всего сорок пять лет, и он чувствовал себя в силах бросить вызов Европе. Да и претензий было много: жену удерживали в Вене; обещанную пенсию не выплачивали. А главное, у него были основания опасаться за свою жизнь».

1 марта 1815 года Наполеон вновь ступил на землю Франции. Его возвращение было с восторгом встречено парижанами. Наполеон жаждал реванша, но не забыл и о Марии-Луизе. Он написал вежливое письмо своему тестю, императору Францу I: «Я слишком хорошо знаю принципы Вашего величества, слишком хорошо знаю, какое значение Вы придаете своим семейным привязанностям, чтобы не питать счастливой

уверенности, что Вы поспешите ускорить минуту нового соединения жены с мужем и сына с отцом, каковы бы ни были соображения Вашего министерства и Вашей политики».

Ответа он не получил и Марию-Луизу с сыном больше ни разу не видел.

Перед смертью Наполеон скажет своему врачу Антоммарки: «И еще я желаю, чтобы вы взяли мое сердце, поместили его в винный спирт и отвезли в Парму моей дорогой Марии-Луизе. Вы скажете ей, что я нежно любил ее, что я никогда не переставал ее любить; вы расскажете обо всем, что видели, обо всем, что имеет касательство к моему нынешнему положению и к моей смерти».

Скажет, не зная, как весело проводит время его жена, не зная, что она беременна от своего любовника, графа генерала Адама-Альберга де Нейпперга. Граф Нейпперг, судя по описанию современников, был хорош собой: «Это был человек немногим более сорока лет, среднего роста, привлекательной наружности. Гусарский мундир, который он обычно носил, в сочетании со светлыми вьющимися волосами придавал ему моложавый вид. Широкая черная повязка, скрывавшая пустую глазницу, несколько его не портила. И единственный глаз смотрел с живостью и необыкновенной пронизательностью. Хорошие манеры, учтивость, вкрадчивый голос и разнообразные таланты располагали к нему людей».

Наполеон Бонапарт после отречения во дворце Фонтенбло. Картина Поля Деларош.

После Эльбы были Сто дней, был разгром при Ватерлоо... Император во второй раз отрекся от престола, на этот раз в пользу Наполеона II. 7

августа 1815 года британский фрегат «Нортумберленд» с Наполеоном и его малочисленной свитой на борту вышел из Плимута и взял курс на далекий остров Святой Елены.

5 мая 1821 года Наполеон Бонапарт скончался на этом острове, вдали от родной Корсики и любимого Парижа.

«Наполеон — это тиран XIX века, — писал Стендаль, — назвать человека тираном значит признать его высокоодаренным, а не может быть, чтобы человек, наделенный выдающимися способностями, не проникся, быть может, сам того не сознавая, здравым смыслом, разлитым в воздухе... Любопытно проследить в душе Наполеона борьбу духа тирании против глубокого ума, создавшего его величие, проследить, как его природное тяготение к дворянам сменялось приступами презрения, вскипавшего в нем, как только он присматривался к ним поближе. Все, что он предпринимал против них, ясно показывало, что его негодование было отеческого свойства. Простодушным людям, которые в этом усомнились бы, напомним его ненависть ко всему, что было поистине либеральным. Ненависть эта дошла бы до неистовства, не сознавая он своей силы».

Бенито Муссолини, лидер итальянского фашизма

То, что делает Муссолини, непоколебимо, ибо он — кумир своего народа. Он вернул Италии то, что всегда было самой лучшей и надежной основой государства, — доверие.

Йозеф Геббельс

Настоящее имя — Бенито Амилькаре Андрей Муссолини

Характер — вспыльчивый, агрессивный

Темперамент — холерический

Религия — католик, тяготеющий к атеизму

Отношение к власти — трепетное, страстное

Отношение к подданным — безразличное

Отношение к любви — хищное, потребительское

Отношение к лести — приятное

Отношение к материальным благам — спокойное

Отношение к собственной репутации — щепетильное

Бенито Муссолини, лидер итальянского фашизма (1883-1945)

*Бенито Муссолини.
1933 г.*

Бенито Муссолини родился 29 июля 1883 года в семье деревенского кузнеца (попутно владевшего молотилкой) и школьной учительницы. Произошло это в местечке Довиа в Романье, живописной гористой области Италии, расположенной между Тосканой и Эмилией. Семья Муссолини была бедной, потому что глава ее, Алессандро Муссолини, больше интересовался политикой и женщинами, нежели кузницей и молотилкой. Алессандро был социалистом. Убежденным, пламенным, можно даже сказать — страстным. Не получивший систематического образования, он тем не менее был весьма начитан и умен. Писал статьи в журналы и газеты, успел отсидеть в тюрьме за свои убеждения. Своим детям Алессандро подолгу читал социалистическую литературу, не думая, что подобная информация может быть слишком сложной для детских умов. Тем, кто приводил в кузницу Алессандро лошадей на подковку, тоже доставалась своя доля политической пропаганды. Клиенты привыкли к этому и, в зависимости от собственных политических взглядов, считали кузнеца или чудачком, или своим парнем. Алессандро умел ладить с людьми, и Бенито унаследовал от отца этот дар.

Первенец Муссолини получил три имени — Бенито Амилькаре Андреа — в честь достойных, по мнению Алессандро, людей. За право назвать сына по своему выбору Алессандро поступился своими атеистическими принципами и позволил жене окрестить младенца.

Бенито Хуарес, бывший президентом Мексики, возглавил либерально настроенные массы в гражданской войне против католиков-консерваторов и поднял мексиканцев на борьбу с французской армией, посланной императором Наполеоном III, который намеревался посадить на мексиканский трон австрийского эрцгерцога Максимилиана. Разбив в пух и прах французскую армию, Хуарес взял Максимилиана в плен. В назидание другим претендентам Максимилиан после скорого суда был расстрелян. Все прогрессивно настроенные итальянцы одобрили этот поступок, так как Максимилиан был братом императора Австро-Венгрии Франца Иосифа, который, выпустив из своих рук Ломбардию и Венецию, продолжал угнетать жителей Триеста и Трентино.

Амилькаре Киприани был соратником самого Гарибальди, а в 1871 году отправился в Париж сражаться за Коммуну. Попал в плен к врагам и девять лет провел на каторжных работах в Новой Каледонии, после чего вернулся в Италию, где пользовался огромным уважением.

Андреа Коста, некогда организатор вооруженного болонского восстания, со временем стал лидером той части итальянских социалистов, которая считала, что добиваться своей цели следует не революционным

насилием, а законными, конституционными методами, выдвигая свои кандидатуры на местных и общенациональных выборах.

Домом семье Муссолини служил полуразвалившийся особняк, носивший, как и положено в Италии, пышное название «дворец Варано».

О детстве Бенито Муссолини сохранилось множество сведений, причем самых противоречивых. Сторонники Муссолини рисовали канонический образ мальчика из народа, нетерпимого к любым проявлениям несправедливости, а враги — уличали маленького Бенито в кровожадности и садистских наклонностях.

Но и те, и другие признавали, что Бенито рос непослушным, вспыльчивым и угрюмым ребенком, любителем отстаивать свои права при помощи кулаков. В то же время он был заботливым братом и преданным другом. С малых лет Бенито познал тяжесть физического труда, помогая отцу в кузнице.

Отчаявшись домашними средствами обуздать своенравного и упрямого мальчика, к девяти годам совершенно вышедшего из повиновения, родители отдали его в церковную школу-интернат в Фаэнцу, где воспитанием занимались монахи Салезианского ордена. Школа эта славилась строгой дисциплиной, оказывающей благотворное воздействие на самых отчаянных сорванцов.

Подъем в пять часов утра летом или в шесть часов зимой, скудная еда, ежедневное посещение церковной службы... Бенито, воспитанный отцом в духе атеизма, нередко отказывался идти в церковь, за что его строго наказывали.

Впоследствии Бенито утверждал, что святые отцы ненавидели его и всячески к нему придирались из-за социалистических убеждений его отца. Постоянные стычки с преподавателями окончательно испортили характер Бенито. Он не поддавался этим методам воспитания, напротив — вел себя дерзко и вызывающе, что впоследствии дало возможность недоброжелателям упрекать его в патологической агрессивности, хотя поведение Муссолини, воспитанного на идеях социализма, было вполне объяснимо. Как он мог покориться священникам, которые в Италии были первыми врагами или вечными преследователями социалистов?

24 июня 1894 года, в праздник Святого Иоанна Крестителя, за месяц до своего одиннадцатилетия, Бенито подрался с одним из старших воспитанников и пырнул его ножом, за что и был исключен из школы. Предварительно «добрые наставники» на несколько часов заперли его одного в темном чулане, а затем выгнали на ночь глядя во двор, по которому бегали злые сторожевые собаки.

Мать отвезла Бенито в Равенну, в дом раненного им мальчика, где заставила просить прощения, после чего отец пристроил его в другую школу, Коллегио Джизоэ Кардуччи в Форлимпополи. Здесь не было священников — одни учителя.

В Коллегио Джизоэ Кардуччи Бенито провел семь лет, до самого совершеннолетия. Здесь в нем неожиданно проснулась тяга к знаниям. Он стал блестящим учеником, особенно полюбившим историю, географию и итальянскую литературу. Правда, порой необузданный характер давал о себе знать — в четырнадцать лет Бенито устроил очередную поножовщину прямо во время урока. Ученик, сидевший рядом с Бенито, толкнул его под руку, отчего Муссолини поставил кляксу в своей тетради. Когда же Бенито вытащил свой перочинный нож и принялся соскабливать пятно, сосед больно ударил его по голове — и получил удар ножом в ягодицу.

*Роза Мальтони,
мать Бенито.*

Муссолини хотели исключить из школы навсегда, но в итоге ограничились временным исключением до конца семестра. Помогло заступничество одного из преподавателей, восхищавшегося способностями Бенито, а также мольбы его матери, срочно приехавшей в Форлимпополи.

Это было далеко не единственное прегрешение Муссолини. Так, например, уже в следующем семестре его снова временно исключили за дерзость учителю.

Лет с пятнадцати Муссолини стал интересоваться женщинами. Постепенно от разглядывания хорошеньких девушек он перешел к посещению многочисленных, благодаря неукротимому итальянскому темпераменту, борделей Форлимпополи.

Выходец из бедняцких низов, он в каждой женщине видел прежде

всего добычу, призванную удовлетворить его страсть.

Пройдет время, и точно такой же добычей для Бенито Муссолини станет Италия. Рожденный в мире насилия, он с раннего детства усвоил его законы. Он мог подраться на танцах из-за понравившейся ему девушки, а мог в гневе ударить свою пассию ножом. Любовь в понимании Бенито была неотделима от насилия, причем на протяжении всей своей жизни он любил вспоминать, говорить и писать о своем насилии над женщинами и о своих буйных страстях.

Школу Муссолини окончил с отличием и почти сразу же нашел место учителя начальной школы в одном из небольших городков в сотне миль от родного дома. Жалованье было скудным, но зато он имел право называться «профессором Муссолини», а положение в обществе всегда и везде чего-то стоило.

Профессор преподавал, заводил романы, полные жестокой страсти и ревности, выступал на собраниях социалистов и вообще жил полнокровной жизнью. «В то время я вел богемный образ жизни», — вспоминал Муссолини.

Бледное лицо с большими черными глазами, черная шляпа с широкими полями, черный костюм, черный галстук — он был по-своему привлекателен, хоть и нравился женщинам не только своей внешностью, но и своими речами.

*Алессандро Муссолини,
отец Бенито.*

Оратором Муссолини был отменным. Многим запомнилась полная драматизма и эмоций речь Бенито, посвященная памяти Джузеппе Верди, которую он произнес, еще будучи учеником школы.

Учитель из Муссолини вышел посредственный. Прежде всего потому,

что тщеславному, беспокойному, нетерпеливому и энергичному молодому человеку хотелось чего-то несоизмеримо большего, чем преподавание классу из четырех десятков деревенских сорванцов.

В 1902 году, желая встряхнуться, избавившись от опостылевшей рутины, Муссолини уехал в Швейцарию, где, по его собственным утверждениям, познал в полной мере нужду и отчаяние. Голодал, не имея в кармане ни гроша, спал под мостом в картонных коробках, работал помощником каменщика по одиннадцать часов в день, завел роман с такой же бездомной, как и он, польской беженкой, бывшей студенткой медицинского университета, страстной и искусной в любовных утехах, которая отдавалась ему в общественных уборных... Довелось побывать и землекопом, и рабочим в мясной лавке, и посыльным в винном магазине.

Дважды Бенито попадал за решетку. В первый раз его арестовали в Лозанне за попрошайничество на улицах города, а в другой раз — в Женеве, за нападение на двух англичанок, мирно сидящих на скамье со своим нехитрым завтраком — хлебом, сыром и яйцами. Бенито был голоден и, по собственному признанию, не смог удержаться от преступления.

Он набросился на одну из женщин и вырвал у нее из рук еду. «Если бы они попытались сопротивляться, я бы задушил их — задушил бы, поверьте мне!» — писал Муссолини.

Среди рабочих, с которыми общался бывший профессор Муссолини, он слыл интеллигентом, придерживающимся социалистических взглядов, отчего ему и предложили пост ответственного за пропаганду в секретариате лозаннского отделения профсоюза каменщиков и работников физического труда. Мечта сбылась — новая работа позволяла Бенито в полной мере проявить свою ненависть к церкви и церковникам, эксплуататорам и вообще всем тем, кого он ненавидел. А уж ненавидеть Бенито умел!

Став на путь анархического социализма, Бенито Муссолини усиленно занялся самообразованием. Он стал много, жадно и бессистемно читать все труды по политической философии и философии вообще, которые только попадались ему под руку — от Спинозы до Ницше. Как выразилась одна из тогдашних знакомых Бенито, «его философские взгляды всегда отражали мысли последней прочитанной им книги». Муссолини пропускал непонятные места и по несколько раз перечитывал то, с чем был согласен.

В Швейцарии он близко сошелся с русскими студентами, среди которых было много нигилистов. Разумеется, не обошлось и без романов, до которых Бенито был большой охотник. Романы его были

страстными, бурными и недолгими — Бенито, которого русские ласково называли Бенитушкой, быстро перегорал и переключался на новый объект.

Летом 1903 года Муссолини арестовали за обращение к членам своего профсоюза в Берне, в котором он предложил объявить всеобщую забастовку и вообще призывал к насилию как к лучшему средству удовлетворения своих требований.

Отсидев всего двенадцать дней, Муссолини был выдворен из Бернского кантона, но всего через несколько дней он снова появился в Швейцарии, готовый к продолжению борьбы.

Двадцатилетнего Бенито жизнь потрепала изрядно, что не могло не сказаться на его облике — он выглядел на все сорок. Сутулый, с поредевшими волосами и глазами, утратившими блеск юности, он продолжал считать себя неотразимым...

Одна из его любовниц, русская социалистка Анжелика Балабанова, отличавшаяся как умом, так и чувственностью, характеризовала Муссолини как нервного, легко возбудимого лентяя, ненавидевшего физический труд и мнившего себя интеллектуалом. По мнению Анжелики, Бенито был жалким, мстительным богохульником, пренебрежительно относившимся к своему внешнему виду. «Несмотря на огромную челюсть, ожесточение и беспокойный блеск его черных глаз, он производил впечатление человека крайне робкого. Даже слушая меня и при этом теребя нервными руками большую черную шляпу, он, казалось, был более озабочен своим внутренним кипением и менее всего прислушивался к тому, что я говорила», — вспоминала Анжелика. Муссолини то и дело жаловался на свое здоровье, в то же время он был не прочь похвастаться своей силой. Проницательная Анжелика смогла разглядеть за личиной самоуверенности очень робкого и крайне неуверенного в себе человека, достойного сострадания и сочувствия. Несмотря на все недостатки, Муссолини нравился Анжелике, поскольку полностью разделял ее политические убеждения. Впоследствии же Балабанова возненавидела Муссолини за предательство идеалов социализма.

*Муссолини после ареста.
Фото швейцарской полиции.
1903 г.*

В глазах Анжелики постоянные разговоры Бенито о силе и отваге представлялись своеобразной компенсацией его собственной слабости и малозначительности.

Это Анжелике и ее подруге Марии Риджер, школьной учительнице, с которой у него тоже был роман, Муссолини сказал: «Отсюда я уеду поездом в вагоне третьего класса и буду питаться скудной и дешевой пищей. Святая Мадонна, как же я ненавижу богатых! Почему я должен терпеть эту несправедливость? Как еще долго нам остается ждать?»

Другая любовница Бенито, также социалистка, Маргарита Сарфатти, ставшая позднее одним из его биографов, пыталась опровергнуть оценку, данную Муссолини Балабановой, и обелить его. Скорее всего, в Маргарите говорила ревность, но, возможно, она была объективнее Анжелики. О Балабановой же Сарфатти отзывалась так: «Спасительная благодать юмора полностью обошла ее. Но еще в большей степени у нее отсутствовало чувство прекрасного. И это было ее счастьем! Иначе она бросилась бы в ближайший колодезь. В реальной жизни она была почти незнакома с водой».

В феврале 1905 года умерла от менингита в возрасте сорока шести лет мать Бенито. После ее смерти Муссолини перебрался в Италию и возобновил преподавательскую работу. Он получил место школьного учителя в небольшом городке Толмеццо, расположенном в Венецианских Альпах. Преподавательская работа по-прежнему не привлекала его, он не умел ладить с детьми, многие из которых считали его сумасшедшим грязнулей... Муссолини и впрямь не отличался аккуратностью.

Главным его развлечением продолжали оставаться женщины. Не чурался Бенито и выпивки, впоследствии признавая, что год, проведенный в Толмеццо, стал для него годом моральной деградации.

Он предавался страсти с любой женщиной, которая уступала ему, и угрожал насилием тем, которые уступать не собирались.

Так, жену хозяина снимаемой им квартиры Муссолини изнасиловал прямо на полу буквально в трех шагах от мирно спящего

в соседней комнате мужа.

От кого-то из своих любовниц Бенито подцепил сифилис, который чуть было не довел его до самоубийства.

К двадцати пяти годам Муссолини, тогда еще с удовольствием откликавшийся на обращение «товарищ», являл собой известного серьезного политика, действовавшего преимущественно на профсоюзном поприще.

В конце 1909 года Муссолини решил поселиться с отцом, который забросил кузнечное ремесло и переехал из Довиа в Форли со своей любовницей Анной Гвиди и пятью ее детьми. На новом месте Алессандро Муссолини стал владельцем гостиницы «Стрелки».

Дочери Анны Гвиди были красивыми и чувственными девицами. Вначале Бенито имел виды на старшую дочь Аугусту, но эта благоразумная особа сочла Бенито слишком ненадежным женихом и отдала предпочтение другому ухажеру, имевшему доходную специальность могильщика. Тогда Бенито увлекся самой младшей из дочерей Анны, которую звали Рашель, и вскоре решил на ней жениться.

Однажды Бенито пригласил Рашель в театр. На обратном пути он завез девушку в одну из гостиниц, а сам направился к ее родителям и в весьма грубой форме потребовал, чтобы они разрешили дочери жить с ним. Те ответили категорическим отказом. Тогда Бенито вытащил из кармана револьвер и заявил, что убьет и себя, и Рашель, если им не суждено будет соединиться. «В нем шесть патронов, один для Рашель и пять — для меня», — сказал Бенито, потрясая револьвером. Родители тут же пошли на попятный. Несколькими днями позже Муссолини снял две комнаты в сыром и полуразвалившемся доме на Виа Меренда.

«В один из вечеров мы переехали, - вспоминала Рашель. - Помню, каким он был усталым и счастливым - хотя и несколько неуверенным в том, какова будет моя реакция, потому что бумаги для регистрации брака еще не были готовы. Но я разобралась в ситуации. Передо мной оказался избранник моего сердца, с нетерпением ожидавший единственного дара, который я могла ему преподнести, - мою любовь. Его молодое лицо уже прорезали морщины - результат повседневной борьбы. Колебаний не было. Я пошла с ним».

*Муссолини в итальянской
военной форме. 1917 г.*

В этом убогом жилище Бенито и Рашель прожили три года. Здесь в сентябре 1910 года родился их первенец Эдда. Муссолини тогда работал в секретариате Социалистической федерации Форли, где платили мало. Львиную долю заработка отнимала газета «Лотта ди классе» («Классовая борьба»), основанная Муссолини. Он был не только ее основателем, но и главным редактором и единственным корреспондентом.

Дома он почти не появлялся, а если и появлялся, то для того, чтобы поработать над статьей или подготовиться к выступлению. В редкие минуты отдыха он играл на скрипке. Бенито был самобытным музыкантом, игравшим очень неплохо. Скрипка успокаивала его и придавала новые силы.

Порой он выводил Рашель в театр, но и там продолжал думать о выступлениях, а после окончания действия торопился домой, чтобы записать фразы и доводы, пришедшие в его голову.

Муссолини остался таким же необузданным и вспыльчивым типом, каким был и в юности. Так, например, если постановка не начиналась вовремя, он мог снять с ноги ботинок и швырнуть его на сцену.

Со временем Муссолини приобрел широкую известность в прогрессивно настроенных кругах как исключительно хороший оратор, излагавший свои мысли красочно, образно и в то же время очень убедительно.

Он упоенно лгал, когда это требовалось, но лгал столь искренне и столь убежденно, что ложь в его устах нельзя было отличить от правды. Муссолини был корифеем намека и властелином метафор, умеющим виртуозно, при помощи всего нескольких фраз, возбуждать эмоции толпы и вести ее за собой.

Его выступления были тщательно отрепетированными представлениями. Залпы фраз подкреплялись хорошо рассчитанной и мастерски отточенной жестикуляцией. Муссолини не убеждал, не поучал, не рассказывал. Он нашел гениальный способ общения с аудиторией, когда, создав у нее определенный настрой, он начинал вести диалог. Муссолини задавал острые вопросы на злобу дня, выслушивал ответы и, перефразируя, возвращал их аудитории. Этот ораторский, с позволения сказать, пинг-понг длился до тех пор, пока толпа не проникалась идеями своего глашатая.

Муссолини сколотил вокруг себя кучку верных почитателей, ставших ядром, вокруг которого в дальнейшем объединялись его сторонники, все те, кто считал его своим лидером. Уроки власти Муссолини усваивал накрепко. Он готовил себя к роли лидера, вождя, отца нации. Еще в детстве Бенито утверждал, что он далеко пойдет и многого добьется, и вот теперь его мечты, его чаяния начинали потихоньку сбываться.

В своих политических взглядах Муссолини придерживался пропаганды насилия как единственного действенного способа защиты своих прав. Он ратовал за «насильственное хирургическое вмешательство», пугая своей агрессивностью умеренных социалистов.

Однажды в Форли Муссолини привел огромную толпу к городской ратуше, где пригрозил не откладывая выбросить мэра города из окна его собственного кабинета, если тот не согласится снизить цены на молоко. Власти пошли на уступки, что укрепило популярность Муссолини.

Насилие было его идеалом и в любви, и в политике. Он привык добиваться всего силой, и до поры до времени это приносило желаемые плоды.

До поры. До весны 1915 года...

Летом 1911 года по Италии прокатились восстания против начавшейся войны с Турцией. Комитет Всеобщей конфедерации труда готовил всеобщую забастовку. Конечно же такой радикал, как Муссолини, не мог удовлетвориться этим. Он призвал рабочих Форли собираться на политические митинги не с пустыми руками, а с оружием и совместно с молодым социалистом Пьетро Ненни начал агитацию не за забастовку, а за революцию. Возглавляемые им «революционеры» ломали кирками трамвайные рельсы и строили в Форли баррикады. Дело обернулось уже

привычным осуждением, пятым по счету. Муссолини получил пять месяцев тюрьмы, которые только укрепили его в стремлении стать лидером итальянских социалистов и превратить этих досужих болтунов в подлинно революционную партию.

Так зарождался фашизм, не без оснований прозванный чумой двадцатого века.

Так революционер Муссолини ступил на путь превращения в дуче — лидера нации.

За свои заслуги Бенито Муссолини был назначен товарищами по партии главным редактором миланской газеты «Аванти», рупора итальянского социализма. Прибыв в Милан, Муссолини рьяно взялся за дело. Всего несколько месяцев спустя, благодаря его таланту и усердию, тираж газеты удвоился, а затем вырос почти вчетверо.

За пять дней до начала Первой мировой войны Муссолини вместе с другими членами исполкома подписал антивоенный манифест Итальянской социалистической партии, в котором осуждалась любая попытка втянуть Италию во всемирный капиталистический конфликт. Социалисты заявляли, что даже если правительство решится вступить в войну, то они станут бойкотировать это решение. Товарищи по партии был поражены последовавшим вскоре предательством Муссолини, который по собственному почину напечатал в «Аванти» статью, призывавшую социалистов к поддержке милитаристской политики правительства. Всего через шестьдесят дней после начала войны Муссолини порвал все связи с социалистами, придя к выводу, что Италия должна, обязана принять участие в войне. Можно понять, почему он это сделал — нейтралитет Италии не давал никаких перспектив, тогда как война предоставляла обширное поле деятельности для амбициозных политиков, подобных Муссолини.

В середине декабря 1915 года Бенито наконец-то оформил свои отношения с Рашель гражданским браком. Он не был примерным мужем — живя с Рашелью, одновременно имел несколько романов на стороне. Вскружил своей брутальностью голову писательнице

Рашель Гуиди Муссолини.

Леду Рафанелли, помешанной на всем восточном — от египетских сигарет до кофе по-турецки; регулярно овладевал в редакции своей новой газеты «Пополо д'Италия» одной из сотрудниц — Маргеритой Заффарти; за месяц до заключения брака с Рашелью у Муссолини появился сын от Иды Дальзер, очаровательной и весьма эксцентричной телефонистки из «Аванти». Муссолини согласился официально признать своего сына, названного в его честь Бенито, но жениться на Иде отказался наотрез. Истеричная Ида стала преследовать его, устраивая бурные сцены, так что последовавший вскоре призыв в армию мог видаться Муссолини избавлением от амурных проблем.

Ида Дазлер.

Ида в течение многих лет беспокоила Муссолини, причем раз от разу ее сцены ревности становились все более дикими и необузданными. В состоянии аффекта она могла даже поджечь мебель в гостинице. Ее не пугали угрозы, на нее не действовали уговоры. Иде нужно было только одно — стать женой Муссолини.

В конце концов несчастная Ида с ведома Муссолини угодила в психиатрическую лечебницу, где и умерла в 1935 году. Бенито, сын Иды и Муссолини, окончил свою жизнь в подобном заведении семью годами позже.

Рашель, как и подобало хорошей итальянской жене, смотрела на шалости своего мужа сквозь пальцы. Брак Муссолини оказался счастливым — Рашель простила ему все. «Он всегда был лучшим из отцов и хорошим мужем», — говорила она после смерти Бенито, несколько не кривя душой при этом. Муссолини в ее понимании и впрямь был хорош — жену старался не обижать, а пятерых детей, рожденных ею, горячо любил.

Много интересного о Муссолини мир узнал благодаря Маргарите Сарфатти, бывшей его другом, любовницей и биографом. Маргарита стала автором одной из самых известных биографий Муссолини.

По воспоминаниям Сарфатти, во время Первой мировой войны Муссолини удалось дослужиться до капрала. На фронте Бенито, что называется, «дошел до ручки». Когда он, изможденный и отощавший, прямо из окопов приехал домой в отпуск, на его шинели вместо пуговиц

были куски проволоки.

В феврале 1917 года во время демонстрации нового миномета произошел несчастный случай — неожиданно взорвалась одна из мин. Стоявших рядом пятерых солдат буквально разнесло в клочья, а самого Бенито с силой швырнуло наземь и изрешетило осколками, которых врачи насчитали около сорока.

Спустя несколько недель, как только ему стало лучше, Муссолини вернулся в Милан, где верная Маргарита Сарфатти пришла навестить его. «Я никогда не забуду этот визит, — вспоминала она. — Он был настолько изможден, что едва мог говорить. На бледном лице появилась улыбка, когда он увидел нас; глаза его ввалились. Он почти не мог двигать губами; было ясно, что он ужасно страдал. Кто-то из нас спросил Бенито, не хочет ли он почитать какую-нибудь книгу. Он ответил отказом. «Я читаю только это, потому что оно знакомо мне. Не могу читать ничего нового», — сказал он и указал на томик стихов Кардуччи».

«Я испытывал ужасную боль, — писал позднее Муссолини в своей автобиографии. — Все операции делались мне практически без анестезии. За один месяц я перенес двадцать семь операций; все, за исключением двух, прошли без анестезии».

Демобилизовавшись, Муссолини сразу же начал ратовать за участие бывших солдат в правительстве новой Италии. Правительство это виделось ему как правительство сильной руки, возглавляемое волевым и бескомпромиссным лидером. Вне всяких сомнений, Бенито примерял эту роль на себя. Однажды во время выступления перед многочисленной аудиторией в Болонье он прозрачно намекнул, что не прочь стать диктатором. Как ни странно, его не освистали. Напротив — в толпе раздались аплодисменты.

Причудливая смесь социалистических, синдикалистских, республиканских и анархистских взглядов легла в основу идеологии фашизма. Сторонники Муссолини сплотились в боевую группу, которую он назвал «союзом борьбы», участники которого были связаны воедино столь же тесно, как «фасции» ликторов — символ власти в Древнем Риме. Так родился фашизм. Рупором его стала газета «Пополо д'Италия», основанная Муссолини.

На выборах в октябре 1919 года фашисты рискнули выставить своих кандидатов в палату депутатов и набрали всего четыре тысячи голосов. Социалисты радостно обозвали Муссолини политическим трупом и пронесли по улицам Милана в гробу, окруженном свечами, его чучело, а затем сожгли его на одной из площадей. Через несколько дней полиция

арестовала Муссолини по обвинению в вооруженном заговоре против государства, но вскоре его освободили — власти сочли Муссолини не опасным.

Муссолини умел учиться на собственных ошибках. Вскоре он создал своим сторонникам имидж единственно возможных спасителей страны, а фашизм представил единственной силой, способной остановить коммунистическую угрозу. В мае 1921 года фашистам удалось провести в палату депутатов тридцать пять человек, среди которых конечно же был и сам Муссолини.

Он жаждал власти. Власть всегда возбуждала его больше, чем женщины. «Я обуян этой дикой страстью, — говорил о власти Муссолини. — Она поглощает все мое существо. Я хочу наложить отпечаток на эпоху своей волей, как лев своими когтями!.. Я сделаю все, чтобы выполнить свои замыслы. Цель всегда оправдывает средства».

Фашисты рьяно наводили порядок — боролись с забастовщиками, громили редакции коммунистических и социалистических газет (досталось и миланской «Аванти»), запугивали своих политических противников. 28 октября 1922 года был организован поход фашистов на Рим, правда, они не дошли до столицы и расположились лагерем в ее окрестностях.

Уже являясь главой правительства, а кроме того, министром иностранных и внутренних дел, Муссолини потребовал от палаты депутатов предоставить ему неограниченную полноту власти сроком на один год для проведения в жизнь своего плана реформ и получил требуемые полномочия большинством голосов. Теперь он мог диктовать свою волю народу Италии.

Придя к власти, Муссолини, изрядно постаревший к тому времени, стал следить за собой, начал делать гимнастику, плавать и вообще активно заниматься спортом, желая как можно дольше сохранить физическую мощь. Ел он умеренно (то и дело беспокоила застарелая язва), вина почти не пил. Курить бросил вскоре после окончания Первой мировой войны.

Муссолини просыпался рано утром, устраивал гимнастическую разминку, после чего завтракал фруктами и молоком и отбывал в офис, где обычно работал с восьми часов утра до глубокой ночи.

Неутомимый дуче оставался все таким же жадным любовником. Любовником, которого интересовало только тело и ничего более. Муссолини, нетерпеливый и вечно занятый, овладевал женщинами как в своем кабинете, так и у себя на квартире (жил он тогда отдельно от семьи). Он набрасывался на них с неистовой, поистине звериной страстью, которая

не только возбуждала, но нередко и пугала его избранниц. После близости Муссолини полностью утрачивал интерес к партнерше и старался поскорее отделаться от нее. Кроме самого процесса половой близости, зачастую проходящего с причинением боли женщине, Муссолини ничего не требовалось.

Он упивался своей властью над женщинами, обращаясь с ними, как с рабынями, и, должно быть, представлял себя цезарем Древнего Рима, обладателем огромного количества наложниц. Перед близостью (которая обычно длилась не более двух минут) Муссолини никогда не задумывался о таких мелочах, как удобства его пассивности. Эгоистичный и самовлюбленный, он действовал по раз и навсегда заведенной схеме — грубо заваливал очередную самку на кровать, на стол, а лучше всего — на пол и овладевал ею, зачастую даже не снимая ботинок.

Муссолини нравились всякие женщины, вкус его отличался необычайным разнообразием, и требования были просты и скромны. Женщина не должна была быть тощей и должна была пахнуть — запахом собственного тела или же запахом духов. От былого пристрастия к интеллектуалкам, овладевая которыми, неприкаянный скиталец Бенито возвышался в собственных глазах, не осталось и следа — лидеру нации ни к чему интересоваться умом женщин, с которыми он удовлетворяет свою страсть.

Достаточно и другого...

Избранницы дуче и не думали обижаться на столь суровое обращение. Они с гордостью и радостью рассказывали о своих отношениях с великим человеком, восхищаясь как его положением в обществе, так и его звериным сладострастием. Каждая на свой лад находила в дуче нечто привлекательное.

Впрочем, с некоторыми из своих женщин Муссолини мог быть сентиментальным и даже нежным. Ненадолго, но мог. Кому-то после близости шептал на ухо пару-тройку приятных банальностей, а кому-то даже играл на скрипке.

*Оказавшись на вершине власти,
Бенито стал создавать свой
уникальный имидж.*

Начав следить за своим здоровьем, Муссолини по-прежнему мало внимания уделял своему внешнему виду — брился далеко не каждый день (даже осмелился явиться небритым в резиденцию короля на прием в честь королевской четы Испании), нечасто менял рубашки, забывал почистить ботинки. Лишь только после переезда в Рим заботливой Рашели внешний вид Муссолини изменился к лучшему.

Рашель долго не хотела приезжать в Рим. Простая и непритязательная во всем, она боялась столицы и сознавала, что со своим видом и своим простонародным крестьянским говором придется в Риме не ко двору. Рашель никогда не стремилась участвовать вместе с мужем в общественной жизни, желая оставаться верной женой Бенито и хорошей матерью для его детей — Витторио, родившемуся в 1916 году вскоре после их женитьбы, и Бруно, появившемуся на свет двумя годами позже. Жена «великого человека» сама стряпала, сама убиралась по дому и сама стирала, не видя ничего в том зазорного. Она конечно же не могла не гордиться тем, что ее Бенито стал главой правительства, но сама в «первые леди» Италии не лезла.

Вознесясь на вершину власти, Муссолини немедленно озаботился своим имиджем и, благодаря своему дару блистательного пропагандиста, быстро сваял образ этакого гения из народа, энциклопедически образованного интеллектуала, обладавшего как острым умом, так и отменной памятью.

Муссолини заручился народной поддержкой в первую очередь благодаря умело созданному имиджу спасителя Италии от хаоса коммунизма, и наиболее тщательно культивируемый фашистами миф гласил, что они пришли к власти для того, чтобы уничтожить «красную угрозу». Вторым же мифом стал миф о вожде, гласивший, что великий дуче фашизма является настоящим суперменом, всемогущим, всеведущим, не знающим ошибок и сомнений, и при этом самым справедливым, самым милосердным и самым великодушным из всех правителей современности.

Короче говоря, на небе был Бог, а на земле — дуче. И счастье готово было излиться с небес на Италию.

Вера в гений вождя (людям вообще свойственно с большой охотой верить в то, что ими управляют гении) доходила до того, что одна из посетительниц гробниц этрусков в Орвьето, узнав о том, что надписи на них до сих пор не поддаются прочтению, совершенно серьезно заявила: «Это потому, что здесь еще не побывал Муссолини. Когда он придет сюда, то прочтет эти надписи!»

С подчиненными дуче обращался по-разному. Частые и не всегда предсказуемые смены настроения делали его то чрезмерно грубым, то обворожительно великодушным.

Впрочем, гнев дуче часто был, как говорится, бурей в стакане воды — пошумит, пошумит, да и успокоится. Лишь одного никогда не прощал Муссолини подчиненным — угрозы, пусть и мнимой, своей власти.

Он был намерен править Италией единолично и был уверен, что власть его будет долгой. Она и впрямь оказалась долгой — более двух десятков лет.

Поначалу все выглядело пристойно — волнения в стране улеглись, рабочие с улиц вернулись к своим станкам, а студенты — к своим учебникам. Муссолини, никогда не имевший серьезной политической программы, занимался тем, что подсказывала ему крестьянская сметливость, доставшаяся по наследству от предков. Он, как мог, пытался сбалансировать бюджет и навести в стране порядок, проявляя при этом внимание к проблемам простых людей — рабочих, крестьян, мелких ремесленников и торговцев. «Мы преуспеем, потому что будем работать», — говорил Муссолини, и вся Италия была согласна с ним.

Клара Петаччи.

Дуче являл собой пример великого труженика и призывал трудиться свой народ. Народ трудился и радостно приветствовал перемены — введение (а точнее, восстановление) восьмичасового рабочего дня, резкое сокращение правительственных расходов, в первую очередь посредством резкого сокращения чиновного аппарата. Итальянцы стали получать письма без опозданий и быстро привыкли к тому, что поезда ходят строго по расписанию. Муссолини умел «играть на публику» — он демонстративно отказался от зарплаты, причитавшейся ему как премьеру и депутату, объявив, что намерен жить на деньги, получаемые за свои статьи. Маску бескорыстного труженика он не снимал до конца жизни. Так, лишь после долгих уговоров он согласился получать зарплату президента Итальянской социальной республики, составлявшую сто двадцать пять тысяч лир в месяц, причем дуче не преминул разыграть сцену удивления, вопрошая: «Что я буду делать с этими деньгами?»

Стяжательство было чуждо Муссолини, больше всех богатств на свете любившему власть, но и аскетом он не был — завел собственный самолет, дорогостоящий спортивный автомобиль красного цвета, множество лошадей для верховой езды. Причем лошадьми дело не ограничилось — Муссолини имел настоящий личный зоопарк, где были газели, обезьяна, орел, олень, молодой тигр, несколько кошек, которых дуче обожал, и пума. Пуму Муссолини держал на цепи в своей комнате до тех пор, пока однажды ночью она не освободилась и не принялась бродить по дому, наводя страх

на многочисленную прислугу.

Дуче любил кинофильмы, как кинохронику с собственным участием, так и комедии. В обычные кинотеатры дуче не ходил — то ли боялся покушений, то ли предпочитал наслаждаться искусством в избранном кругу. Он построил для себя личный кинотеатр, не очень большой, но прекрасно оборудованный.

У Муссолини была приморская вилла, большой дом в Риме — вилла Торлония, переданный ему в бессрочное пользование князем Джованни Торлония из Римского банкирского дома, и замок Рокка-делле-Каминате, полученный в подарок от провинции Форли.

Огромные суммы Муссолини тратил на устройство всяческих военных парадов, в которых обожал принимать участие лично.

При этом дети дуче учились в обычных государственных школах, супруга вела крайне простой образ жизни, сам он не вылезал из одного и того же костюма, а любовницам его не приходилось рассчитывать на что-то большее, чем флакон духов в подарок.

Свободу Муссолини без стеснения публично называл «довольно испорченной богиней», через которую фашизм переступил однажды и при необходимости спокойно переступит еще раз. При Муссолини демократия стала забываться итальянцами. Происходило постепенное ограничение свободы слова и тесно с ней связанной свободы печати, появилась регулярная «фашистская милиция» численностью две сотни тысяч бойцов, наделенная самыми широкими полномочиями. Инакомыслящие неустанно преследовались, несогласные с режимом сурово наказывались, законы были заменены личной волей дуче. Народ Италии спокойно взирал на перемены, в его глазах преимущества фашизма тогда перевешивали его недостатки.

В 1924 году Муссолини сказал: «Ми разу за все время моих бесчисленных общений и контактов с народом никто не просил меня освободить его от тирании, которую не ощущает, потому что ее нет. Люди просят меня дать им железные дороги, дома со всеми удобствами, мосты, воду, свет, дороги».

Следуя неписаному правилу преступного мира, Муссолини старался не оставлять следов, вследствие чего избегал фигурировать в качестве инициатора злодеяний, творимых его молодчиками. Крайне редко становилась известна его причастность к подобным инцидентам. Так, например, в одной из французских газет было опубликовано факсимиле письма Муссолини префекту Турина, в котором дуче приказывал сделать невыносимой жизнь видного антифашиста Пьеро Гобетти. Вскоре

несчастливого Гоббегги сильно избивали, сломали ему несколько ребер, одно из которых проткнуло легкое.

К 1930 году произошла тотальная «фашизация» Италии. Муссолини и его люди взяли под свой контроль все средства массовой информации, запретили забастовки, распустили оппозиционные партии и покончили со свободными выборами. Палата депутатов безоговорочно и единогласно одобряла любые фашистские декреты, подавляющее большинство сенаторов тоже было фашистами. Муссолини создал свой личный орган власти — Великий фашистский совет, став его председателем, с правом определять его повестку дня и решать вопрос о составе. Все дети, начиная с четырехлетнего возраста, загонялись в фашистские молодежные организации.

Итальянцы не протестовали, ведь одновременно с этим наконец-то окрепла итальянская экономика, ранее не вылезавшая из кризисов. У простых итальянцев появилась уверенность в завтрашнем дне. Противники Муссолини утверждали, что экономический подъем начался еще до прихода фашистов к власти и никак не зависел от их непоследовательных и половинчатых реформ, но противников у нового режима было очень мало (причем число их, не без насилия, сокращалось с каждым днем), а сторонников — очень много.

Дуче стал кумиром итальянского народа. Кругом — на всех стенах, во всех газетах, в каждом выпуске кинохроники был он — Бенито Муссолини, надежда нации и спаситель отечества. Для пущей популярности Муссолини поступился своим атеизмом, натянув личину доброго католика. Как писала та же Маргарита Сарфатти, у Муссолини была странная вера «относительно луны, влияния ее холодного света на людей, их поступки и опасности, которой подвергается спящий человек, когда на него падают лунные лучи». Кроме того, Муссолини гордился своим талантом толкователя снов и гадателя на картах. Он искренне верил в хиромантию и не гнушался консультироваться с предсказателями по важным вопросам. Узнав из газеты «Тайме» о проклятиях, которые грозят тем, кто потревожит останки древнеегипетских фараонов, Муссолини приказал немедленно убрать с глаз долой подаренную ему мумию.

Муссолини в 1933 году.

Он истово верил в чудодейственную силу всяческих амулетов и атрибутов религиозного культа. До последних своих дней Муссолини носил на шее реликвию, доставшуюся ему от матери, и старинную медаль, полученную от вдовствующей итальянской королевы Маргариты, горячей его почитательницы. Дуче считал, что эти амулеты делают его неуязвимым от происков врагов.

А врагов у лидера нации хватало: слишком многим он перешел дорогу. Четыре покушения на свою жизнь перенес Муссолини. Одно из них было совершено женщиной — в 1926 году ирландка Виолетта Гибсон стреляла в Муссолини во время визита в Триполи. Пуля всего лишь оцарапала ему переносицу. «Представьте себе! — воскликнул дуче, увидев, кто в него стрелял. — Представьте себе! Женщина!»

Помимо уже упомянутой Иды Дальзер, Муссолини досаждали и другие истерички. В 1937 году в Рим, для того чтобы взять у дуче интервью, прибыла французская актриса Магда Корабеф. Магда откровенно заявляла, что не собирается возвращаться в Париж, пока не переспит с Муссолини. Впоследствии она признается, что за два месяца, проведенных в Риме, дуче имел с ней близость двадцать раз.

Муссолини не понравилась подобная откровенность, бросавшая тень на его чистый образ лидера нации. Он уведомил полицию и французское

посольство, что присутствие мадемуазель Фонтанж (таков был сценический псевдоним Магды) в Риме нежелательно. Магда бурно отреагировала на попытку разлучить ее с любимым. Вначале она попыталась было отравиться, после чего ранила из пистолета французского посла графа де Шамбурна, который посмел лишить психопатку «любви одного из самых замечательных в мире людей». Магду арестовали (при обыске в ее квартире нашли более трех сотен фотографий Муссолини), судили по обвинению в преднамеренном ранении и приговорили к году тюремного заключения.

В 1932 году Муссолини встретил чуть ли не самую главную любовь своей жизни — дочь врача и жену лейтенанта итальянских военно-воздушных сил Кларетту Петаччи.

Кларетта, хорошенькая длинноногая девушка с большими зелеными глазами и великолепным бюстом, была чувственна, тщеславна и глупа — то есть обладала чуть ли не всеми достоинствами, которые Муссолини ценил в женщинах. Впечатление чувственности усиливал ее голос с толикой хрипотцы и чрезмерно броский макияж. Даже мелкие зубы не портили Кларетту, а придавали ей сходство с хищным зверьком, хотя сама она стеснялась выставлять их напоказ и старалась улыбаться, лишь слегка размыкая губы.

Муссолини заметил ее по дороге из Рима в Остию. Когда его «Альфа Ромео» проезжал мимо Кларетты, та принялась махать ему рукой и кричать: «Дуче! Дуче!» Кларетта была так хороша, что Муссолини велел шоферу остановиться, вылез из машины и пошел знакомиться с дрожащей от возбуждения поклонницей.

Никогда у Муссолини не было столь безраздельно преданной ему любовницы. Она довольствовалась самым малым и оттого не раздражала дуче.

Само собой союз итальянских и германских фашистов был неизбежен, даже при том, что Гитлер и Муссолини в глубине души относились друг к другу весьма неприязненно и с изрядной долей ревности. Образовалась «Ось Берлин — Рим», вокруг которой, по словам Муссолини, «могли вращаться все европейские государства, стремящиеся к миру».

Союз итальянских и германских фашистов был неизбежным.

Муссолини не верил в гений бесноватого немецкого фюрера и известие о начале войны Германии с Советским Союзом воспринял тяжело. Его жена вспоминала, что, узнав о том, что немецкие войска перешли советскую границу, Муссолини в отчаянии воскликнул: «Дорогая Рашель! Это означает, что война проиграна!» Однако вслед за Гитлером дуче поспешил объявить войну Советскому Союзу и выразил готовность к отправке в Россию итальянских экспедиционных войск.

Военные неудачи на русском, греческом и североафриканском фронтах летом 1942 года и последовавший за ними рост народного недовольства ввергли Муссолини в депрессию. Он сильно сдал и стал редко показываться на публике. Врачи были серьезно обеспокоены состоянием здоровья дуче, у которого, в дополнение к вечно мучившей его язве, открылись раны, полученные в 1917 году, а кроме того, начали сказываться последствия недолеченного толком сифилиса, приобретенного Муссолини на любовном ристалище еще в молодости.

«Я помню, - делился Джузеппе Боттаи, бывший тогда министром национального образования, - что маршал Бальбо называл Муссолини «продуктом сифилиса». Я решительно протестовал.

Но если это обвинение и неправда, то интересно было бы узнать, насколько оно близко к ней. Дуче опустился интеллектуально и физически. Муссолини более не человек действия. Меня он совсем не привлекает. Он самонадеян и амбициозен и может рассчитывать только на обожание, лесть и... предательство».

*Кларетта была чувственна,
тщеславна и глупа.
То есть обладала всеми
качествами, которые
Бенито ценил
в женщинах.*

Стоило власти диктатора немного ослабнуть, как оппозиция тут же подняла голову. По стране прокатилась волна забастовок, чуть ли не каждое утро на улицах крупных городов появлялись листовки с призывами к свержению фашистов, повсеместно вспыхивали очаги недовольства как неудержимо скатывающимся в пропасть уровнем жизни, так и затянувшейся войной.

Стараясь удержать власть, Муссолини начал самую бесперспективную из всех войн — войну с собственным народом, войну, которая и привела его к гибели.

Болезни плохо сказываются на душевном равновесии. Муссолини, и ранее не отличавшийся кротостью нрава и терпением, стал невыносим. Один истерический припадок сменялся другим, обычные осторожность и предусмотрительность превратились в манию преследования. Лишь в объятиях преданной Кларетты Муссолини ненадолго обретал некоторое подобие покоя. По мере ухудшения здоровья дуче его посещения становились все реже и короче, он приходил на свидания в дурном расположении духа. Кларетта терзалась ревностью и пыталась отвести от себя обвинения в том, что это она высосала из дряхлеющего дуче все соки.

К весне 1943 года дуче пресытился многолетней связью с Клареттой и запретил пускать ее к себе. Это не помогло — оттолкнув охрану, Кларетта пробилась к нему, совершенно не смутившись холодным приемом.

Он и в дальнейшем пытался избавиться от Кларетты, но всякий раз терпел поражение, не в силах вынести ее рыданий, на которые романтическая Кларетта была великая мастерица. Муссолини намеренно оскорблял

Кларетту, придирался к ней, вел себя с ней нарочито холодно и безразлично, даже пробовал бить, но любовница не сдавалась. Любой ценой, в любом качестве она соглашалась остаться при своем обожаемом дуче. Лишь бы быть рядом с ним. Подобная преданность не могла не тронуть даже самое черствое сердце, и Муссолини не мог окончательно порвать со старой любовью.

За время своего романа с 1932 по 1945 год Бенито Муссолини и Кларетта Петаччи обменялись почти тремя сотнями писем. Вот отрывок из одного из писем Кларетты, датированного 1943 годом: «Я становлюсь ревнивой и восстаю против всех тех женщин, которые были в твоей жизни, которые отдавали то, что я считала только своим. Я вспоминаю все раны, нанесенные тобою моему сердцу, от которых я до сих пор испытываю боль. Как ты заставлял меня плакать и как ты делал меня счастливой. Но я не хочу забыть даже горестные для меня часы. Конечно, многое я и забыла, но есть вещи, которые оставили в моей душе глубокий след. Однако они не вызывают у меня слез, лишь то, что любовь наша была не столь продолжительной... Мне хочется возвратиться назад и остановить тебя от того, что ты со мною делал. Но что это изменит теперь?.. Хотя это и кажется маловероятным, но порою и сквернословие может ранить. И как часто мне приходилось от этого страдать. Мне помнится, как ты смеялся над моею вспыльчивостью и раздражением.

Почему я не могу быть рядом с тобой, Бен (с глазу на глаз Кларетта звала дуче Беном. — А. Я бы спала на полу... я готова на все, лишь бы быть рядом с тобой... разделять твои мучения и поддерживать своей любовью...

Бен, любовь моя, разреши мне быть с тобой, стоять на коленях у твоих ног, смотреть на тебя, слышать твой прекрасный голос — теплый, необыкновенный (ни у кого в мире нет такого голоса, глаз и рук). Бен, позвони мне. Я — твоя маленькая рабыня. Возьми мою жизнь, но не страдай, не чувствуй себя одиноким. Я — душой рядом с тобой...»

Родственники Кларетты, пользуясь ее покровительством, беззастенчиво обогащались, не брезгуя ничем. Так, брат Кларетты, Марчелло, служивший врачом на итальянском военном флоте, практически в открытую занимался контрабандой валюты и золота, не гнушаясь использовать для этого занятия дипломатическую почту. Вдобавок он повсюду козырял своей «дружбой» с дуче, оказывая за большую плату различные посреднические услуги — от заключения выгодных контрактов до продажи высоких должностей.

Все Петаччи, включая и Кларетту, жили на широкую ногу, если не за счет самого Муссолини, то за счет близости к нему. Это не могло не

вызвать к ним ненависти со стороны простых итальянцев, под конец войны едва сводивших концы с концами.

Настал день, и власти дуче пришел конец — на заседании Высшего фашистского совета был принят меморандум об отстранении Муссолини от власти. Это известие стало для дуче большой неожиданностью. Еще более внезапно решение Совета поддержал король, выразивший желание принять отставку Муссолини с поста главы правительства.

Кларетта отказалась покинуть своего любовника и погибла, пытаясь заслонить его собой. Позже их тела были выставлены на всеобщее обозрение.

Дуче посадили под домашний арест, а затем выслали из Рима на остров Понца, затем на Маддалену, расположенную к северу от Сардинии, где Муссолини провел три недели. 28 августа 1944 года его забрали с Маддалены, переправили на материк и на санитарной машине увезли на север Италии, в Гран Сассо, откуда он и был выкраден группой немецких диверсантов, возглавляемой небезызвестным гаушиггурмфюрером СС Отго Скорцени, и вывезен в Вену. Из Вены дуче вылетел в Мюнхен, где его уже ждали жена и дочь Эдца.

Муссолини, уставший от всех передряг, хотел отойти от политики, но Адольф Гитлер во время личной встречи убедил его продолжить борьбу и вновь возглавить итальянское фашистское правительство, опираясь на поддержку германской армии. Муссолини согласился и вернулся в Италию в качестве президента Итальянской социальной республики, созданной его собственным декретом. По настоянию немцев, озабоченных вопросом его безопасности, Муссолини поселился в новой резиденции — на вилле

Фелтринелли, на западном берегу озера Гарда, в тысяче километров от Рима.

Марионеточное президентство его было недолгим — натиск англо-американских войск вынудил Муссолини бежать в компании все той же Кларетты Петаччи. Бегство оказалось неудачным — 28 апреля 1945 года диктатор и его любовница были убиты своими же соотечественниками из числа противников режима, а на следующий день, в воскресенье, их тела были выставлены напоказ, подвешенными за ноги, на Пьяццале Лорето в Милане, где за девять месяцев до того немцы расстреляли пятнадцать заложников из числа местных жителей.

Мао Цзэдун, «Великий кормчий» Китая

Я буду управлять народами, и племена покорятся мне; убоятся меня, когда услышат обо мне страшные тираны; в народе явлюсь добрым и на войне мужественным.

Книга премудрости Соломона 8:14-15

Товарищ Мао Цзэдун является величайшим марксистом- ленинцем нашего времени... Идеи Мао Цзэдуна есть мощное идейное оружие в борьбе против империализма, в борьбе против ревизионизма и догматизма. Идеи Мао Цзэдуна служат для всей партии, всей армии и всей страны руководящим курсом в любой работе... Широкие массы рабочих, крестьян и солдат, широкие массы революционных кадров и интеллигенции должны по-настоящему овладеть идеями Мао Цзэдуна: надо, чтобы каждый изучал труды Председателя Мао Цзэдуна, слушался его советов, поступал по его указаниям и был его достойным бойцом.

Линь Бяо. Предисловие ко второму изданию цитатника речей Мао Цзэдуна

Настоящее имя — Мао Цзэдун

Характер — твердый, стоический

Темперамент — сангвинический

Религия — атеист

Отношение к власти — трепетное

Отношение к подданным — снисходительное

Отношение к любви — сдержанное

Отношение к лести — чуткое

Отношение к материальным благам — спокойное

Отношение к собственной репутации — крайне внимательное

Мао Цзэдун, «Великий кормчий» Китая (1893-1976)

*Мао Цзэдун.
Картина Чанг Ченши.*

«Наши поступки направляются либо голодом, либо сексом. Человеческая потребность в любви сильнее любой другой потребности. Люди либо встречают любовь, либо вступают в бесконечную череду постельных ссор, которые отправляют их искать удовольствий на берегах реки Пу (на берегах реки Пу был расположен квартал публичных домов в царстве Вэй. — А. Ш.), — писал он в те годы. — Люди, живущие в условиях законного брака, представляются мне бригадой насильников. Я в нее не войду», — сказал однажды, еще не будучи «великим кормчим», Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун (вначале у китайцев всегда идет фамилия и только потом — имя) родился 26 декабря 1893 года в горном селении Шаошань, находящемся в провинции Хунань, расположенной на юге Китая. По китайскому летоисчислению день рождения Мао соответствовал 19 дню 11 луны 19 года императорского правления под девизом Гуансюй.

Отец его был крестьянином, правда, не бедным, как впоследствии утверждал Мао, а зажиточным. В семье царил культ отца, по выражению самого Мао, бывшего семейным деспотом и часто прибегавшего к кулакам.

В восемь лет Мао Цзэдун начал учиться в деревенской школе, где и пристрастился к чтению. Больше всего он любил читать о выдающихся правителях прошлого, начиная с древнего императора Китая Цинь Шихуанди и заканчивая Петром Великим и Наполеоном Бонапартом. Как вспоминал один из современников, читая биографии великих правителей, Мао говорил, что Китай сейчас нуждается в подобных людях, способных сделать страну богатой, а армию сильной. Прицел у молодого Мао Цзэдуна

был дальний...

Мао в 1927 году.

В первый свой брак, заключенный по настоянию отца, Мао вступил в возрасте четырнадцати лет, женившись на некоей девице Ло двадцати лет от роду. Этот брак Мао никогда не считал таковым, утверждая, что вместе с женой, с которой его ничего не связывало, они не прожили ни одного дня.

Некоторые биографы Мао утверждают, что брак разладился из-за того, что якобы его отец сам состоял в связи с девицей Ло, но подтверждения тому нет. Вполне возможно, что, как это делалось в Китае, договоренность о браке между родителями жениха и невесты была достигнута еще в раннем детстве молодоженов, и Мао пришлось жениться, чтобы его отец не «потерял лицо».

Порой ради формального выполнения условий брачного договора в Китае практиковались браки и похлеще, например, между живыми и мертвыми. Это делалось в том случае, если один из участников брачного договора умирал до бракосочетания. Тогда второму участнику приходилось сочетаться браком с умершим, чтобы не нарушить договор. Вместо покойника или покойницы в церемонии участвовала табличка с именем. Сразу же после окончания брачной церемонии живой ее участник (или участница) считался вдовцом (вдовой), полностью свободным от обязательств и могущим вступить в следующий брак.

До сих пор кое-где в китайской глубинке существует обычай женитьбы умершего холостым родственника мужского пола на мертвой же невесте, чтобы в загробной жизни он не испытывал лишений и дух его не чинил бы зла живым. Труп невесты, без которого данную церемонию провести

невозможно (невесту надо захоронить в одной могиле с женихом), стоит немалых денег, которые китайскому крестьянину приходится копить не один год.

*Ян Кайхуэй Витория
жена Мао с сыновьями.*

Из деревенской школы Мао отправился в уездную, а затем поступил в педагогическое училище, находившееся в административном центре провинции Хунань, городе Чанша. Училище это было заполнено образованной провинциальной молодежью, придерживавшейся прогрессивных взглядов — смеси конфуцианства с социалистическими, коммунистическими и анархическими догмами. Здесь Мао Цзэдун впервые услышал о Сунь Ятсене, и здесь, по признанию Мао, его «политические идеи начали принимать отчетливую форму». В апреле 1917 года он опубликовал свою первую статью, посвященную возрождению национального величия родной страны, в коммунистическом журнале «Новая молодежь». Главным редактором журнала тогда был Чэнь Дусю, будущий генеральный секретарь Коммунистической партии Китая.

Примерно в то же время Мао встретил и свою первую любовь — Тао Сьюн, патриотически настроенную девушку, разделявшую взгляды Мао. Они даже открыли сообща на кооперативных началах книжную лавку, где продавалась политическая литература. Первая любовь закончилась ничем, лавка тоже просуществовала недолго.

В 1918 году Мао переехал в Пекин, где поступил на работу в библиотеку Пекинского университета, начал участвовать в работе марксистского кружка и окончательно превратился в коммуниста и революционера, но не пылкого и пламенного, а трезвомыслящего и расчетливого.

Спустя два года Мао вернулся в Чанша, сделался директором начальной школы и женился (как он сам считал — в первый раз) на Ян Кайхуэй, дочери одного из своих бывших учителей — профессора Ян Чанцзи.

Летом 1921 года в городе Шанхае состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Китая, на котором присутствовало всего тринадцать делегатов (чертова дюжина в Китае несчастливым числом не считается). В числе этих делегатов, представлявших шесть коммунистических организаций, а говоря точнее — кружков, был и Мао Цзэдун. Он представлял на съезде хунаньскую организацию. В 1923 году на III съезде Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна избрали членом ЦК партии. Первый шаг к заоблачным высотам партийной карьеры был сделан.

Мао Цзэдун был первым коммунистом, которому удалось адаптировать марксизм к китайскому менталитету, опирающемуся на конфуцианство и древние культурные традиции.

Женившись, Мао Цзэдун не оставлял своим вниманием других женщин. Так, например, в Чанша у него был довольно продолжительный роман с одной из соседок — женой молодого коммунистического активиста Лин Лисаня. (Лин Лисань «дорастет» до секретаря Центрального Комитета КПК и, обвиненный в ревизионизме, покончит жизнь самоубийством в 1967 году.)

Ян Кайхуэй родила мужу троих сыновей. Она помогала мужу в партийной работе, выступая в роли казначея парторганизации, а при необходимости — и связника. Во время правления Чан Кайши, когда повсюду казнили коммунистов, Ян Кайхуэй была арестована. Ее принуждали отречься от супруга-коммуниста, но смелая женщина наотрез отказалась и была расстреляна. Ходили слухи, что Мао якобы мог спасти жену, но не захотел рисковать жизнями своих бойцов в личных целях.

Мао в 1931 году.

Узнав о смерти жены, Мао, по китайской традиции, излил свое горе в стихах: «Я потерял горячку Ян, благородный муж остался без своего прямого тополька...»

Их младший сын, Аньлун, вскоре погиб, а старшего Аньина и среднего Аньцина Мао удалось в 1937 году переправить в Москву. Вначале дети Мао Цзэдуна жили в подмосковном Монино, а затем переехали в интернациональный детский дом в городе Иваново.

Когда в конце 1941 года Аньину предложили принять советское гражданство, он отказался, заявив: «Я китаец! Я люблю свою родину и готов вернуться домой по первому ее зову», но вскоре после этого послал Иосифу Сталину письмо с просьбой об отправке его на фронт. Просьбу удовлетворили — Аньин проучился некоторое время в военно-политическом училище, вступил в ВКП(б) и в звании лейтенанта был направлен на фронт политруком танковой роты. Вернувшись после победы домой, в Китай, Аньин вскоре отправился на войну в Корею, где и погиб.

На смену Ян пришла Хэ Цзычжэнь, с которой Мао встретился в 1927 году у подножия горы Цзинганшань в уезде Юнсинь, после одного из крестьянских восстаний. Семнадцатилетняя красавица Хэ Цзычжэнь, происходившая из семьи деревенских бунтарей, руководила местными комсомольцами, была одной из активисток крестьянской самообороны и вообще пользовалась среди земляков огромным авторитетом. Мог ли Мао желать лучшей подруги?

*Второй сын Мао и Ян —
Аньин с женой Ли Сонглин.*

Красавица сама сделала первый шаг к знакомству и сближению. Когда Мао во главе революционного полка прибыл в уезд, Хэ в тот же вечер прислала ему пару гусей и две фляжки водки. Тронутый подобной заботой, Мао пригласил ее остаться ужинать, и прямо во время трапезы они сблизились настолько, что Хэ пробыла у него до утра.

На рассвете, встав с постели, Мао объявил товарищам, что они с Хэ полюбили друг друга и их товарищеская приязнь переросла в супружескую любовь, что знаменует начало совместной жизни в революционной борьбе. Спустя год у них родилась первая дочь. Всего Хэ родила Мао в Китае шестерых детей, которых из-за трудных условий революционной борьбы приходилось оставлять на воспитание в крестьянских семьях.

Хэ провела рядом с Мао десять самых трудных лет в его жизни — период создания первых «коммунистических» районов в Китае и становления Китайской Народной армии.

Успехи коммунистических повстанцев в первую очередь объяснялись проведением разумной аграрной политики в занятых ими уездах, а во вторую — соблюдением строгой дисциплины в рядах народной армии. Это была первая армия за всю историю существования Китая, в которой были строжайше запрещены привычные для солдат поборы с населения. «Быстрое выполнение приказов. Никаких реквизиций у беднейшего крестьянства. Имущество, изъятое у помещиков, поставляется непосредственно правительству», — таковы были три основных положения, составлявшие главнейшие обязанности военнослужащего.

Для Коммунистической партии Китая, так же, впрочем, как и для всех других партий, были характерны вечные склоки, постоянные сведения счетов, взаимные обвинения (преимущественно в узости мышления и предательстве партийных интересов), фракционная борьба, обливание соперников грязью. Умный и проницательный Мао раньше остальных товарищей понял, что для достижения вершин власти непременно надо

иметь свою группировку в ЦК партии, и быстро создал такую, после чего его авторитет стал расти буквально как на дрожжах.

Товарищ по партии, Пэн Дэхуай, талантливый военачальник, впоследствии герой корейской войны, говорил: «Методы Мао очень жестоки. Если вы не подчинились ему, то он непременно изыщет способ, чтобы подчинить вас. Мао чрезмерно подчеркивает роль люмпенов, считая их авангардом революции».

Другой товарищ, Се Линсяо, рассказывал: «За глаза Мао Цзэдун называл Чжоу Эньлая (тогдашнего коммунистического вождя) «красным верховным владыкой» и «бюрократом». В душе он мечтал повергнуть Чжоу Эньлая, а в открытую делал вид, что желает видеть того генеральным секретарем партии. Но очень хитрый и коварный Чжоу Эньлай отвечал на это только улыбкой».

В политической карьере Мао были не только взлеты, но и падения, во время одного из которых дело даже дошло до исключения его из руководящего состава партии.

Хэ Цзычжэнь, бунтарка и активистка, изводила Мао ревностью и часто небезосновательно.

Годы лишений вкупе с ранениями и частыми беременностями превратили красавицу Хэ в преждевременно состарившуюся женщину и вдобавок не лучшим образом повлияли на ее характер. Хэ превратилась в сварливую фурию, изводившую мужа своей (заметим — небезосновательной) ревностью. Дело доходило до драк. «Мао плохо ко

мне относится, мы все время спорим, потом он хватается за скамейку, я — за стул!» — без стеснения жаловалась знакомым Хэ.

Однажды Хэ, будучи снова беременной, приревновала Мао сразу к двум соперницам — красавице-студентке из Пекина У Гуанхуэй и обаятельной американской журналистке Агнес Смэдди, бравшей у Мао интервью несколько вечеров подряд. Скандал вышел грандиозный, можно сказать, катастрофический. Чуть было не дошло до убийства: Хэ, для которой застрелить человека было столь же привычным делом, как и прихлопнуть комара, пригрозила отправить «этих бесстыжих потаскух, покушающихся на чужое добро» прямоком «в гости к Небесному Владыке», говоря проще, убить.

По одним сведениям, она собиралась пристрелить соперниц сама, по другим — намеревалась поручить это дело своим телохранителям.

Мао поступил мудро — прогнал с глаз долой всех троих. Хэ поначалу собирались отослать в Шанхай, однако она отказалась, испугавшись наступавших японцев, и отбыла в Советский Союз. Очередной сын Мао родился уже в Москве. Было это в 1938 году, когда в Москве выдалась холодная зима. Новорожденный сын Мао простудился и умер, а Хэ принялась бомбардировать письмами Центральный Комитет КПК, умоляя разрешить ей вернуться на родину.

Мао, которому не хотелось видеть вблизи себя сварливую и увядшую Хэ, не давал разрешения на ее возвращение, но, решив скрасить одиночество супруги на чужбине, отправил к ней разысканную в одной из крестьянских семей их маленькую дочь Цяо Цяо — единственного их ребенка, которого смог найти.

Страдания Хэ Цзычжэнь, с которой обращались не как с супругой видного иностранного коммунистического деятеля, а как с обычной советской гражданкой, не закончились со смертью сына. Однажды Цяо Цяо, находившаяся в яслях, тяжело заболела. «Скорая помощь» доставила ее в одну из детских больниц, где то ли нерадивый, то ли некомпетентный, то ли попросту нетрезвый врач констатировал смерть и отправил живого ребенка в морг, где Цяо Цяо и нашла мать. Экспрессивная, не отличавшаяся сдержанностью Хэ отправилась к главному врачу и закатила ему скандал в своем обычном стиле. Итог был печален — беснующуюся Хэ отправили в психиатрическую лечебницу, где она провела шесть долгих лет. Лишь в 1947 году один из высокопоставленных китайских коммунистов, Ван Цзясян, прибыв в Москву и совершенно случайно узнав о местонахождении Хэ, вызволил ее из лечебницы и, получив разрешение у Мао, лично сопроводил в Китай. На возвращение Хэ на родину Мао

согласие дал, но при этом назначил Хэ для проживания город Харбин, подальше от собственной персоны.

Настойчивая Хэ Цзычжэнь, прожив в Харбине около двух лет, обманула своих «стражей» и в 1949 году приехала в город Тяньцзинь, расположенный всего лишь в ста километрах от Пекина. Однако в столицу ее так и не пустили — задержали в Тяньцзине и отправили в Шанхай продолжать «лечение» под присмотром врачей в изолированном от мира особняке. А вот дочь Цяо Цяо Мао пригрел под своим крылышком, причем его новая пассия, главная женщина в жизни Мао, носившая неофициальный титул «императрицы красной столицы», Цзян Цин, прониклась участием к девочке настолько, что даже дала ей свою девичью фамилию Ли и новое имя — Минь. Этот факт привел к тому, что впоследствии некоторые биографы Мао стали считать Ли Минь старшей дочерью Цзян Цин.

Несгибаемая Хэ Цзычжэнь смогла покинуть свою темницу и перебраться в Пекин лишь в конце 1976 года, после смерти Мао и ареста Цзян Цин. По приезду в Пекин Хэ Цзычжэнь в качестве признания ее заслуг получила почетную должность, по сути, синекуру, став членом Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая — своеобразной совещательной палаты при китайском парламенте. Умерла она в 1984 году.

*Мао Цзэдун с Ли Минь
рассматривают фотоальбом,
лето 1951 г.*

Вернемся, однако, в 1937 год. Избавившись от Хэ, любвеобильный Мао тут же ввел в свой дом в Яньане известную шанхайскую актрису Лан Пинь, имевшую репутацию ветреной распутницы и опытной сердцеедки. Мужчины влюблялись в нее сразу и навсегда и порой оказывались не в силах пережить расставание. Так, например, второй муж Лан Пинь, популярный актер Тан На, попытался покончить с собой после того, как Лан Пинь ушла от него к режиссеру. Несчастный Тан На снял номер в гостинице, растолок спичечные головки в бутылке спирта и выпил эту смесь, чудом оставшись в живых. После этого случая с подачи шанхайской

бульварной прессы Лан Пинь прозвали «хитрой деревенщиной».

Лан Пинь и впрямь приехала в Шанхай из деревни. От рождения она носила имя Ли Юньхэ, сценический псевдоним Лан Пинь появился много позже. Она родилась в семье мелкого предпринимателя из провинции Шаньдун в 1914 году. Ее мать была самой младшей, шестой по счету, женой Ли и оттого, согласно китайским обычаям, наиболее бесправной. Однажды, не в силах более терпеть жестокое обращение, она сбежала, и малютку Лан Пинь отдали на воспитание бабушке и дедушке.

В четырнадцать лет Лан Пинь поступила на театральные курсы, через два года вышла замуж за богатого торговца, но брак по расчету оказался недолгим. После развода Лан Пинь перебралась в Циндао, где начала карьеру киноактрисы, оборвавшуюся после скандального развода с Тан На.

Амбициозная Лан Пинь плюнула на кинематограф и решила начать жизнь с чистого листа в принципиально ином обществе, отправившись в ту часть Китая, где власть принадлежала коммунистам. Поговаривали, что поступок Лан Пинь не был продиктован одной лишь обидой, якобы она давно была связана с Компартией, выполняя разовые задания и поручения коммунистов.

Вообще в Яньань стекалось много молодых китайенок, привлеченных небывалой для тогдашнего феодального общества эмансипацией и романтическим образом революционеров. Однако таких красоток, как Лан Пинь, надо было поискать: тонкая и гибкая, как побег лотоса, с правильными чертами лица, чувственными, слегка припухлыми губами и нежной, цвета слоновой кости, кожей.

Увидев Лан на одном из концертов, где она исполняла популярные арии, Мао воспылал страстью и пригласил ее на свою лекцию по марксизму-ленинизму. Лекции Лан Пинь понравились (Мао был превосходным оратором, умевшим «держать» аудиторию), вскоре Лан стала одной из самых прилежных слушательниц. Вполне возможно, впрочем, что интерес к лектору преобладал над интересом к предмету. Так или иначе, Мао и Лан стали задерживаться в землянке-классе после лекций, а вскоре Мао без труда затащил ее в свою постель.

Правда, некоторые биографы Мао Цзэдуна полагают, что это молодой карьеристке Лан Пинь с ее превосходным артистическим дарованием не составило труда соблазнить немолодого и огрубевшего сердцем в условиях трудной походной жизни мужчину. Другие совершенно справедливо возражают, заявляя, что Мао сам был талантливым актером, а уж в людях разбирался как никто другой.

Молодая актриса Лан Пинь, исполнявшая со сцены популярные арии, покорила Мао с первого взгляда.

По воспоминаниям соратников, в свои сорок пять лет Мао был весьма привлекательным мужчиной — словно налитый силой, уверенный в себе богатырь, все время пошучивающий и улыбающийся. Проницательный взгляд Мао, его мягкая улыбка и его обаяние истинного лидера не могли никого оставить равнодушными. Мао все делал превосходно - и очаровывал, и отчитывал за проступки.

В деле манипуляции людьми ему не было равных. Вероятнее всего, любовь Лан Пинь, настоящая любовь, так тронула Мао, что он впервые в жизни был готов пожертвовать даже своей репутацией в глазах товарищей по партии — ведь Мао открыто стал сожителем с Лан Пинь, будучи женат на другой женщине. И не просто женщине, а революционерке.

Лан с Мао поселились в «роскошной» жилой пещере из трех комнат и начали совместную жизнь. Лан приложила все усилия для того, чтобы превзойти всех предыдущих женщин Мао в искусстве обустройства домашнего очага. Несмотря на то что в их жилище не было и не могло быть ни водопровода, ни электричества, холодная пещера словно по мановению волшебной палочки преобразилась в уютное семейное гнездышко. Лан приказала облицевать земляные стены камнем, а пол вымостить кирпичом. Перед входом была устроена утрамбованная площадка, на которой появились стол и каменные скамейки. Лан Пинь отдала всю себя заботам о

быте обожаемого ею Мао. Она, словно ребенок перед строгим отцом, благоговела перед Мао и, как вспоминала позже, никогда, даже в самые интимные моменты, не позволяла себе называть его по имени — только Председателем. Лан Пинь оберегала Мао от бытовых невзгод, давая ему возможность сосредоточиться на главном — партийной работе, а точнее — на борьбе за власть. Она стала не только женой Мао, но и его секретарем, по мере своих сил помогая ему в работе. Постепенно Мао сильно привязался к Лан Пинь и решил сделать ее своей следующей (четвертой по счету, если не считать первого «добровольно-принудительного» брака) женой. Лан Пинь, совершенно лишенная моральных устоев, очень расчетливая и хитрая, ничего не делала понапрасну.

Надо сказать, что Лан Пинь была далеко не единственной актрисой, с которой Мао встречался в Яньане.

Чары Лан Пинь были так сильны, что ее муж, известный актер, узнав о том, что она уходит к другому, решил покончить с собой.

Известно, что еще до встречи с Лан у него был роман с двадцатилетней замужней актрисой Лили У. Мао вообще был очень любвеобильным, если не сказать сильнее. Так, одному из своих лечащих врачей он признался, что может прожить без секса лишь несколько дней. Постоянно проповедуя аскетизм, скромность и умеренность во всем, сам Мао не привык отказывать себе ни в чем. Так, уже став «великим кормчим», во время поездок по стране он и не думал сдерживать свою похоть, требуя от руководителей на местах поставлять ему молодых красивых девушек. После смерти Мао Цзэдуна много женщин обращалось

в Центральный Комитет КПК с просьбой о выдаче пособий на воспитание детей, отцом которых был Мао. Была даже создана специальная комиссия по рассмотрению этих прошений, которая признала подавляющее большинство заявлений женщин о близости с Мао правдивыми.

Симпатичная проводница Чжан Юйфэн, обслуживавшая спецпоезд Председателя Мао, понравившись, смогла внезапно вознестись на недостижимую высоту, вначале став личным секретарем Мао, а позже — секретарем Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая.

Мао Цзэдун —
большой шалун —
Он до сих пор не прочь кого-нибудь потискать, —
Заметив слабину,
меняет враз жену, —
И вот недавно докатился до артистки.
Он маху дал —
он похудал:
У ней открылся темперамент слишком бурный,
Не баба — зверь, —
она теперь
Вершит делами революции культурной...

В шуточной песенке главного советского барда Владимира Высоцкого, как и положено, присутствовала только доля шутки. Все остальное было правдой...

Когда Мао объявил о своем намерении жениться на Лан Пинь, товарищи по революционной борьбе его не поняли. Члены Политбюро, составлявшие вместе с Мао верховную коммунистическую власть, были против развода Мао Цзэдуна с Хэ Цзычжэнь, которая в то время находилась «на лечении» в Советском Союзе. Возражали они и против его женитьбы на женщине с весьма сомнительной репутацией, сменившей, по образному выражению одного из современников, «десять тысяч чужих постелей».

Кроме того, соратников Мао смущал буржуазный образ жизни, который вела Лан Пинь, и слухи о ее сотрудничестве с китайскими националистами из партии гоминьдан. Не исключено, что товарищи по партии попросту завидовали представительному красавцу Мао и его

исключительному успеху у женщин.

Вопрос о женитьбе Мао Цзэдуна обсуждался на заседании Политбюро как дело, имевшее огромное значение для партии. И Мао, с присущими ему твердостью и решительностью, сумел настоять на своем, заявив, что, несмотря ни на какие возражения, он вправе устраивать свою личную жизнь по своему собственному усмотрению, не спрашивая ни разрешения, ни совета.

Мао поддержал Кан Шэн, начальник разведки коммунистов и земляк Лан Пинь. Собранные им сведения о шанхайском прошлом новой невесты Мао сняли с нее все обвинения (не исключено, что Кан Шэн действовал в сговоре с Мао Цзэдуном), и товарищам пришлось дать Мао разрешение на брак, особо оговорив, что его жена должна заниматься домашним хозяйством и не лезть в политику.

Товарищи по партии не одобрили выбор Мао, но тот сумел убедить их в том, что вправе сам устраивать свою личную жизнь.

Оговорка была сделана не зря — товарищи по партии были склонны видеть в невесте Мао коварную расчетливую карьеристку, каковой, впрочем, она и была на самом деле.

«Ей нравилось чувствовать себя «в свете прожекторов», нравилось, чтобы ею восхищались, - вспоминал Ли Иньцао, бывший в Яньане телохранителем Мао. - Зимой все зябко кутались в вороха теплой одежды, а Цзян обязательно перешивала и подгоняла ее, чтобы подчеркнуть свою тоненькую фигурку. У нее были иссиня-черные волосы, перехваченные лентой и ниспадающие хвостом до середины спины, тонкие брови, ярко блестящие глаза, аккуратный носик и крупный, щедрый рот...»

Подчеркивая полный разрыв с прошлым и начало новой жизни, после свадьбы Лан Пинь взяла себе новое поэтичное имя Цзян Цин, которое

можно перевести как «Лазурный поток» или «Голубая река», и вступила в ряды Коммунистической партии. Чувствуя свою вину перед прежней женой Мао, долгое время делившую с мужем все тяготы и невзгоды революционной борьбы, Цзян Цин всегда утверждала, что она не несет никакой ответственности за развод Мао Цзэдуна с Хэ Цзычжэнь. «Когда я приехала в Яньань, Мао не жил со своей женой уже больше года, — говорила Цзян Цин. — Они были разведены, и она лечилась в Советском Союзе». О самой Хэ Цзычжэнь она отзывалась как об ограниченной, взбалмошной и упрямой женщине, совершенно не способной понять богатство внутреннего мира Мао и оценить его по заслугам.

*Цзян Цин блистательно
принялась играть роль
тихой домохозяйки.*

Цзян Цин была хитра и осторожна. К тому же она была актрисой, умеющей профессионально притворяться. Ей прекрасно удалась роль тихой и неприметной домохозяйки. Бдительность соратников Мао была усыплена, а тем временем влияние Цзян Цин на Мао все росло и росло.

Неожиданно для окружающих бывшая актриса оказалась прекрасной матерью — заботливой и внимательной. Когда у Цзян Цин и Мао родилась дочь, жена почти перестала появляться на людях, целиком посвятив себя воспитанию маленькой Ли На.

Первые десять лет совместной жизни с Мао (с сороковых годов прошлого века до начала пятидесятых) Цзян Цин скромно держалась в тени своего мужа. Она не участвовала ни в каких публичных мероприятиях и не стремилась вылезти в первые ряды, довольствуясь весьма скромной, можно даже сказать рядовой должностью заместителя заведующего сектором литературы и искусства в Центральном Комитете, продолжая, по сути, оставаться тем же, кем и была — личным секретарем Мао.

Перемена в отношении к жене произошла у Мао внезапно, если не сказать скоропалительно. Мао перестал видеть в ней женщину после того,

как Цзян Цин удалили матку из-за начинавшегося рака.

Мао откровенничал со своим ближайшим окружением: «Семейная жизнь у меня опять не сложилась. Цзян Цин моя жена, будь она лишь моей сотрудницей, я бы тотчас избавился от нее...»

Цзян Цин впала в тяжелейшую депрессию. Это можно было понять — ведь она лишилась как внимания мужа, так и карьерных перспектив. Тяжесть ее горя усугублялась множеством молодых любовниц Мао, который к шестидесяти годам совершенно распоясался и буквально дня не мог прожить без новой одалиски, следуя даосским рекомендациям, согласно которым, тому, кто стремится продлить свою жизнь, следует почаще обращаться непосредственно к источнику жизни — молодому женскому телу. Мао, собиравшийся жить чуть ли не вечно («Я не предстану перед Марксом раньше, чем мы догоним и перегоним Америку!» — самонадеянно заявлял он), выполнял этот совет с огромным удовольствием. Цзян Цин говорила о муже:

«Он очень любвеобилен и не пропускает ни одной женщины. Его мудрый разум никогда не восстанет против плотских утех, а девушек, готовых пожертвовать чем угодно, чтобы доказать ему свою преданность, более чем достаточно».

Мао Цзэдун делал все возможное для того, чтобы скрыть от посторонних глаз свою частную жизнь, окружая ее густой, поистине непроницаемой завесой тумана. От своих приближенных он требовал никогда никому не рассказывать о том, что происходит в его «императорских» покоях. Был случай — один из секретарей Мао, попавший в опалу за какую-то провинность и отстраненный от дел, в разговоре со своим другом принялся рассказывать о беспутстве вождя, желая хоть как-то отомстить ему. Молодого человека чуть не расстреляли за клевету и лишь в последний момент заменили смертную казнь тюремным заключением.

Мао скрывал свои похождения не потому, что стеснялся своих соратников по партии. Он их презирал, видя в них лишь угодливых слуг и покорных исполнителей его воли. Любимым выражением Председателя было: «Надо мной нет ни Неба, ни Закона». Причины столь высокой секретности были иными — Мао не хотел пятнать свой облик Вождя и ронять авторитет в глазах китайского народа, ведь согласно конфуцианским традициям, которыми и поныне руководствуются китайцы, умеренность есть одна из высших добродетелей и является неременным качеством благородного мужа.

Лан Пинь 1930 год.

Мао Цзэдун, как и все диктаторы, отличался недоверчивостью и подозрительностью. Он подозревал всех, всех без исключения, причем подозрительность эта со временем приобрела поистине маниакальные формы. Мао повсюду мерещились заговоры и покушения, он окружил себя огромным количеством телохранителей, а во время своих поездок останавливался только в специально построенных для него домах.

Нередко он со всей многочисленной челядью внезапно покидал отведенную ему резиденцию, заподозрив что-либо. Осторожность Мао доходила до того, что он остерегался купаться в сооруженных для него на местах бассейнах, опасаясь, что вода в них может быть отравленной. Лишь в реке Янцзы он плавал безбоязненно почти до самой своей смерти, демонстрируя народу свое могучее здоровье.

Во время своих поездок Председатель часто менял маршрут следования, чтобы не оставить врагам возможности устроить покушение. Должно быть, Мао хорошо сознавал, сколько страданий он доставил своим подданным, и никогда не обольщался показными изъятиями «горячей

народной любви».

В апреле — июне 1945 года в Яньани проходила работа VII съезда Коммунистической партии Китая.

*«Надо мной нет ни Неба,
ни Закона», —
любил повторять Мао.*

Мао Цзэдун председательствовал на нем. Он выступил с отчетом Центрального Комитета, а новый устав партии представил Лю Шаоци, сказавший: «Идеи Мао Цзэдуна представляют единство марксистской теории с практикой китайской революции, это китайский коммунизм, китайский марксизм. Идеи Мао Цзэдуна - это дальнейшее развитие марксизма в национально-демократической революции в колониальных, полуколониальных и полуфеодальных странах в современную эпоху, это превосходный пример национального марксизма».

В новый устав записали, что «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна». На последовавшем после съезда пленуме Центрального Комитета партии Мао Цзэдун был избран его Председателем ЦК партии. До последних дней своих, до сентября 1976 года, он пробудет на этом посту. Отныне и навсегда Мао Цзэдун стал Председателем Мао.

Вторая половина 1950-х годов стала периодом укрепления власти Председателя, периодом превращения его в подлинного диктатора. После смерти «бессмертного» Иосифа Сталина в мировом коммунистическом лагере начались разброд и шатание. В Москве, желая свести счеты с мертвым вождем народов, Никита Хрущев принялся активно развенчивать «культ личности Сталина». Надо сказать, что доклад советского Генерального секретаря на XX съезде КПСС произвел на китайцев поистине ошеломляющее впечатление. В рядах КПК началось брожение, вот-вот грозящее привести к расколу. По аналогии с развенчанием культа личности Сталина маршал Пэн Дэхуай, поддержанный многими партийными и военными деятелями, предложил изъять из устава Коммунистической партии Китая самые главные слова, называющие идеи

Мао Цзэдуна идеологической основой коммунистического учения, покусившись тем самым на святая святых — власть Председателя Мао.

Для укрепления веры в непогрешимость и величие вождя понадобились великие деяния. Мао объявил «большой скачок» в экономике и тотальную коммунизацию деревни. Великие деяния Мао очень дорого обошлись китайцам, отбросив страну на десятки, если не на сотни лет назад.

Для того чтобы доказать свою любовь и преданность Мао, Цзян Цин была готова на все. Пришло время — и такая возможность представилась.

В 1965 году Мао замыслил избавиться от множества своих соратников, в которых он видел не соратников, а политических противников, потенциальных посягателей на его власть. Как и положено правителю огромной страны, Мао действовал с размахом, достойным императоров древности — разжег пламя «великой пролетарской культурной революции». Сам он рук пачкать не захотел — доверил проведение культурной революции Цзян Цин, чтобы было впоследствии на кого списать все грехи.

«Соломенная вдова» не подкачала. Польщенная доверием вождя, в обстановке строжайшей секретности она подготовила кампанию против «каппутистов» и «ревизионистов», «идущих по капиталистическому пути», а затем с полного одобрения Мао призвала молодежь «свергать буржуазные элементы» — интеллигенцию и старые партийные кадры. «С молотом в руке, подняв сжатый кулак, я пошла в наступление на все старое!» - вопила с трибун Цзян Цин.

*Ради Мао Цзян Цин
была готова на все.*

Могла ли актриса Лан Пинь мечтать о той популярности, которую получила Цзян Цин? Для китайской молодежи семидесятых годов прошлого века она была кумиром, лидером, вдохновителем. Для того чтобы было проще ломать отжившую свой век буржуазную культуру и «перевоспитывать» врагов и ренегатов, студенты и школьники организовывались в отряды хунвэйбинов («красных охранников» или «красных стражей»).

От скорого несправедливого суда сторонников новой революционной культуры и следовавшей за судом жестокой расправы не был застрахован никто - ни высокопоставленные чиновники, ни профессора университетов, ни известные актеры, не говоря уже о простых гражданах. Судьи, как правило, выбирали между ссылкой в деревню на «перевоспитание», тюремным заключением или казнью на месте. Систематический подсчет жертв не велся, но наиболее авторитетные источники склонны утверждать, что «культурная революция» унесла жизни более чем двадцати миллионов китайцев. Как писал о том времени известный биограф Мао Филип Шорт, «никто, включая самых близких Председателю людей, не знал, что заставило его избрать такую непостижимо сложную и беспощадную тактику. Еще менее предсказуемым был ее конечный результат».

Главной ударной силой «культурной революции» стали отряды хунвэйбинов и цзяофаней («бунтарей»). Как тут снова не вспомнить Владимира Высоцкого:

Возле города Пекина
Ходят-бродят хунвэйбины,
И старинные картины
Ищут-рыщут хунвэйбины, —
И не то чтоб хунвэйбины
Любят статуи, картины:
Вместо статуй будут урны
«Революции культурной»...

Ставка в революции была сделана на молодежь, слепо преданную Председателю Мао и нетерпимую ко всему старому. К этому времени культ Мао достиг своего апогея.

Молодежь росла и воспитывалась в условиях невиданного доселе по масштабам восхваления «великого кормчего» и фанатичного, какого-то языческого преклонения перед ним, как перед живым божеством.

Мао был везде, Мао был всем, Мао был непогрешим. Его ближайший сподвижник (если не сказать «прихвостень») Линь Бяо говорил: «Председатель Мао пользуется самым большим авторитетом в стране и мире, он наиболее выдающаяся, величайшая личность. Положения, труды и революционный опыт Председателя Мао показали, что это великий пролетарский гений. Отдельные лица не признают гения, но эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом. Председатель Мао - гений».

Весь Китай носил куртки «под Мао» и прическу «под Мао», штудировал его карманные цитатники, кланялся портретам Мао и докладывал этим портретам о своих достижениях и ошибках. Каждый день любого китайца, независимо от возраста и общественного положения, начинался и заканчивался коллективным чтением высказываний «великого кормчего».

Зачин «культурной революции» положила молодежь. В конце мая 1966 года семь аспирантов философского факультета пекинского университета вывесили дацзыбао - большой настенный плакат, в котором подвергли суровой критике партком и ректорат. Текст дацзыбао появился в газете «Жэньминь жибао», положив начало шумной пропагандистской кампании в масштабах всей страны. 29 мая в Пекине появились первые хунвэйбины — двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатилетние учащиеся средних школ с красными повязками на рукаве.

Мао с семьей.

Занятия в школах и институтах были прерваны на много месяцев, чтобы не отвлекать учащихся от «культурной революции». Профессоров и преподавателей, артистов и писателей, инженеров и врачей, а чуть позже и видных партийных и государственных деятелей начинают судить «судом народа» и расправляться с ними.

Вот что тогда писали китайские газеты: «Ученики могут помочь революционизации учителей. В рядах учителей имеется часть пролетарских, революционных, смелых элементов. У большинства учителей пролетарское мировоззрение еще не окончательно заменило буржуазное. Имеется еще и группка нечисти, настроенной против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна. Мы должны под руководством партии, опираясь на левые элементы, имеющиеся среди учителей, в процессе упорной работы постепенно сплотить большинство учителей, до конца обнажать, критиковать, уничтожать всю нечисть».

День солдата революции делился надвое — заучивание цитат Председателя Мао и чтение свежих дацзыбао «гармонично» сочетались с бесчинствами, погромами и убийствами.

Активисты пекинского университета Цинхуа опубликовали в одном из журналов статью, в которой заявляли: «Тысячи и тысячи положений марксизма в конце концов сводятся к одному: «Бунт — дело правое». В этом — сама душа идей Мао Цзэдуна. Основным и самым драгоценным качеством революционных пролетариев является отвага. Они должны смело думать, говорить и действовать, чтобы преодолеть все преграды и завершить революцию.

Мы полны решимости бунтовать, и вам ничто не поможет. Вы полагаете, что мы чрезмерно дерзки. Именно такими мы и хотим быть. Председатель Мао говорит: «Тех, кто занимает высокие посты, следует ценить не дороже, чем пыль». Мы намерены нанести удар не только по реакционерам университета, но и всего мира. Преобразование мира — вот задача революционера».

К началу 1967 года «культурная революция» охватила весь Китай. В стране началась разруха. К осени того же года хаос правил страной, а Мао благосклонно взирал на это. Взирал, надо сказать, четко держа руку на пульсе Китая — стоило Мао почувствовать, что ситуация начала выходить из-под контроля, как он принял меры — возобновил деятельность Коммунистической партии, а вскоре запретил и само движение хунвэйбинов.

В апреле 1969 года состоялся IX съезд КПК. С политическим отчетом на нем выступил Линь Бяо. В его докладе и новом уставе Коммунистической партии Китая, принятом на съезде, вся история партии связывалась с деятельностью только одного человека — Мао Цзэдуна. Устав провозглашал Мао «вождем партии», а преданность ему объявил законом жизни.

Одновременно вырос авторитет Цзян Цин, усилилось ее влияние, достигнув поистине небывалых высот. Ее приказы исполнялись мгновенно. Ее мнением интересовались по любому поводу. Повсюду шли оперы, поставленные по ее примитивным либретто, и главными героинями этих опер в большинстве своем были женщины, у которых могло не быть мужа и детей, но зато был Мао - «великий кормчий».

*Из «верного товарища»
Цзян Цин превратилась
в «кровавую Цзян».*

Уже после ареста Цзян Цин главная китайская газета «Жэньминь жибао», орган Центрального Комитета партии, сообщала о том, что в период «культурной революции» жена Мао всячески стремилась ликвидировать следы своего неблагоприятного прошлого, поручая своим агентам совершать обыски в домах, где могли находиться компрометирующие ее фотографии и документы, относящиеся к шанхайскому периоду ее жизни. В статье открыто говорилось о том, что Цзян Цин тесно сотрудничала с буржуазными националистами из партии гоминьдан. Впрочем, обвинение это было весьма стандартным для того времени.

Громя тех, кто еще продолжал «служить горстке помещиков, кулаков,

контрреволюционеров, правых и буржуазных элементов», жена Председателя Мао попутно разделялась и с личными врагами. Жестокая и беспринципная Цзян Цин не ведала сомнений, руководствуясь своими желаниями и «политическим чутьем». Она кичилась своим невежеством, с гордостью упоминая о том, что у нее самой не было никакого образования, если не считать трех месяцев обучения в драматической школе в Цзинани в юные годы — во времена «культурной революции» отсутствие образования было достоинством, а не недостатком.

Не вмешиваясь особо в дела Цзян Цин и предоставив ей возможность тешить самолюбие, Мао отдалил жену от себя. По его личному приказу в самый разгар «культурной революции» Цзян Цин переселили из резиденции Чжуннаньхай, где жил Мао, в правительственный городок, расположенный в одном из пригородов Пекина. Одним переселением дело не закончилось — отныне Цзян Цин не могла встречаться с мужем, не получив на это особого разрешения Канцелярии Центрального Комитета партии.

Гениальный ход, не правда ли? Мао не только спровадил постылую жену подальше от себя, но и демонстративно («моя хата с краю») отдалился от нее, словно размежевавшись с ее деяниями, что впоследствии сделало его непричастным ко всем жестокостям и перегибам «культурной революции», в которых обвинили Цзян Цин.

Опала наступила в 1972 году, когда Мао счел, что «культурная революция» полностью выполнила свою задачу, уничтожив всех его противников. Как гром среди ясного неба прозвучало выступление Председателя Мао, в котором он критиковал тех, кто столь неудачно, со многими ошибками проводил «культурную революцию». Имя Цзян Цин не было упомянуто в речи Мао, но всем и без того было понятно, о ком в первую очередь шла речь.

Из «верного товарища» Цзян Цин превратилась в «кровавую Цзян». Поползли слухи о ее многочисленных любовниках, к которым причисляли и руководителя китайской госбезопасности (того самого Кан Шэна), и известных спортсменов, и солистов балета...

Поговаривали, что все эти слухи распространялись с высочайшего одобрения новой фавориткой Мао, восемнадцатилетней проводницей правительственного спецпоезда Чжан Юфэн, о которой уже было упомянуто. Прелестница Чжан, в которую престарелый Председатель влюбился, как принято говорить, «по уши», стала едва ли не первым человеком в государстве. Именно она решала, кого можно допускать к Мао, а кого нельзя, и никто не мог приблизиться к вождю без ее дозволения.

Опасаясь создания оппозиции, могущей положить конец его правлению, Мао Цзэдун сделал очередной гениальный политический ход, на которые он был мастер. С его ведома и одобрения Цзян Цин встала во главе оппозиции, примерив на себя роль «красной императрицы», готовившейся унаследовать трон после кончины своего мужа.

Цзян Цин с удовольствием включилась в игру. Мао напоказ изображал великую ревность, а втайне радовался тому, как удачно он подsunул оппозиции лидера, полностью подконтрольного ему самому. Пока оппозиционеры дрались между собой за власть, Мао мог чувствовать себя в безопасности.

Выявляя при помощи Цзян Цин скрытых врагов, под самый конец жизни Мао возжелал расправиться и с ней самой, для чего дал соответствующее поручение Кан Шэну, своему вечному руководителю госбезопасности, найти неопровержимые доказательства принадлежности Цзян Цин к гоминьдановской агентуре. Кан Шэн не сработался бы с Мао и не проработал бы с ним всю свою жизнь, если бы не понимал Председателя с полуслова. Доказательства были собраны, и только смерть Кан Шэна и последовавшая вскоре кончина самого Председателя Мао помешали пустить их в дело.

Мао Цзэдун умер в ночь на 9 сентября 1976 года, не дожив всего трех месяцев до своего восьмидесятитрехлетия. Траурная церемония прощания с Председателем проходила в большом зале Дома народных собраний на площади Тяньаньмэнь. Все приходившие отдать последнюю дань памяти Мао Цзэдуна возлагали к основанию постаменту, на котором был установлен гроб с его телом, траурные венки. Цзян Цин якобы собственноручно изготовила белые (белый цвет в Китае — цвет траура) бумажные цветы для одного из таких венков, снабдив его надписью на черной ленте: «Моему учителю, Председателю Мао Цзэдуну от ученицы и товарища Цзян Цин».

Далее на ленте перечислялись имена членов семьи Мао, среди которых не оказалось имени одной из двоюродных сестер Мао — Ван Хайжун. Обнаружив это, Ван Хайжун затеяла с Цзян Цин перебранку, в которой обе стороны не стеснялись в выражениях. От слов дамы перешли к делу и вцепились друг другу в волосы. В результате потасовки Ван Хайжун удалось содрать с Цзян Цин парик, выставив на всеобщее обозрение ее лысую голову (волосы Цзян выпали еще во время послеоперационных курсов облучения). Вышел огромный конфуз.

Доклад Кан Шэна не пропал втуне, но оказался в руках тех, кто задумал избавиться от Цзян Цин и еще трех известных китайских

политиков — Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэня и Яо Вэньюаня. В ночь на 6 октября 1976 года, меньше чем через месяц после смерти Мао Цзэдуна, все они были арестованы по обвинению в подготовке государственного переворота, целью которого являлся захват поста председателя партии Цзян Цин. Так закатилась «Красная звезда» (одно из прозвищ Цзян Цин) и появилась пресловутая «банда четырех»...

В ноябре 1980 года начался судебный процесс «банды четырех». Ему предшествовала грандиозная подготовительная работа: демонстрация документальных фильмов об ужасах «культурной революции» по китайскому телевидению, публикация в прессе воспоминаний невинных жертв и тому подобное.

Также в китайских газетах появились откровения бывших приближенных «красной императрицы», когда-то ею обиженных или считавших себя обиженными. Грязным бельем вдовы Председателя Мао трясли на весь Китай. Огласке был предан даже тот факт, что у Цзян Цин на правой ноге было шесть пальцев, что еще больше ухудшило отношение китайцев, с брезгливостью относящихся ко всякого рода уродствам, к «кровавой Цзян».

На суде нервы Цзян Цин не выдержали.

«Я делала только то, что говорил Председатель Мао! — истерично кричала вдова в ответ на обвинения. — Я делала это из любви к Председателю! Я была его верной собакой — кусала тех, кого он приказывал кусать!»

Исход процесса был предрешен — в январе 1981 года вся «банда четырех» была приговорена к смертной казни. «Да здравствует Мао!» — заявила Цзян Цин, выслушав приговор.

Неожиданно для многих смертный приговор участникам «банды четырех» был заменен на пожизненное заключение.

После недолгого содержания в одной из пекинских тюрем Цзян Цин поместили в охраняемый пекинский особняк, полностью изолировав ее от внешнего мира и разрешив нечастые встречи с дочерью. Спустя десять лет, 4 мая 1991 года, вдова Председателя Мао повесилась на поясе от собственного халата.

Мао и Ричард Никсон.

Мао Цзэдуну удалось избежать участи многих диктаторов, память которых после их смерти бывшие подданные предавали поруганию. Авторитет «великого кормчего» в Китае высок и поныне. Ошибки и «перегибы» «великого кормчего» забыты, а его заслуги, главная из которых — превращение Китая в одну из ведущих мировых держав, всячески превозносятся.

От древности до наших времен сохранилась в Китае вера в то, что достойные люди после своей смерти становятся духами, покровительствующими жителям той или иной провинции или хотя бы селения. Если это верно, то дух «великого кормчего» поныне покровительствует всему Китаю. Тиран остался в народной памяти Председателем Мао, Дедушкой Мао, «великим кормчим», ведущим свою ладью сквозь время и пространство... Китайцы мудры — они понимают важность и значение идеалов, пусть даже спорных и весьма сомнительных.

А вот о Цзян Цин редко можно услышать в Китае хорошее слово. Сейчас вообще мало кто вспоминает ее — «красную императрицу великой страны», некогда легкомысленную шанхайскую актрису, которой однажды удалось вытащить в лотерее судьбы призовой билет, и лишь на закате жизни смогла она понять, что билет этот оказался фальшивым...

Йозеф Геббельс, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха

...пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Яне повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти.

Второзаконие 18:20

Настоящее имя — Пауль Йозеф Геббельс

Характер — нордический

Темперамент — холерический

Религия — христианин-католик

Отношение к власти — жадное

Отношение к подданным — снисходительное

Отношение к любви — сочетание искренности с непостоянством

Отношение к лести — критичное

Отношение к материальным благам — восторженное

Отношение к собственной репутации — внимательное

Йозеф Геббельс, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха (1897-1945)

*Йозеф Геббельс.
Фото: Генрих Хоффман.*

Они жили долго и счастливо и умерли в один день...

Йозеф и Магда Геббельс были самой образцовой семьей Третьего рейха. Иначе и быть не могло, ведь свидетелем на их свадьбе был не кто иной, как сам фюрер Адольф Гитлер. Портреты старшей дочери Геббельсов Хельги не сходили с обложек немецких журналов. Частенько появлялись в прессе фотографии и всего семейства, большого и дружного. Пять дочерей и сына родила Магда Йозефу. Имена всех начинались с немецкой буквы «Н», так Магда выражала свое почтение фюреру, чья фамилия начиналась с той же буквы.

Геббельс любил своих детей, гордился ими и всегда старался находить время для игр и общения. Не обходил вниманием и пасынка Гаральда, сына Магды от первого брака.

Йозеф Геббельс познакомился с Магдой Квандт в 1930 году, к тому времени она успела побывать замужем за богатым промышленником Гюнтером Квандтом, родить в браке сына и развестись.

После развода Магда быстро заскучала (работать ей не было необходимости, так как бывший муж содержал ее и после развода, выдавая по четыре тысячи марок в месяц) и вскоре вступила в НСДАП, где из рядовых членов быстро выбилась в активистки. Партийная работа и свела ее с гауляйтером Берлина и депутатом рейхстага Йозефом Геббельсом. Магда была красивой, элегантной, богатой и щедрой на ласки. Вдобавок она обладала утонченными светскими манерами, привитыми прежним мужем, и полностью разделяла идеи национал-социализма. Надо ли говорить, что Геббельс пленился ею, что называется, с первого взгляда.

Геббельс был опытным сердцеедом. Ничем не выказывая своих чувств, он приблизил Магду к себе, поручив ей обработку секретных документов и ведение его личного архива. Заниматься этим Магде приходилось в кабинете Геббельса. Пылкая секретарша, польщенная столь высоким доверием, просто не могла, не имела права не влюбиться в ответственного партийного руководителя, который оказался так добр и внимателен к ней.

Плод созрел и упал в подставленную ладонь. Совсем скоро Магда и Йозеф стали любовниками, а в декабре 1931 года — мужем и женой.

Их трепетная любовь друг к другу стала чуть ли не главной темой для обсуждения в берлинском светском обществе. Йозеф на людях называл Магду не иначе как «мой ангелочек», а она его — «мой сладенький».

Чета Геббельсов неукоснительно следовала библейскому завету «плодитесь и размножайтесь», тем паче что того же требовал от них и фюрер. Магда весьма снисходительно относилась к тому, что, пока она ходила беременной, Геббельс развлекался со многими красивыми женщинами, преимущественно из артистических кругов (театр и кино находились в ведении рейхсминистра пропаганды). Их брак был незыблем, а счастье, казалось, будет длиться вечно.

Но не все, что хорошо начинается, также хорошо и заканчивается.

«Уж если нам придется когда-либо уходить с исторической сцены, — сказал однажды фюрер, — мы постараемся так хлопнуть дверью, что вся земля содрогнется!»

В январе 1945 года Геббельс попытался утешить свою жену словами немецкого императора Фридриха Великого, который сказал: «Попадая в отчаянную ситуацию, попытайтесь мысленно взглянуть на окружающее как бы с далекой звезды; тогда текущие события, да и вся наша планета покажутся нам совершенно ничтожными — а ведь они так нас пугают, пока мы видим их вблизи!» Фрау Геббельс не стала оспаривать слова императора, ограничившись напоминанием о том, что у Фридриха Великого не было детей.

В феврале 1945 года Геббельс предложил Магде уехать с детьми в Западную Германию, чтобы оказаться потом у англичан с американцами, но она, не раздумывая, отвергла это предложение, заявив, что без мужа никуда не поедет.

«Я не могу покинуть Йозефа, я должна умереть вместе с ним и фюрером. А если я умру, то и мои дети должны умереть со мной. Все, без исключения. Мне невыносима мысль о том, что останется в живых хоть один из них, хотя бы и с тобой», - сказала Магда сестре Геббельса, Марии

Киммих, в ответ на предложение взять на воспитание самую младшую из дочерей, чтобы сохранить ей жизнь.

*Фрау Магда полностью
равделяла идеи мужа.*

Следуя за мужем, Магда поселилась с детьми в бункере Гитлера. Один из обитателей бункера вспоминал о ней так: «Фрау Геббельс до самого конца не обнаруживала страха смерти. Она всегда выглядела элегантной и бодрой; легко поднималась по винтовой лестнице, перешагивая через ступеньку. Для каждого у нее находилась дружеская улыбка. Возможно, что эта изумительная сила характера поддерживалась в ней ее фанатичной верой в Гитлера». Геббельсу он дал иную характеристику: «Этот маленький худой человек выглядит бледным и осунувшимся. Он в основном молчит, вопросы задает редко, только внимательно слушает объяснения по картам. В его глазах, горевших прежде фанатичным блеском, затаилось выражение невыносимой боли».

30 апреля 1945 года застрелился Гитлер. Йозеф Геббельс стал рейхсканцлером Германии, правда, власть его ограничивалась пределами бункера. Посовещавшись с Мартином Борманом, Геббельс отправил к маршалу Жукову генерала Кребса с предложением о перемирии. В ответ Жуков потребовал безоговорочной капитуляции всех обитателей бункера.

Поняв, что игра окончена и ставок больше нет, Геббельс перестал интересоваться судьбой поверженного рейха и занялся семейными делами. попрощался с товарищами по партии, распорядился сжечь тела его и

Магды после смерти, подобно тому, как были сожжены тела Гитлера и Евы Браун, сделал последние записи в дневнике...

Во время ужина Магда дала всем детям сильное снотворное, затем уложила их в постель и вложила каждому в рот надломленную ампулу с цианистым калием. Около половины девятого Геббельс и Магда, взявшись за руки, в последний раз вышли из своей комнаты. Поблагодарив оставшихся в бункере за верную службу рейху, Геббельс сообщил им, что они с Магдой решили покончить с собой наверху, чтобы не заставляя присутствующих тащить их тела наверх. Поднявшись по лестнице Геббельс застрелил Магду, а затем застрелился сам.

Для того чтобы, согласно распоряжению Геббельса, сжечь их тела, не хватило бензина. Тела были найдены советскими солдатами, сфотографированы, опознаны и захоронены где-то в Берлине. Великая любовь тысячелетнего рейха нашла свой конец под его обломками...

Йозеф Геббельс, несмотря на всю свою показную открытость, был одним из самых загадочных сподвижников Адольфа Гитлера. Родился он 29 октября 1897 года в маленьком рейнском промышленном городке Рейдт, в небогатой семье фабричного мастера, выходца из низших классов общества. Жили Геббельсы бедно. Много позже рейхсминистр Геббельс упоенно и красочно рассказывал о тяготах жизни в родительском доме, о том, как помогал родителям изготавливать фитили для фонарей, чтобы заработать немного денег. В раннем детстве Йозеф переболел полиомиелитом, что оставило его хромым на всю жизнь — правая нога была на десять сантиметров короче левой. Геббельс не был бы Геббельсом, если бы не сделал мифа и из своей хромоты, объясняя ее ранением, полученным в годы Первой мировой войны. На самом же деле Геббельс никогда не служил в армии.

Геббельс был некрасив — хромым, тщедушный, смуглый, темноволосый коротышка, он никак не походил на истинного арийца, нордическую белокурую бестию. Недруги, издеваясь, называли его «высохшей от древности мумией», «Мефистофелем», «рейнским мышонком», а самые рьяные открыто намекали на еврейские корни.

Геббельс страдал от своей внешности, но предусмотрительно компенсировал физические недостатки живостью и изворотливостью ума в сочетании с целеустремленностью и огромной работоспособностью. Эти его достоинства признавали даже враги. Так, один из них, видный нацист Альфред Розенберг, происходящий из остзейских немцев, говорил о Геббельсе: «Он мог полностью сосредоточиться на достижении желаемой

цели, стремясь показать окружающим — здоровым, стройным и привлекательным людям, — что и он способен на многое».

На многое Геббельс был способен не только в работе, но и в делах любовных, где преуспеть ему, бедному и некрасивому, было не так-то просто.

В 1917 году Геббельс окончил среднюю школу с отличными отметками и поступил в Гейдельбергский университет. Получая образование, он в общей сложности прослушал курсы лекций в восьми университетах, жадно впитывая знания и ища поприще, подходящее для удовлетворения немалых амбиций. Геббельсу во что бы то ни стало хотелось занять выдающееся положение, чтобы утереть нос всем тем, кто насмехался над его физическими недостатками и его бедностью. В Гейдельберге Геббельс получил степень доктора философии, защитив диссертацию, посвященную изучению творчества Вильгельма Шютце, малоизвестного за пределами Германии драматурга, одного из представителей классического романтизма.

После окончания учебы, став специалистом по германской литературе, Геббельс продолжал бедствовать. Жили Геббельсы тогда в Кельне. Йозеф никак не мог найти себе постоянную работу, перебиваясь случайными заработками — давал уроки латинского языка, выверял бухгалтерские счета, пытался писать статьи. В это время Йозеф встретил свою первую любовь, которую звали Эльзой. Эльза была хорошенькой интеллигентной девушкой из зажиточной семьи, еврейкой по матери. Она преподавала в школе, где училась младшая сестра Геббельса, Мария.

*Йозеф компенсировал
свои физические недостатки
живостью и изворотливостью
ума.*

Роман с Эльзой длился четыре года. Эльза принимала живейшее участие в судьбе Геббельса и даже устроила его на работу в один из банков, правда, Геббельс долго там не задержался — положение скромного биржевого служащего не отвечало его запросам.

Встречались влюбленные в гостиницах, снимая номер на несколько часов. Эльза была первой женщиной Геббельса, женщиной, которая помогла ему понять, что, несмотря на все свои недостатки, он может нравиться, может производить впечатление. Эльза, так же как и Магда, и почти все остальные женщины Геббельса, была чувственной рослой блондинкой, кладезем подлинно немецкой сентиментальности. Сентиментальность и стала той струной, на которой играл всю жизнь талантливый актер Йозеф Геббельс. Для покорения очередной избранницы он мог изобразить все что угодно — грандиозный всплеск страсти, трагический порыв одинокой неприкаянной души, бескорыстное самопожертвование, восхищение, смятение, отчаяние. Прагматичные фройляйн и фрау таяли под натиском пылкого обожателя и отвечали взаимностью. Расставшись с Эльзой, Геббельс окунулся в пучину наслаждения.

*До встречи с Геббельсом
Магда успела побывать замужем
за богатым промышленником
и родить сына.*

К этому времени он наконец-то определился с выбором занятия, остановившись на политике. В городе Эльберфельде Геббельсу посчастливилось получить пост секретаря депутата рейхстага от второстепенной партии «Фолькише фрайгайг» («Народная свобода») Франца Вигерсхауза с окладом в целую сотню марок в месяц. Вскоре Геббельс увлекся идеями нацизма и в конце 1923 года стал секретарем в партийном бюро НСДАП земли Рейн-Вестфалия. Одновременно он получил пост заместителя редактора журнала «Заметки о национал-социализме». Много поездок по стране, много выступлений, много встреч, много знакомств, много женщин.

Постепенно Йозеф Геббельс стал заправским ловеласом, знатоком и ценителем не только женского тела, но и женской души.

Душа была главной целью Геббельса. Не покоров женщину духовно, не обольстив ее, не вызвав у нее восторга и преклонения, он не мог в полной мере наслаждаться ее телом.

И саму германскую нацию Геббельс уподоблял женщине, ежедневно и ежечасно подтверждая свою власть над мыслями и чаяниями своего народа.

Он был подлинным властелином немецкой души, подчеркнуто оставаясь при этом всего лишь тенью обожаемого фюрера.

Гитлер довольно быстро приметил Геббельса, дальновидно оценив его талант оратора и пропагандиста.

В апреле 1926 года Гитлер пригласил Геббельса в Мюнхен для совместного выступления на партийном митинге. На вокзале гостя ожидал

личный автомобиль Гитлера, доставивший его в отель, что произвело неизгладимое впечатление на Геббельса, не привыкшего к подобной роскоши. В воздухе повеяло большими деньгами, а значит, и славой. «Какой прием! — писал в дневнике восхищенный Геббельс. — И фюрер — такой высокий, здоровый, полный жизни! Он мне понравился! Он всех нас подавил своим великодушием. Он предоставил свой автомобиль в наше полное распоряжение на всю вторую половину дня!»

Автомобиль Гитлера буквально очаровал Геббельса, ценившего все, что помогало произвести впечатление.

Спустя некоторое время, в 1926 году, Геббельсу предложили пост гауляйтера, иначе говоря — партийного руководителя Берлина. Берлин Геббельс воспринимал как «настоящий Вавилон пороков». Именно в Берлине взошла и закатилась звезда Йозефа Геббельса. Здесь же в его жизни случились самые сильные и страстные романы.

Свое прибытие в столицу Геббельс красочно описал в дневнике: «Над Берлином уже тяжело нависал серый ноябрьский вечер, когда скорый поезд медленно вошел под своды Потсдамского вокзала. Не прошло и двух часов со времени моего отъезда, как я уже ступил (впервые в жизни) на его платформу, ставшую впоследствии отправным пунктом многих наших политических начинаний и моих встреч с женщинами, запомнившихся на всю жизнь».

Запомнившихся на всю жизнь...

О романе с Магдой уже было сказано. Это, если можно так выразиться, «парадная» любовь Геббельса, фасад его чувств. Но ведь кроме Магды были и другие женщины...

Ни одной из них не удалось добиться официального признания в качестве фрау Геббельс, но это не значит, что они не оставили следа как в жизни, так и в душе «рейнского мышонка».

Гауляйгер Берлина начал с малого — с соблазнения горничных в пансионе, принадлежащем некой фрау Штайгер, где он поначалу остановился. Попутно он учился овладевать массами — придумывал все новые пропагандистские трюки, призванные привлечь внимание к нацистскому движению, налаживал выпуск наглядных пособий — открыток и плакатов. «Мы говорим откровенно: наша цель — завоевать улицы, чтобы руководить массами и привлечь народ на свою сторону! — заявлял Геббельс. — Улица — вот показатель успеха современной политики! Тот, кто завоеует улицы, подчинит себе народные массы, а следовательно — и государство!»

Геббельс умел говорить хорошо и убедительно как с народом, так и с

женщинами. Четкие, отточенные и в то же время простые фразы, напористость и шквал эмоций импонировали слушателям. Геббельс умел завести толпу, напитать ее своим фанатизмом и агрессивностью и заставить плясать под свою дудку. Хромой уродец был мастером на выдумку — задумав сорвать премьеру антивоенного фильма «На Западном фронте без перемен», снятого по одноименному роману Эриха Марии Ремарка, Геббельс приказал своим подручным выпустить в зрительном зале множество белых мышей и ужей. Публику тут же смело, словно ураганом.

Он был верным сыном нацистской партии, извлекавшим для нее пользу из всего, в том числе и из своих любовных встреч. Так, например, одной из его любовниц была фрау Мария Винтер, тридцатипятилетняя ветреная супруга военного летчика, большую часть жизни проводившего на аэродромах. Мария Винтер была хорошей любовницей — страстной, умелой и внимательной. Она всегда принимала Геббельса при неярком, приглушенном свете.

Гитлер ценит Геббельса за его ораторские способности.

Геббельс, любивший усладить взор роскошными формами своих любовниц, однажды выказал недовольство недостаточным освещением в спальне. Недолго думая, Мария призналась, что нарочно приглушает свет, чтобы не видеть уродства своего любовника. Вместо того чтобы обидеться или рассердиться, Геббельс вдруг рассмеялся и похвалил любовницу за деликатность и искренность, а вернувшись домой, записал на память в дневнике: «Люблю искренних

людей, с ними легче общаться, их легче обманывать. Что скажешь им - они верят, мало спорят, больше доверяют. Хорошо было бы, если бы весь мир состоял из искренних людей. Отсюда вывод: чем более искренней, внешне правдивой будет наша, даже ложная пропаганда, тем скорее ее усвоят массы».

Этот постулат он вскоре опробовал на убитом в любовной разборке штурмовике Хорсте Весселе, слепив из него национального героя, нацистскую легенду о самопожертвовании. Благодаря его стараниям Хорст Вессель был выставлен таким современным святым, отдавшим все силы и даже свою жизнь ради высоких убеждений.

Геббельс виртуозно владел всем арсеналом пропагандиста, умело используя в зависимости от ситуации и демагогию, и сентиментальные сентенции, и прямую ложь, и откровенную агрессию.

В душе он презирал тех, кого пытался подчинить себе. Во многих его указаниях просвечивало презрение к массам, к народу Германии.

«Делайте это и серьезно, и шутя! - учил Геббельс. - Обращайтесь с избирателями так, как они привыкли. Направляйте их на путь истинный, пробуждая в них, если надо, ярость и гнев!

Нужно наконец свести счеты с системой, заткнуть ее деятелям их лживые рты так, как никто еще не делал! Завтра мы будем спокойно наслаждаться своей мезью!»

В ноябре 1928 года Гитлер назначил Геббельса на пост главы партийного бюро пропаганды. С приходом нацистов к власти в 1933 году Геббельс создал государственное министерство пропаганды, тотальной, вездесущей, всепроникающей пропаганды. Краеугольных камней, на которых стояла эта пропаганда, было всего два: «Один народ, одна страна — один фюрер!» и «Евреи — вот наше бедствие!»

В Третьем рейхе (так же, впрочем, как и в Советском Союзе) пропаганда охватывала все отрасли подачи информации и все виды искусства — прессу, радио, литературу, живопись, скульптуру, театр, кинематограф. Даже архитектура, и та была подчинена идеологии. «Промывание мозгов» было поистине всеобъемлющим. И в центре внимания, рядом с обожаемым фюрером был он — колченогий Мефистофель, хромой уродец, высохшая мумия, «рейнский мышонок», рейхсминистр Йозеф Геббельс.

Вот какой портрет Геббельса оставил один из друзей Гитлера: «Геббельс был «злым гением» Гитлера, загубившим вторую часть его карьеры. Этот злобный, язвительный, ревнивый карлик, наделенный поистине дьявольским даром убеждения, напоминал мне небольшую и

увертливую рыбу-лоцмана, вечно крутившуюся возле крупной акулы — Гитлера. Именно он окончательно настроил Гитлера против всех традиционных учреждений и форм государственной власти. Он был наглым, хитрым и действовал очень ловко. Его блуждающий взгляд как будто обтекал собеседника, а красивый голос звучал завораживающе, когда он доверительно сообщал вам самые гадкие сплетни и коварные выдумки. Он поставлял Гитлеру полную информацию о том, о чем нельзя было прочесть ни в одной газете, и развлекал его анекдотами о промахах врагов, а заодно - и друзей. Он страдал комплексом неполноценности, связанным, несомненно, с его искалеченной ногой... Он был вторым великим оратором в нацистской партии и мог, как и Гитлер, подолгу говорить о чем угодно, далеко отвлекаясь от темы и вновь возвращаясь к ней с неожиданной стороны. Во время речи он следил за реакцией публики, стараясь зажечь и опьянить ее; он был уверен, что может таким путем одурманить всю страну, а то и весь мир — если его речь перевести на все языки и передать за рубеж. Я прозвал его «Геббельспьер» за то, что многие «неотразимые» пассажи своих речей он как будто скопировал у Робеспьера; узнав о прозвище, он меня возненавидел: видно, в этом была доля истины... У Шекспира в «Макбете» есть фраза, очень подходившая к Геббельсу: «Его улыбка таит в себе угрозу, как острие кинжала, выглядывающее из-за пазухи». Действительно, он использовал обворожительные улыбки и притворное дружелюбие, чтобы опутать своего врага паутиной абсурдных измышлений, а потом внезапно выставить на всеобщее осмеяние, подвергнув унижительным разоблачениям».

*Образцовая
национал-
социалистическая
семья Геббельсов
(вверху —
Харальд Квант)*

Час славы наступил, и нельзя было не воспользоваться своим триумфом.

Восторженные почитательницы слетались к Геббельсу, словно пчелы

на мед. Посмей только кто-нибудь обратить их внимание на то, что доктор Геббельс хром и некрасив — наглеца тут же разорвали бы в клочья. Его любили бескорыстно — ведь он был воплощением Идеи национал-социализма, душой немецкой нации.

Надо сказать, что, вкусив славы и власти полной мерой, Геббельс не стеснялся использовать все свое влияние для того, чтобы затащить ту или иную красавицу в постель. Он завел себе два загородных имения — «Шваненвердер» («Лебединый остров») и Ланке, где в уютной обстановке, вдали от шума и суеты, спокойно мог наслаждаться своими очаровательными любовницами, среди которых помимо актрис, секретарш и горничных нередко попадались дамы из высшего нацистского общества. Магда, выросшая в роскоши, быстро приучила к ней и Геббельса, некогда придерживавшегося самых спартанских взглядов.

Любовные пристрастия Геббельса были самыми неожиданными. Будучи калеккой, он не чурался искалеченных женщин, даже напротив — был к ним весьма неравнодушен. Одна из его любовниц, еще до встречи с Геббельсом в результате несчастного случая лишившаяся ноги, пользовалась его расположением особенно продолжительное время и даже родила от Геббельса сына, названного Зигфридом.

Еще в самом начале своей политической карьеры Йозеф Геббельс убедился в том, что он имеет власть над толпой и может управлять ею. Акгерско-ораторское мастерство Геббельса высоко ценил Гитлер, всегда восхищавшийся людьми, которые умели повелевать массами. Гитлер тоже умел владеть толпой, умел повести ее за собой, но он отличался от Геббельса тем, что порой позволял себе увлечься и впасть в состояние, близкое к истерии. В то же время Геббельс всегда контролировал себя и все эмоции, даже самые бурные на вид, отмерял в соответствии с заранее составленным планом своего выступления.

Было бы странно считать Геббельса ограниченным параноиком. Чуть ли не единственный из вождей Третьего рейха, он был подлинным интеллектуалом, обладавшим живым и острым умом, хорошо разбирался не только в литературе и философии, но и в музыке, и в театральном искусстве, и в кино. Все это не мешало ему постоянно нападать в своих речах на «умников, погрязших в пустопорожней болтовне», утверждая приоритет бездумной покорности воле фюрера над логикой. Типичный в общем-то случай, когда жажда власти, почестей и славы побеждают в борьбе с истиной и объективностью. Он любил цитировать Клопштока, немецкого поэта начала XIX века, сказавшего однажды: «Не стоит слишком искренне говорить о своих недостатках: ведь люди не настолько

благородны, чтобы оценить вашу любовь к справедливости!»

В 1936 году Геббельс встретил одну из самых грандиозных женщин в своей жизни. Он познакомился с двадцатилетней чешской актрисой Лидой Бааровой, которая часто снималась в немецких фильмах. Несмотря на юный возраст, Лида пользовалась большим успехом у зрителей, которым особенно нравился ее дуэт с известным немецким киноактером Густавом Фрелихом. С Фрелихом Лиду связывали не только рабочие, но и личные отношения, причем весьма тесные. В «Шваненвердере», по соседству с дачей Геббельса, у Фрелиха был дом.

Однажды Магда пригласила на чаепитие Фрелиха и Лиду, чей союз в то время уже находился на грани разрыва. Здесь Геббельс и познакомился с актрисой, которую видел и до этого, бывая по долгу службы на презентациях и премьерах фильмов. В свою очередь Лида почувствовала, что она нравится рейхсминистру, и не упустила этого шанса. Сменить известного актера на одного из приближенных фюрера было огромной удачей для честолюбивой чешской красавицы.

На одном из последовавших вскоре больших приемов, где давалось музыкальное представление, Геббельс уселся в ложе рядом с Лидой и, совершенно не стесняясь окружающих, объяснился ей в любви. Желая ярче разжечь пламя страсти в сердце рейхсминистра, актриса сделала вид, что не приняла это объяснение всерьез, но уже на следующий день Геббельс снова затронул в разговоре тему любви и за свою настойчивость был награжден поцелуем.

Лида Баарова.

Геббельс умел ухаживать, делал это красиво, непринужденно и никогда не пользовался посредниками в амурных делах. Он прекрасно понимал, что один цветок, собственноручно выбранный им для очередной своей пассии, значит для нее куда больше, чем огромный букет роз, доставленный кем-нибудь из его подчиненных.

«Хочешь покорить женщину - старайся уделять ей побольше внимания», — этим принципом Геббельс руководствовался во всем. Он даже мог демонстративно пренебречь каким-нибудь важным делом (обычно — очередным выступлением) ради того, чтобы побыть наедине с любимой женщиной. Подобный прием срабатывал безотказно.

Бааровой Геббельс посвящал чуть ли не все свободное время, встречаясь с ней буквально при каждом удобном случае. Лида была умна, наблюдательна и совершенно не интересовалась политикой, что делало ее в глазах Геббельса прекрасной собеседницей.

У Бааровой, неплохо зарабатывавшей, был маленький автомобиль чешского производства, на котором она каждые две-три недели ездил в Прагу, чтобы повидаться с родителями. Актриса называла свою крошечную машинку «сундучком на колесах». Однажды на «сундучок» обратил внимание сам фюрер, выразивший удивление тем, что Баарова не может приобрести более приличный автомобиль, после чего Геббельс подарил ей «мерседес».

Баарова была умна и смотрела далеко, оценивая перспективу. Она

старалась не принимать от Геббельса крупных подарков, подчеркивая, что ее интересует только «милый Йозеф» и ничего больше. Геббельс млеет от счастья и все больше влюбляется в свою «Лидушку».

Обычная любовная связь быстро переросла в серьезное увлечение, у которого были все шансы на дальнейшее развитие. За два года любовники ни разу не поссорились. С Лидой Геббельс чувствовал себя легко и непринужденно. Он был счастлив, счастлив настолько, что Магда переступила через свои собственные принципы и решила вмешаться.

Пригласив Лиду на традиционное чаепитие, она приняла ее тепло и сердечно, сказав, что они должны быть друг другу как сестры и звать одна другую на «ты». От неожиданности Лида растерялась. Магда попросила ее лишь об одном — чтобы связь Лиды с Йозефом никогда не отразилась плохо на детях Геббельсов. Лида прослезилась и принялась, как могла, успокаивать фрау Геббельс.

Объяснением двух соперниц дело не закончилось. Со временем Магда дошла до того, что решила потребовать развода. Какое-то время Геббельсы даже жили порознь. Однажды Магда не очень осмотрительно поделилась своим горем с женой Геринга, та, как и полагается доброй жене, рассказала пикантную новость своему мужу, а тот донес весть о любовных похождениях Геббельса до фюрера. Гитлер, глубоко уважавший Магду, решил образумить Геббельса и вызвал его к себе. Геббельс не стал ничего отрицать. Он признался Гитлеру в своей любви к Бааровой, признал, что намерен жениться на ней, и был готов даже отказаться от министерского поста ради любви. Гитлер взъярился и в весьма резких выражениях объяснил Геббельсу, что рейхсминистр пропаганды, которому внимает вся страна, не может позволить себе быть уличенным в адюльтере. Гитлер потребовал от Геббельса немедленно отказаться от Бааровой и никогда больше не видеться с ней. Кроме того, он отдал распоряжение полицей-президенту (начальнику полиции) Берлина графу Геллдорфу вызвать Баарову и объявить ей от имени фюрера запрет на свидания с Геббельсом по меньшей мере в течение полугода. Гитлер слегка подсластил пилюлю, добавив, что если по истечении этого срока Геббельс и Лида все еще будут продолжать любить друг друга, то он, возможно, рассмотрит вопрос о разводе Геббельса с Магдой.

Выслушав приказ фюрера, бедная Лида упала в обморок, а придя в себя, заявила, что никуда не уедет, пока не увидится с Геббельсом. В подтверждение серьезности своих намерений Лида пригрозила покончить с собой. После срочной телефонной консультации с фюрером, находившимся в это время в Баварии, разрешение было

получено.

Вскоре состоялся телефонный разговор Геббельса с Лидой, который, по требованию Гитлера, происходил в присутствии Германа Геринга. Геббельс сказал Лиде, что между ними все кончено и что им обоим нужно проявить стойкость перед лицом обстоятельств. Сразу после этого разговора Геббельс уехал на несколько дней в свой дом в Ланке, где несколько дней провел в полном уединении, пытаясь справиться с потрясением.

Мало того, что Лида осталась одна. Словно по мановению волшебной палочки, именуемой волей фюрера, все фильмы с ее участием исчезли с экранов рейха и все контракты аннулировались. С горя Баарова заболела и слегла.

Оскорбленная тем, что ее муж очень тяжело переживал разлуку с любовницей, Магда отказалась мириться с мужем и продолжала настаивать на разводе. Потребовалось очередное вмешательство Гитлера, чтобы помирить супругов. Спустя положенное время у Магды родилась дочь, которую назвали Хейда - дитя примирения. Пытаясь отвлечься от грустных дум, Геббельс с головой ушел в работу.

1937. Геббельс выступает на митинге по случаю визита Бенито Муссолини.

Перед тем как уйти из жизни, Геббельс лично сжег большую часть своего личного архива. Присутствовавший при этом пресс-референт фон Овен рассказал, что, просматривая фотографии, Геббельс взял в руки фото Лиды Бааровой и сказал: «Вот была женщина, настоящая красавица!» Он долго разглядывал фотографию, но потом решительно порвал ее и бросил обрывки в огонь.

Несмотря на то что отношения с Бааровой чуть было не погубили карьеру Геббельса, он и не подумал отказаться от амурных походов и по-прежнему не упускал ни малейшей возможности развлечься на стороне. Даже в тяжелое для Германии время — летом 1944 года, отправив Магду на лечение в санаторий «Белый олень» в Дрездене, а детей — в имение «Шваненвердер», Геббельс, оставшись в Ланке, предавался плотским утехам, для чего уединился в стоявшем на отшибе маленьком бревенчатом домике и запретил себя беспокоить.

Геббельс не обошел своим вниманием и русских девушек. Он не только вставил в одну из лент кинохроники бравую солдатскую песню, в которой русские девушки приглашались на прогулку с немецкими офицерами, но даже отдал приказ, чтобы к нему в Ланке доставили несколько красивых русских девушек якобы для съемок кинохроники.

Единственным покушением на свою жизнь, которое должно было произойти 2 февраля 1942 года, Йозеф Геббельс был обязан амурным похождениям. Он не писал свои письма собственноручно, а диктовал их стенографисткам, с которыми частенько занимался не только диктовкой. Стенографисток ему подбирали по вкусу — рослых блондинок с крупными формами. Одна из них, очаровательная и совсем юная фройляйн Ханна, не только оставила потомкам весьма откровенные дневниковые записи о своей недолгой связи с Геббельсом, но впоследствии, уже после выхода замуж, опрометчиво рассказала о ней своему мужу. Поводом к откровенности послужило желание Геббельса снова увидеться с Ханной. Муж Ханны, некто Кумеров, радиоинженер по профессии, взревновал, вознегодовал и решил отомстить. Замаскировавшись под рыбака, он намеревался заложить мину с дистанционным управлением под мост в загородном имении Геббельса «Шваненвердере», по которому должен был проехать министр. Перед самым появлением автомобиля рейхе - министра ревнивец был замечен охранником и арестован. Впоследствии суд приговорил его к расстрелу.

Вот отрывок из дневника Ханны: «Мне понравилось быть с мужчиной в постели, я зажигаюсь и не обращаю внимания на то, какой хилый и безобразный этот Йозеф Геббельс. Он первый мой мужчина, а мне хочется мужчину еще и еще раз. Я уже не боюсь его, а выполняю все его желания. Их у него немного. Он подолгу ласкает меня, когда я сижу у него на коленях голая, разглядывает меня, а в постели всегда предпочитает быть сверху. Словно довлеет надо мной и даже насилует. Он любит, когда я при этом громко постанываю и дергаюсь под ним от наслаждения. Я подыгрываю ему в этом, и он

бывает доволен, не забывает, возможно, поэтому о дорогих подарках.

Когда мы сидим за столом и пьем чай с шоколадными конфетами и пирожными, которые он приносит, он просит меня обнажиться до пояса. За столом он берет мою грудь в руки, ласкает ее, закрывая при этом глаза, и целует в шею, за ушко. Делает это он нежно- нежно, после чего мы снова «летим» в постель... Возможно, мне уже давно хотелось мужчину...»

Узнав о несостоявшемся покушении на Геббельса, Гитлер был потрясен. Он приказал выставлять вооруженную охрану во всех местах, где должен был появиться Геббельс, и подарил ему бронированный автомобиль марки «мерседес». Несмотря ни на что, Гитлер продолжал ценить Геббельса, сознавая, что пропагандиста, равного ему, не найти.

Во время Второй мировой войны при участии Геббельса и под его контролем в Германии были созданы так называемые «дома любви», предназначенные для встреч одиноких женщин с солдатами, находившимися в отпуске. Женщины беременели и, разумеется, рожали, поскольку аборт в Третьем рейхе были запрещены. Их детей помещали в детские дома, дабы воспитать из них настоящих арийцев. Геббельс лично следил за тем, чтобы «дома любви» постоянно пропагандировались в кинохронике, и сам не гнушался посещать их, правда, делал это скрытно...

Любвеобильный интеллеktуал стал одной из самых одиозных исторических личностей XX века, идеологом одного из самых кровавых режимов, воплощением кровавых идей расовой дискриминации. Йозеф Геббельс отдал свой талант делу служения злу и получил по заслугам. Он мог бы стать превосходным университетским профессором, на лекциях которого яблоку негде было бы упасть, известным журналистом или драматургом, а может, даже одним из классиков немецкой литературы, если бы правильно распорядился бы тем даром, который был дан ему свыше.

Выбирая «все или ничего», он предпочел «все» и в результате остался ни с чем — ни доброй памяти, ни памятника на могиле, ни признательных потомков.

*Они жили долго и счастливо
и умерли в один день...*

Остались разрозненные дневниковые записи, воспоминания современников и некоторых любовниц и след в истории, точнее, не след, а зияющая рана.

Да и любил он странно — ни ему самому, ни тем, на кого он обращал внимание, его любовь не принесла счастья. Только горечь и разочарование.

В одном нельзя отказать хромому калеке доктору Геббельсу: у него достало мужества пройти по избранному пути до самого конца рука об руку со своей женой...

* * *

Письмо доктора Йозефа Геббельса Харальду Квандту, сыну Магды от первого брака, написанное в бомбоубежище фюрера 28 апреля 1945 года:

«Мой дорогой Харальд!

Мы сидим, окруженные, в бомбоубежище фюрера в имперской канцелярии и боремся за нашу жизнь и за нашу честь. Каков будет исход этой борьбы, знает лишь один Бог. Но я уверен, что, живыми или мертвыми, мы выйдем из нее с честью и славой. Мне почти не верится, что мы снова когда-нибудь увидимся. Так что это, вероятно, последние строки, которые ты получишь от меня. Я надеюсь, что ты, если переживешь эту войну, будешь достоин своей матери и меня. Для

воздействия на будущее нашего народа вовсе не нужно, чтобы мы остались живы. При известных условиях ты будешь единственным, кто продолжит традицию нашей семьи. Делай это всегда так, чтобы нам не пришлось стыдиться. Германия переживет эту войну, но только в том случае, если у нашего народа перед глазами будут примеры, на которые он сможет равняться. Такой пример хотим дать мы. Ты можешь гордиться, что имеешь такую мать. Вчера вечером фюрер подарил ей золотой партийный значок, который он многие годы носил на своем пиджаке, и она это заслужила. Перед тобой в будущем стоит только одна задача — показать себя достойным той тяжелейшей жертвы, которую мы собираемся и исполнены решимости принести. Я знаю, что ты это сделаешь. Не допусти, чтобы тебя сбил с толку шум, который поднимется во всем мире. Ложь в один прекрасный день рухнет, и над ней снова восторжествует правда. Это будет час, когда мы будем стоять над всем чистыми и незапятнанными, такими, какими всегда были наша вера и наши стремления.

Прощай, мой дорогой Харальд! Увидимся ли мы когда-нибудь снова — Бог знает. Если мы не встретимся, то гордись всегда тем, что принадлежишь к семье, которая и в несчастье до последнего момента осталась верной фюреру и его чистому, святому делу.

Всего хорошего, шлю самые сердечные приветы.

Твой отец».

Генералиссимус Иосиф Сталин, «Отец народов»

*Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен...*

Анна Ахматова «Уединение»

Настоящее имя — Иосиф Виссарионович Джугашвили

Характер — твердый, злопамятный

Темперамент — сангвинический

Религия — атеист

Отношение к власти — алчное

Отношение к подданным — презрительное

Отношение к любви — холодное

Отношение к лести — поощрительное

Отношение к материальным благам — сдержанное

Отношение к собственной репутации — бережное

Генералиссимус Иосиф Сталин, «Отец народов» (1879-1953)

*Иосиф Виссарионович.
1942 г.*

Одним из кумиров юности стал для Сталина Георгий Саакадзе, грузинский полководец и государственный деятель, живший на рубеже XVI-XVII веков и ради достижения великой цели принесший в жертву все

— родину, любовь, сыновей и саму жизнь свою. Мелкий дворянин, по образу жизни скорее подобный зажиточному крестьянину, он был целеустремлен, настойчив и порой не очень разборчив в средствах.

Надо сказать, что в оценке исторической роли Георгия Саакадзе, его характера и морального облика, в трактовке мотивов и побуждений, которыми он руководствовался в течение своей деятельности, мнения историков расходятся. Некоторые считают его великим патриотом своей родины, боровшимся за великую и свободную Грузию, а другие видят в нем лишь расчетливого и тщеславного властолюбца, не гнушавшегося ничем ради претворения своих намерений в жизнь.

Сколь противоречиво ни оценивали бы историки личность Георгия Саакадзе, в одном они сходятся безоговорочно — в том, что вся жизнь его прошла в непрерывной и непримиримой борьбе...

В такой же борьбе прошла и жизнь Иосифа Джугашвили, сына сапожника из грузинского города Гори, ставшего правителем доброй половины земного шара, ибо власть его не ограничивалась пределами Советского Союза, а простиралась гораздо дальше. Почти тридцать лет длилось его правление, и вдвое больше времени прошло после его смерти.

Для одних Сталин — кровожадный монстр, для других — великий вождь и «отец народов». Великий полководец или кровавый узурпатор, узколобая посредственность или гений поистине вселенского масштаба... Чингисхану или, например, Наполеону даже и присниться не могли масштабы той власти, которой обладал недоучившийся семинарист Иосиф Джугашвили. Он был не только повелителем народных масс, но и властителем дум, кумиром сердец. Он был товарищем Сталиным, и ни одна языческая религия не знала столь масштабного идолопоклонства, какое развернулось в первой половине XX века вокруг пьедестала, на котором стоял невысокий, коренастый и усатый бог с неизменной трубкой в руке.

У Иосифа Сталина было две жены — Екатерина Сванидзе и Надежда Аллилуева, причем ни той, ни другой не досталось даже малейшей доли величия их супруга.

Иосиф Виссарионович Джугашвили, вошедший в историю как Иосиф Сталин, родился 9 (21 по старому стилю) декабря 1879 года в небольшом грузинском городе Гори, расположенном на берегах реки Куры и окруженном невысокими холмами. Живописное благословенное место, где щедрость солнца соперничает со щедростью земли, а в результате возникает картина, покоряющая взоры и сердца. Именно здесь находилась когда-то легендарная Колхида, куда Ясон и аргонавты отправились за золотым руном. В этой славной местности и рос маленький Иосиф.

Виссарион Джугашвили.

Отец его — Виссарион Джугашвили, сапожник по профессии, происходил из крестьян села Диди-Лило, расположенного недалеко от Тифлиса. В 1870 году поиски лучшей доли привели его в Гори, где в 1874 году он женился на Екатерине Георгиевне Геладзе, дочери крестьянина из соседнего села. Жене было всего восемнадцать лет, а мужу — двадцать три.

Екатерина Джугашвили.

Жили Джугашвили в скромном, если не сказать — убогом, домике на улице Соборовая, получившей свое имя благодаря соседству с горийским кафедральным собором. Непременная веранда, две комнаты и подвал — вот

и все апартаменты.

В браке Екатерина родила четверых детей, из которых выжил только самый младший — Иосиф, Сосо, материнская радость и утешение.

Мать обожала младшего сына, а сын обожал ее. Отца они не любили — за грубость, суровость и вспыльчивость, усугублявшиеся чрезмерной страстью к выпивке.

Надо сказать, что в Грузии, где принято пить вино по поводу и без повода, мало пьяниц — многовековые традиции питья выработали у людей умение держать себя в руках и не переходить определенных границ. Виссарион Джугашвили, оправдывая поговорку «пьет, как сапожник», считался среди знакомых беспутным пьяницей. Правда, он недолго досаждал жене и сыну — погиб от ножа в пьяной драке, когда Иосифу было одиннадцать лет.

Чуть ли не единожды великий Сталин соизволил упомянуть о своем отце, сказав, что тот, будучи сапожником, не был истинным пролетарием, так как имел мелкобуржуазный образ мышления. Что сын вкладывал в это понятие — осталось неизвестным. Скорее всего, он имел в виду, что отец больше думал о том, как разбогатеть, а не о победе пролетарской революции.

До поры не думал о революции и сам Иосиф. По совету матери, всеми силами пытавшейся вывести единственного сына в люди, он поступил в горийское начальное духовное училище. Поступил, несмотря на возражения отца, непременно желавшего видеть сына сапожником. Впрочем, любому родителю приятно, когда сын или дочь идут по его стопам.

Пять лет Иосиф проучился в духовном училище и в июле 1894 года окончил его с отличием, ввиду чего руководство училища дало способному и благонравному отроку рекомендацию для поступления в Тифлисскую православную духовную семинарию.

Сбылись надежды матери — недаром она изнуряла себя тяжелой поденной работой, утаивая заработок от пьяницы мужа. Недаром были перемыты километры полов и перестираны сотни пудов белья. Иосиф, ее Иосиф, выходец из простой семьи, сын беспутного отца, мог стать священником!

Юный Иосиф был худым и жилистым, на узком, покрытом оспинами лице выдавался орлиный нос. Но не нос сразу же привлекал к себе внимание, а живые и беспокойные карие глаза, выдержать взгляд которых не каждому было под силу. Иосиф был невысок, но силен и ловок и имел репутацию превосходного драчуна, агрессивного

и жестокого. Из-за перенесенного в детстве заболевания его левая рука была короче и гораздо слабее правой, но это обстоятельство не мешало Иосифу на равных участвовать во всех играх и забавах своих сверстников.

Иосиф был умен и начитан. Едва овладев грамотой, он пристрастился к чтению и прочитал почти все книги в городской библиотеке как на грузинском, так и на русском. Зачитывался «Витязем в тигровой шкуре» Шота Руставели, но самое большое впечатление на него произвели книги и сама судьба грузинского писателя Александра Казбеги. Богатый помещик, Казбеги освободил своих крестьян от податей, отказался от богатства, ушел в горы и почти десять лет жил там, словно простой пастух, пока депрессия, следствие тяжелой душевной болезни, не свела его в могилу. Больше прочих произведений нравился Иосифу роман Казбеги «Отцеубийца», повествующий о свободолюбивых горцах и их борьбе за свою независимость и свободу. Один из героев романа, храбрый Коба, стал героем для молодого Сосо. Пройдет не так уж много времени, и имя Коба станет первой партийной кличкой Иосифа Джугашвили.

*Сосо Джугашвили — ученик
Тифлисской духовной
семинарии. 1894 г.*

В то время Тифлисская семинария была центром националистического брожения. В 1885 году семинарист Сильвестр Джигладзе, ставший позже революционером, был сослан в Сибирь за оскорбление ректора, плохо отзывавшегося о грузинском языке.

(Впоследствии этого ректора застрелили.) В начале девяностых годов

XIX века семинаристы дважды бастовали. Дело дошло до временного закрытия семинарии полицией и массового (восемьдесят семь человек) исключения.

Жесткая дисциплина, шпионаж, доносы, обыски в спальнях — все это крайне не нравилось Иосифу. Но до определенного времени он оставался на хорошем счету благодаря пытливому уму, хорошей памяти и недюжинному таланту конспиратора.

Он ненавидел семинарию и монахов, но жадно тянулся к образованию, основой которого продолжало оставаться самостоятельное чтение. Иосиф читал как художественную, так и научную литературу, причем мог процитировать прочитанное спустя много лет.

Не чурался Иосиф и сочинительства — за время учебы в семинарии он написал шесть стихотворений, романтических и националистичных по духу. Одно из них было посвящено памяти поэта князя Рафаила Эристави. В 1907 году некий М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию, или Сборник лучших образцов грузинской словесности», в первом томе которой было помещено это стихотворение Иосифа Джугашвили.

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.

Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.

Когда, отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты...

Другое стихотворение посвящалось луне:

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,

Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой...

Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.

Наиболее лиричным и изящным, в то же время не лишенным и некоторой доли наивности, было стихотворение «Утро», которое ввиду его краткости можно привести и целиком:

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.

Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:

«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебюю, друзья,
Прославьте Родину свою!»

Постепенно от обычной литературы Иосиф перешел к запрещенной, нелегальной. В документах семинарии сохранились записи о том, что Джугашвили читает запрещенные книги.

На путь революции будущего теоретика марксизма привели два человека — марксист-интеллектуал и по совместительству литератор Саша Цулукидзе, происходивший из княжеской семьи, и Ладос (Владимир) Кецохели, активный революционер-подпольщик, предпочитавший дела словам. Основным смыслом их жизни стала борьба с ненавистным существующим порядком. Оба они верили, что лишь посредством разрушения можно добиться справедливости.

В сентябре 1902 года Ладос Кецохвели был арестован в Баку. Оттуда его перевели на родину, в печально известный Метехский замок, где в конце августа 1903 года Ладос Кецохвели, активный борец за права заключенных, был убит тюремщиком. Саша Цулукидзе умер от туберкулеза в июне 1905 года. Его похороны вылились в подлинно народную демонстрацию. В память о друге Иосиф Сталин в 1927 году прикажет издать все его произведения.

Кецохвели и Цулукидзе привели Иосифа в подпольную группу «Месамедаси» («Третья группа»), первую марксистскую организацию Грузии. Ее основатель, Ной Жордания, тоже бывший студент семинарии, станет первым президентом независимой Республики Грузия (1918—1921 гг.) и лишится своего поста не без помощи товарища Сталина.

Коба — член марксистского кружка. 1902 г.

В жизни Иосифа появилась цель. Большая, настоящая, стоящая... Он

активно взялся за революционную работу, вел ее среди семинаристов, за что и был исключен в мае 1899 года. Повод, правда, был подобран благовидный — совет семинарии исключил семинариста Джугашвили за то, что он, дескать, не сдал экзамены по неуважительным причинам. Руководству семинарии не хотелось лишней раз выносить сор из избы и приумножать дурную славу заведения. И без того уже в Тбилиси слово «семинарист» стало синонимом слова «социалист».

Впрочем, много позже, в 1930 году, беседа с одним американским журналистом, мать Иосифа сказала, что это она забрала его домой из-за болезни. Якобы умственное перенапряжение и чрезмерное сидение над книгами ослабили здоровье сына, и доктора сказали матери, что у него может развиваться туберкулез.

Но мотивы — не главное, главное — результат. А результат был таков: семинарист Иосиф Джугашвили превратился в профессионального революционера по кличке Коба.

«Профессиональный революционер есть человек, который полностью отдает себя рабочему движению в условиях нелегальной и вынужденной конспирации, - писал Лев Троцкий, один из главных сподвижников Ульянова-Ленина и самый большой враг товарища Сталина. -

На это способен не всякий и, во всяком случае, не худший. Рабочее движение цивилизованного мира знает многочисленных профессиональных чиновников и профессиональных политиков; в подавляющем большинстве своем этот слой отличается консерватизмом, эгоизмом и ограниченностью, живет не для движения, а за счет движения. По сравнению со средним рабочим бюрократом Европы или Америки средний профессиональный революционер России представлял несравненно более привлекательную фигуру. Молодость революционного поколения совпадала с молодостью рабочего движения. Это было время людей от 18 до 30 лет. Революционеры свыше этого возраста насчитывались единицами и казались стариками. Движение еще совершенно не знало карьеризма, жило верой в будущее и духом самопожертвования».

Екатерина Сванидзе.

Первый значимый шаг на пути к власти был сделан, правда, навряд ли сам Коба предполагал, насколько высоко вознесет его судьба.

Начинался двадцатый век. Государь Николай II правил своими подданными, еще не ощущая, как шатается императорский престол, Владимир Ульянов, отбыв ссылку, осваивался в Швейцарии, а Коба ненавидел их обоих. Первого — как угнетателя и поработителя, а второго — как пустопорожнего болтуна, с комфортом устроившегося за границей и тратящего время, силы и средства на политические междоусобицы и теоретические споры, в то время как настоящие революционеры рисковали свободой и жизнью, организуя пролетариат для борьбы.

О, Коба умел организовывать и бороться, еще как умел! Всему миру вскоре предстояло убедиться в этом.

Коба никогда не боялся драк и привык выходить из них победителем. Его девизом стали слова великого Руставели:

Жалок тот, кто перед битвой
Укрывается трусливо,
Вечно думает о смерти
И горюет молчаливо.
Все равны мы перед смертью,
Всех разит ее копьё, —
Лучше славная кончина,
Чем позорное житье.
(Перевод Н. Заболоцкого)

О жизни и деятельности Сталина в период с мая 1899 года, когда он

ушел из семинарии, и до декабря 1905 года, когда он присутствовал на конференции в Таммерфорсе, где впервые встретился с Лениным, достоверных сведений почти не сохранилось.

Уже после прихода Сталина к власти преданные ему историки писали, что все эти годы Коба, не щадя себя, разворачивал подпольное революционное движение на Кавказе. Другие же склонны утверждать, что Коба, на время отойдя от революционной борьбы, занялся грабежами, превратившись в обыкновенного уголовника.

Скорее всего, правы и те, и другие — марксизму, в котором он прозорливо углядел огромный потенциал, Коба не изменял, но и грабежей, по-революционному называемых экспроприациями, не чурался.

Достоверно известно, что Кобу преследовала полиция. Достоверно известно, что ему пришлось жить в подполье, то исчезая надолго, то внезапно возникая из небытия. Именно в этот период он сдружился с армянином Симоном Тер-Петросяном, дерзким революционером-экспроприатором, а если точнее — то в первую очередь экспроприатором, а потом уже революционером, известным миру под кличкой Камо.

На некоторое время Камо станет ближайшим другом и правой рукой Кобы. Он благополучно переживет революцию, чтобы потом окончить жизнь под колесами чуть ли не единственного в Советском Закавказье грузовика. Обосновываясь в Кремле, товарищ Сталин не забывал прятать концы, убирая всех соратников и сподвижников, могущих неуместным панибратством и ненужными воспоминаниями запятнать светлый образ «отца народов».

Непримиримый революционер Коба был ярким сторонником применения насилия. Больше всего его увлекала возможность открытой войны с самодержавием, он жаждал действия, схватки, победы. Его не заботили возможные жертвы и не пугали последствия.

Коба вторил Ленину: «Мы должны хотеть бороться и должны научиться, как вести борьбу». Чем больше пролито крови — тем лучше, тем скорее рухнет ненавистный режим.

Коба был одним из создателей (впрочем, некоторыми биографами это утверждение оспаривается) и корреспондентом первой нелегальной газеты на грузинском языке «Брдзола» («Борьба»), во втором номере которой, увидевшем свет в декабре 1901 года, была напечатана программная статья Кобы «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи». Так практик революции стал еще и ее теоретиком.

5 апреля 1902 года стало знаменательным днем в жизни Кобы — его впервые арестовали, подтвердив тем самым его значимость как

революционера и его опасность для самодержавного режима. В отличие от эпохи правления товарища Сталина, во времена самодержавия не было принято арестовывать людей почем зря и осуждать их без вины. Если бы «кровавый» (исключительно по утверждению большевиков) царь Николай II хоть немного походил на товарища Сталина, то Романовы, вне всякого сомнения, правили бы Россией и поныне. Семья Ульяновых была бы изведена под корень после покушения Александра Ульянова на жизнь императора Александра III, Иосифа Джугашвили расстреляли бы еще в бытность его семинаристом, а Льва Троцкого, несомненного космополита, повесили бы как аргентинского или уругвайского шпиона, и совершенно некому бы было совершать Октябрьский переворот 1917 года. Как говорится, «если бы молодость знала, если бы старость могла...»

Информационная карта на Иосифа Сталина из архива тайной полиции Санкт-Петербурга. 1912 г.

В батумской тюрьме Коба был одним из самых примерных заключенных, не позволявшим себе, в отличие от того же Кецховели, никаких конфликтов с тюремными властями.

Просыпался он рано утром, делал зарядку, завтракал и весь день занимался самообразованием, читая книги из тюремной библиотеки, с перерывами на прогулку и прием пищи. В архивах полиции сохранилось криминальное дело, заведенное на Кобу. В деле этом находились две фотографии — анфас и в профиль — и следующее описание внешности: «Рост два аршина полтора вершка (**около 163 см. — А. Ш.**); телосложение среднее; возраст 23 года. Второй и третий пальцы левой ноги сросшиеся. Волосы, борода и усы темные. Нос прямой и длинный. Лоб прямой и низкий. Лицо удлинненное, смуглое, с оспинами».

Из батумской тюрьмы Джугашвили перевели в кутаисскую, где он просидел полгода в ожидании суда, а 9 июля 1903 года Кобу приговорили к трем годам ссылки в Иркутскую губернию, в село Новая Уда.

В начале XX века ссылка в Сибирь была уже не таким тяжелым наказанием, как в прежние времена. Путь к месту ссылки совершался

осужденными не пешком и не в кандалах. Тот же Владимир Ульянов, приговоренный к трем годам ссылки в 1897 году, сумел получить разрешение ехать в пресловутое село Шушенское из Петербурга самостоятельно. Да-да — самостоятельно, без конвоя, правда, и за собственный счет.

По прибытии на место ссылки жили весьма вольно — пользовались относительной свободой передвижения, могли охотиться (им не возбранялось владеть огнестрельным оружием!), рыбачить, ходить друг к другу в гости, снимать за счет казны комнаты в домах местных жителей... По сравнению с застенками НКВД и системой сталинских лагерей (желающие, если еще не читали, могут прочесть «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына или «Колымские рассказы» Шаламова) царская ссылка выглядит санаторием, сбежать из которого было плевым делом.

В Новой Уце Коба жил в избе Митрофана Кунгурова, который 11 мая 1947 года написал товарищу Сталину следующее письмо:

«Москва, Кремль.

Генералиссимусу Советского Союза товарищу КВ. Сталину.

Я глубоко извиняюсь, что беспокою Вас. В 1903 году, когда Вы были в ссылке, село Новая Уда Иркутской губернии Балаганского уезда, в то время жили у меня на квартире. В 1904 году я увез Вас лично в село Жарково по направлению к станции Тыреть Сибирской железной дороги, а когда меня стали спрашивать пристав и урядник, я им сказал, что увез Вас по направлению в город Балаганск. За неправильное показание меня посадили в каталажку и дали мне телесное наказание — 10 ударов, лишили меня всякого доверия по селу. Я вынужден был уехать из села Новая Уда на ст. Зима Сибирской железной дороги.

В настоящее время я пенсионер 2 группы. Пенсию получаю 141 р. в месяц. Жить стало очень тяжело нам обоим со старухой на 141 р. Подавал заявление в Министерство социального обеспечения, получил отказ. Поэтому прошу Вас, как бывший партизан Якутского партизанского отряда, где был три раза ранен, потерял здоровье, получил инвалидность 2 группы, если вспомните меня, то прошу помочь мне получить персональную пенсию...

Ваш старый хозяин квартиры

Кунгуров Митрофан Иванович.

*Г. Барабинск Новосибирской области,
ул. Некрасова, 57.*

Ожидаю от Вас письма. 11 мая 1947г.».

Кунгурову не суждено было дожждаться ответа Сталина, который,

прочтя письмо, пожелал связаться с ним. Он умер от болезней.

Разумеется, свободолюбивый и непривычный к морозам Коба не засиделся в Сибири — 5 января 1904 года он бежал из ссылки на родину, в Грузию, где вскоре женился в первый раз.

Первый арест, первая судимость, первая женитьба...

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел...
(А. С. Пушкин «К Дельвигу»)

Женой Кобы стала Екатерина Сванидзе, происходившая родом из того же села Диди-Лило, что и его мать. Екатерина была дочерью железнодорожника, социал-демократа Семена Сванидзе. Сама она, в отличие от отца и брата Александра (партийная кличка Алеша), революционными идеями не бредила, будучи типичной грузинской женщиной — верной женой и хорошей матерью. Смыслом ее жизни стали муж и сын Яков.

*Дело Сталина
в жандармском управлении
Баку. 1910 г.*

Екатерина была красива (по утверждениям ряда современников, просто прекрасна!). У нее имелся жених, вернее, воздыхатель, считавший себя женихом, некто Давид Сулиашвили, тоже бывший семинарист, тоже революционер, тоже друживший с Александром Сванидзе. Надо признать, что внешне Сулиашвили был куда красивее неказистого Кобы, но Екатерина выбрала Иосифа Джугашвили.

Коба любил ее настолько, что дал уговорить себя на венчание по православному обряду, хотя для убежденного революционера, каким он себя считал, церковный брак был несмываемым пятном на репутации. «Почти не было случая, чтобы революционный интеллигент женился на верующей», — утверждал Лев Троцкий.

Казалось, Коба обрел долгожданную любовь. Молодые жили дружно, но, как утверждали знакомые, бедно, несмотря на то что Коба с товарищами активно занимался экспроприациями, добывая в партийную кассу огромные суммы. Вполне возможно, что бедность эта была показной, демонстративной, призванной создать Кобе образ бескорыстного борца за дело революции.

Так и жили — Коба грабил и порой даже убивал, а Екатерина подрабатывала шитьем, хранила домашний очаг и растила сына Якова. Счастье их оказалось недолгим — в конце 1907 года Екатерина умерла от болезни, прожив в браке всего два года.

Младенец Яков остался на воспитании у тетки — родной сестры умершей матери. Лишь в 1921 году Коба, уже ставший товарищем Сталиным, заберет его в Москву.

Товарищ Сталин никогда не выказывал нежных чувств к своему первенцу. Можно утверждать, что он его не любил.

Из воспоминаний Бориса Бажанова, одно время бывшего секретарем Сталина: «На квартире Сталина жил и его старший сын от первого брака, Яков. Почему-то его никогда не называли иначе, чем Яшка. Это был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша... Вид у него был забитый. Поражала одна его особенность, которую можно назвать нервной глухотой. Он был всегда погружен в свои какие-то скрытые внутренние переживания. Можно было обращаться к нему и говорить, он вас не слышал, вид у него был отсутствующий. Потом он вдруг замечал, что с ним говорят, спохватывался и слышал все хорошо.

Сталин его не любил и всячески угнетал. Яков хотел учиться — Сталин послал его на завод рабочим. Отца он ненавидел скрыто и глубоко. Он старался всегда оставаться незамеченным, не играл никакой роли в политике. Мобилизованный и отправленный на фронт, он попал в плен к

немцам. Когда немецкие власти предложили Сталину обменять какого-то крупного немецкого генерала на его сына, находившегося у них в плену, Сталин ответил: «У меня нет сына». Яшка остался в плену и в конце немецкого отступления был гестаповцами расстрелян».

Старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили, командовавший артиллерийской батареей, попал в плен в самом начале войны — в июле 1941 года.

Яков Сталин.

После смерти Екатерины у Сталина сохранились хорошие, можно даже сказать, теплые отношения с ее родственниками. Они часто встречались, вместе отмечали праздники, но... в один прекрасный день Сталин решил от них избавиться. То ли в чем-то заподозрил, то ли за что-то обиделся, то ли поступил так просто из осторожности. Избежать печальной участи удалось только отцу Екатерины, умершему своей смертью задолго до того.

Александр Семенович Сванидзе, родной брат Екатерины, был человеком образованным. Еще до революции он учился в Йенском университете, знал несколько языков, хорошо разбирался в экономике и финансах, что позволило ему после революции стать первым народным комиссаром (так тогда назывались министры) финансов Советской Грузии.

Женой его была некая Мария Анисимовна Корона, еврейка из богатой семьи. Она окончила Высшие женские курсы в Петербурге, консерваторию в Тифлисе и одно время пела в грузинской опере. Своего сына они назвали Джонридом — в честь американского журналиста Джона Рида, написавшего известную книгу о событиях октября 1917 года «Десять дней, которые потрясли мир».

Постепенно Александр Сванидзе дорос до высокого поста заместителя председателя правления Госбанка СССР. В 1937 году его с женой арестовали и дали обоим по десять лет за мифическую «антисоветскую деятельность». Их сына приютила его бывшая воспитательница, к тому

времени ставшая рабочей на швейной фабрике. Александр Сванидзе отбывал наказание под Ухтой, а его жена — в Казахстане. Арестовали и сестру Александра Семеновича, Марику. Самого Александра расстреляли в августе 1941 года, а его жену и сестру в марте 1942-го.

После войны досталось и подростку Джонриду Сванидзе, стеснявшемуся своего вычурного имени и предпочитавшему называть себя Иваном. В 1948 году он за ту же «антисоветскую деятельность» был приговорен к ссылке на пять лет, но смог вернуться домой лишь в 1956 году, спустя три года после смерти товарища Сталина. Можно утверждать, что несчастный Джонрид еще легко отделался. За все надо платить, а за родство с вождем — тем более...

Но вернемся пока в 1904 год, когда по всей России прокатилась волна недовольства и забастовок. У правящего режима внезапно обнаружилось множество противников как среди рабочих и крестьян, так и среди интеллигенции, многие представители которой были дворянского происхождения.

Начавшаяся в феврале 1904 года война с Японией, война провальная, проигранная чуть ли не в зародыше, еще больше озлобила недовольных, а трагедия 9 января 1905 года, вошедшая в историю под названием «кровавого воскресенья», подлила, как говорится, масла в огонь.

Николай II, напуганный возмущением подданных, издал манифест, обещающий парламентскую систему управления, но эта полумера уже не могла успокоить народ. Процесс пошел...

Социал-демократы к тому времени успели расколоться на радикалов — большевиков и умеренных — меньшевиков. В Грузии, считавшейся оплотом меньшевизма и националистических настроений, Коба твердо держался большевиков, понимая, что с большинством, тем более исповедующим насильственные методы, можно достичь гораздо большего. К тому же Кобе уже тогда стало тесно в родной Грузии — планы его шли далеко, очень далеко.

Именно тогда экспроприатор и теоретик Коба выходит на свет — участвует в работе первой партийной конференции, происходившей в финском городе Таммерфорсе, и очередного партийного съезда в Стокгольме. На этом съезде, кстати говоря, была принята резолюция с осуждением экспроприации, которые все больше и больше напоминали обычные грабежи. Коба на эту резолюцию не обратил никакого внимания, продолжая заниматься любимым делом. Его вместе с верным Камо даже собирались судить партийным судом за неподчинение воле большинства, но обошлось. Скорее всего, за экспроприаторов вступился сам Ленин,

бывший большим любителем как жить за чужой счет, так и загребать жар чужими руками. Известно, что и в Стокгольме, и на следующем съезде в Лондоне Ленин голосовал против резолюций, осуждавших экспроприации.

С 1908 года в жизни Кобы идет череда арестов, ссылок и побегов. Ходило много слухов о связи Сталина с царской охранкой, но ни один из них не получил документального подтверждения. Об этом писал в эмиграции в своих мемуарах Ной Жордания, руководитель грузинских меньшевиков, а также упоминал некий Александр Орлов, сотрудник НКВД, бежавший за границу в тридцатые годы прошлого века.

В городе Сольвычегодске Вологодской губернии у ссыльного Джугашвили был недолгий роман с квартирной хозяйкой, Матреной Кузаковой, родившей впоследствии сына Константина, который был записан ею на имя умершего задолго до того мужа Степана. Константин Степанович Кузаков никогда не встречался со Сталиным, но пользовался покровительством вождя, позволившим ему не только избежать ареста, но и занимать руководящие посты, пусть не самые высокие, но вполне достаточные для безбедной и привольной жизни.

В тридцатые годы XX века Матрену Кузакову с семейством неожиданно переселили в Москву, где Константин смог получить образование и избежать обычной для деревенского жителя того времени участи колхозника.

В сентябре 1996 года в газете «Аргументы и факты» было напечатано интервью самого Кузакова под названием «Кузаков — сын Сталина». На пороге своего девяностолетия Константин Степанович Кузаков (кстати говоря, внешне весьма похожий на Сталина) признался в том, что еще в детстве знал, что он — сын Сталина.

Сольвычегодск — побег — арест в Баку — снова Сольвычегодск... Последний раз Кобу арестовали в Санкт-Петербурге и на четыре года сослали в Туруханский край, откуда он почему-то ни разу не попытался бежать. Вот что писал о туруханской ссылке Юрий Трифонов: «Выдержать Туруханку с ее ледяным климатом, пургами, непрерывной топкой печей, сырым и коротким летом, мошкаррой, с ее белыми, изнуряющими душу ночами, с ее ощущением таежной пустыни и трагической отдаленности от всего остального мира могли люди физически очень крепкие. Спандарян заболел чахоткой и умер. Дубровинский погиб весной 1913 года, и до сих пор неясно, утонул он или покончил с собой... Люди уставали ждать, надеяться.

Эпидемия самоубийств в те годы, с десятого по тринадцатый, прокатилась по многим каторжным тюрьмам и ссылкам. Время было

глухим и не оставляло надежд»-

В Туруханском крае Коба жил замкнуто, замкнутость и непредсказуемость вообще были в природе его души и вдобавок помогали ему в подпольной работе. Он никогда никому не доверял своих потаенных мыслей. Это было великое умение молчать, великое для страны, в которой до поры до времени все слишком много говорили...

С товарищами по ссылке отношения у Кобы не сложились. С кем-то он вел себя высокомерно, кого-то демонстративно не замечал, кому-то откровенно грубил... Вот что вспоминал о нем ссыльный Яков Свердлов, видный большевик, выполнявший при Ленине роль хранителя партийного «общака»: «...живу не один в комнате. Мае двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни... На этой почве нервничаю иногда».

Чуть позже Свердлов напишет куда резче: «...мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах... С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся».

Сталин в 1912 году.

Должно быть, здесь, в Туруханке, в результате долгих раздумий и бесконечных прикидок, и родился Вождь. Вождь терпеливый, способный долго выжидать удобного момента для захвата власти. Вождь коварный, способный стравливать своих противников и пожинать плоды, оставаясь в стороне. Вождь мудрый, отчетливо сознающий, что правда там же, где и сила.

В марте 1917 года, сразу же после Февральской революции, в Санкт-Петербург вернулся уже не Коба, а Сталин. Партийную кличку сменил

партийный псевдоним.

Сталин, как и Коба, остался сторонником Ленина. Монархический режим был свергнут в результате стихийных выступлений народных масс. Для большевиков пришла пора брать власть в свои руки, опираясь на поддержку германского кайзера, пытавшегося свалить своего главного врага не мытьем, так катаньем. Время пришло!

Для Сталина пришло и другое время — время новой любви. Большой любви, пожалуй, самой большой в его долгой жизни.

Еще в 1904 году, будучи в Тифлисе, Коба познакомился с большевиком Сергеем Аллилуевым. Сергей работал в железнодорожных мастерских, где в так называемых «рабочих кружках» агитировал трудящихся Коба.

У Аллилуева была красавица жена, известная на весь город не только своей красотой, но и чрезмерной, гипертрофированной экзальтацией. История их женитьбы была весьма романтической — юная дева, которой на тот момент, кажется, не было и четырнадцати лет, сбежала с будущим мужем, вылезши из окна отчего дома с трогательным узелком в руках.

Аллилуев работал и делал революцию, а его жена меняла кавалеров и поражала окружающих. Поговаривали, что и Коба пользовался ее благосклонностью. Но, несмотря ни на что, после каждого следующего романа жена возвращалась к терпеливому и покладистому мужу. Это была классическая пара — ветреная легкомысленная роза и трудолюбивый всепрощающий жук.

Коба стал другом Аллилуевых. Он не только трудился на благо революции бок о бок с Сергеем, но и дружил с ним. Настолько, насколько он был вообще способен дружить. Он писал Аллилуевым из Туруханки, жалуясь на свое бедственное положение. Они даже выслали ему немного денег. В ответ Коба написал: «Прошу только об одном: не тратьтесь на меня, вам деньги самим нужны, у вас большая семья... Я буду доволен и тем, если вы время от времени будете присылать открытые письма с видами природы... В этом проклятом краю природа скудна до безобразия, и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге».

По возвращении из ссылки Сталин остановился у Аллилуевых. Они давно уже переехали в Петербург, где глава семьи работал мастером в Обществе электрического освещения и попутно вел подрывную работу в самом сердце самодержавия, под боком у царя. Примечательно, что в июльские дни 1917 года в квартире Аллилуевых несколько суток скрывался и сам Ленин, которому отвели небольшую комнату дочери Сергея, гимназистки Надежды.

Здесь, на квартире у Аллилуевых, и встретились двое — восторженная шестнадцатилетняя гимназистка и изрядно побитый жизнью революционер.

Ей было всего шестнадцать лет, ему — тридцать восемь. Подобно матери, дочь отдала свое первое чувство не сверстнику, а зрелому мужчине.

Надежда была младшим ребенком в семье. Старше ее были два брата — Павел и Федор, а также сестра Анна. Федор в 1918 году тронулся рассудком. То ли по вине некоего жестокого розыгрыша, учиненного над ним небезызвестным Камо, то ли еще по какой причине. В Надежде смешалось много кровей — русская, цыганская, грузинская, немецкая... Однако внешностью она напоминала грузинку или цыганку: тоненькая, грациозная девушка, смуглая, черноволосая и кареглазая. Сталину такие женщины очень нравились.

После Октябрьской революции Сталин, еще в 1914 году написавший по поручению Ленина брошюру о национальном вопросе, получил пост наркома по делам национальностей. Надежду Аллилуеву он взял к себе секретаршей. Вместе со всем большевистским правительством она переехала в Москву, вступила в партию и стала жить вместе со Сталиным, даже ездила вместе с ним на Царицынский фронт. Затем она перешла на работу в секретариат Совнаркома, поработала и в личном секретариате Ленина, в частности, была дежурным секретарем у него в Горках.

1918 год.
Царицынский фронт.

Невероятно, но в 1921 году во время очередной чистки (большевики постоянно очищали свои ряды от «чуждого элемента», была у них такая традиция) коммунистку Надежду Аллилуеву исключили из партии с позорной формулировкой «за недостаточную общественную деятельность». В дело вмешался сам Ленин, который счел необходимым обратиться к руководителям комиссии по чистке с письмом в защиту Надежды Аллилуевой.

«Всю семью Аллилуевых, - писал Ленин, - т. е. отца, мать и двух дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищеек Керенского». Разумеется, после такого, можно сказать, высочайшего заступничества «справедливость восторжествовала», и Надежду Аллилуеву тут же восстановили в партии.

Возле Ленина Надежда Аллилуева оставалась до самой его смерти. Вполне возможно, что ее переход в секретариат Ленина был организован Сталиным, ведь каждому политику пригодится свой человек в аппарате вождя. Борьба за власть — это прежде всего борьба за информацию: кто больше знает, тот и выигрывает.

Не исключено, что Надежда Аллилуева могла попутно играть еще одну роль — роль бдительного стража при заболевшем Ленине. Ни для кого не секрет, что жадные до власти «товарищи» при первой же возможности убрали Ленина с политической арены, буквально сослав его в Горки якобы для поправки здоровья. Товарищ Сталин был одним из главных организаторов «ссылки» Ленина и, несомненно, должен был использовать близость Надежды Аллилуевой к вождю в своих целях. Искусно манипулируя всеми, кто встречался на его жизненном пути, он ни за что бы не упустил подобную возможность, а скорее всего — заблаговременно и предусмотрительно создал бы ее, что он, впрочем, и сделал.

После смерти Ленина Аллилуева перешла на работу в редакцию журнала «Революция и культура», своеобразного приложения к газете «Правда», затем начала учиться на факультете искусственного волокна в Промышленной академии, где секретарем партийной ячейки был молодой Никита Хрущев, недавно приехавший в столицу из Донбасса. Тот самый Никита Хрущев, который при жизни Сталина был верным проводником его политики и, кроме того, превосходным исполнителем гопака на кремлевских пирушках в узком кругу, а после смерти «отца народов» развенчал культ его личности и предал мертвого вождя партийной анафеме.

Вот что вспоминал Никита Хрущев о второй жене Сталина: «Когда она училась в Промышленной академии, то очень мало людей знали, что она жена Сталина. Аллилуева и Аллилуева. У нас еще один был Аллилуев — горняк. Надя никогда не пользовалась доступными ей привилегиями. Она никогда не ездила в Промышленную академию на машине и не уезжала из академии в Кремль на машине. Нет, она приезжала трамваем. Она ничем не выделялась в массе студентов. Ограниченный круг людей знал, что Аллилуева — жена Сталина. Это было умно с ее стороны — не показывать, что она близка к человеку, который в политическом мире среди друзей и врагов считается человеком номер один».

Надежда в 1917 году.

Бежавший за границу и там опубликовавший свои воспоминания секретарь Сталина Бажанов писал, что Иосиф Сталин и его жена были совершенно несхожи характерами: «Надя ни в чем не была похожа на Сталина. Она была очень хорошим, порядочным и честным человеком. Она не была красива, но у нее было милое, открытое и симпатичное лицо.

Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг нее какая-то пустота — женщин-подруг у нее в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться: если Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой, — сживет со свету. У меня было явное ощущение, что жена почти диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях...

Домашняя ее жизнь была трудна. Дома Сталин был тиран. Постоянно сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними. Не раз Надя говорила мне, вздыхая: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются, необычайно тяжелый человек». Но разговоров о Сталине я старался избегать — я уже представлял себе, что такое Сталин, бедная Надя только начинала, видимо, открывать его аморальность и бесчеловечность и не хотела сама верить в эти открытия».

Но нельзя утверждать, что Сталин и Аллилуева с самого начала совместной жизни были несчастны. Отнюдь. Их роскошный дом (бывшее подмосковное имение нефтяных королей Зубаловых, на чьих заводах в Баку Коба когда-то организовывал стачки) был полон гостей

— сподвижников и соратников. Все были веселы, полны сил и с надеждой глядели в светлое будущее. Всем казалось, что тюрьмы, подпольная работа, террор остались позади...

Надежда родила Сталину сына Василия (1921 г.) и дочь Светлану (1926 г.), которых Сталин, казалось, искренне любил в отличие от своего первенца Якова. Яков жил вместе с ними, и, надо сказать, Надежда его не любила. Она писала Марии Сванидзе, сестре своей предшественницы — первой жены Сталина Екатерины: «Я уже потеряла всякую надежду, что он {Яков. — А. Ш.) когда-либо сможет взяться за ум. Полное отсутствие всякого интереса и всякой цели... Очень жаль и очень неприятно за Иосифа, его это (при общих разговорах с товарищами) иногда очень задевает».

Неприкаянный Яша попытался было зажить самостоятельно и решил жениться, но Сталин не разрешил, и Яша с горя попытался застрелиться. Вспоминает Светлана Аллилуева, дочь Сталина и Надежды Аллилуевой: «Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, — пуля прошла навывлет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал!» — любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем».

Сталин, Ленин и Калинин. 1919 год.

Несчастный Яков решил бежать. Куда? Как ни странно, Яков Джугашвили бежал в Ленинград, к Аллилуевым. Сталин написал Надежде, гостившей в то время у родителей: «Передай Яше от меня, что он ведет себя как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть ничего общего. Пусть живет где хочет и с кем хочет».

Постепенно любовь начала остывать. Надежда большую часть свободного времени уделяла детям, а Сталин — борьбе за власть. В кругу стареющих революционеров, жен кремлевских вождей, Надежда

откровенно скучала. С друзьями мужа, вернее, с теми, кто считал себя друзьями Сталина, у нее тем более не могло быть ничего общего.

Ей хотелось веселья, интересной, искрометной жизни, хотелось очаровывать, блистать, упиваться вниманием окружающих, а мир вокруг делился на «товарищей по партии», «классовых врагов» и «баб». Общество «настоящих большевиков», унылое, грубое и ограниченное, претило Надежде. Сталину было не до нее — он по уши увяз в политике, в интригах, в строительстве нового общества, «самого справедливого на Земле». Начались ссоры. Ссориться они умели оба — подолгу и с упоением. Раз Надежда даже сбежала с детьми от мужа к родителям, в Ленинград, но там почувствовала себя еще хуже, чем в Москве, и быстро вернулась обратно.

Но дома все пошло по-прежнему — невнимание, обиды, выяснения отношений, холодные примирения, новые обиды. «Проклятая баба» никак не могла понять свое место в жизни, и товарища Сталина это очень раздражало. Скорее всего, именно в конце двадцатых — начале тридцатых годов он решил, что семейная жизнь не для него, не для Вождя.

Семейная жизнь отягощает, нервирует, отнимает драгоценное время...

«Мучитель ты, вот ты кто! Ты мучаешь собственного сына, мучаешь жену, весь народ замучил!» — крикнула во время одной из ссор с мужем Надежда Аллилуева.

Воистину сказано: «гораздо лучше обличить, нежели сердиться тайно; и обличаемый наедине предостережется от вреда» (Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. 20:1).

Жребий был брошен, и развязка не заставила себя ждать.

Ночью 8 ноября 1932 года Надежда Аллилуева ушла из жизни. Не то покончила жизнь самоубийством, застрелявшись из подаренного братом пистолета «вальтер», не то была застрелена собственным мужем. Тайна этой трагедии надежно скрыта во мраке прошлого...

Иосиф и Надежда. 1932 год.

7 ноября был праздничный вечер у Ворошиловых по поводу пятнадцатилетней (юбилей!) годовщины октябрьских событий 1917 года. Надежда тщательно подготовилась к торжеству — сделала новую прическу, надела новое черное платье, привезенное из Германии, и даже украсила волосы чайной розой. Короче говоря, собиралась, словно на бал.

И бал удался - Надежда Аллилуева была в центре внимания, много танцевала, часто улыбалась, бокал за бокалом пила шампанское и... Здесь мнения очевидцев расходятся. Одни утверждают, что, заметив, как ее муж заигрывает с чужой женой, Надежда сама начала кокетничать напропалую и услышала от мужа очередную грубость. «Эй ты!» — сказал ей взбешенный Сталин. Она ответила: «Я тебе не «эй», — и вышла из-за стола. Другие говорят, что Сталин начал заигрывать с чужой женой лишь в ответ на кокетство Надежды.

Послушаем Вячеслава Молотова, верного соратника Сталина, одного из немногих старых большевиков, которому удалось пережить двух вождей — и Ленина, и Сталина: «Причина смерти Аллилуевой — ревность, конечно... Была большая компания на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, и будто бы это сыграло роль... Она была в то время немного психопаткой. С того вечера она ушла с моей женой. Они гуляли по Кремлю, и она жаловалась моей жене: «То не нравится, это не нравится... и почему он так заигрывал?» А было все просто: немного выпил, шутил, но на нее подействовало».

Кто-то впоследствии утверждал, что хорошо выпивший Сталин на этом вечере бросал в лицо Надежды Аллилуевой окурки и апельсиновые корки...

На следующее утро Надежду Аллилуеву нашли мертвой в ее комнате. Роза, бывшая в ее волосах, лежала на полу перед дверью...

Не желая выносить сор из избы и становиться объектом сплетен, Сталин сделал самоубийство (или убийство) Надежды государственной тайной. В «Правде» опубликовали туманный некролог: «Не стало дорогого нам товарища, человека прекрасной души. От нас ушла молодая, еще полная сил и бесконечно преданная партии и революции большевичка...»

Официальное сообщение о смерти Надежды Аллилуевой гласило: «ЦК ВКП(б) с прискорбием доводит до сведения товарищей, что в ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии...»

Надежда и Светлана.

И нигде не было сказано ни единого слова о причинах смерти Надежды.

Говорили, что Сталин во время церемонии прощания с женой в ярости оттолкнул гроб. Молотов опровергает этот слух: «Я никогда не видел Сталина плачущим, а тут, у гроба, слезы покатались. Она очень любила Сталина — это факт... Гроб он не отталкивал, подошел и сказал: «Не уберег»».

Сталин устроил жене роскошные похороны, совершенно буржуазные по духу. Роскошный катафалк под бордовым балдахином медленно провезли почти через всю тогдашнюю Москву — от Кремля к Новодевичьему кладбищу.

Сталин, опасаясь покушения (опасения были не напрасны, ведь его врагами являлись профессиональные революционеры — оголтелые террористы и безжалостные убийцы), прошел рядом с катафалком — с непокрытой головой, в распахнутой шинели — только по Манежной площади, где не было жилых домов, а значит, можно было не опасаться выстрела из чьего-нибудь окна. Потом он сел в машину, случайно или намеренно оставив в процессии «двойника» — брата своей первой жены Александра Сванидзе, которого издалека легко можно было спутать со

Сталиным.

После похорон Надежды, когда концы уже были надежно спрятаны в воду, то есть в землю, чекисты начали распускать слух о том, что Надежда Аллилуева умерла от аппендицита. Так сказать, «неофициальная» официальная версия.

«Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала, — напишет впоследствии Светлана Аллилуева. — Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции, к тем энтузиастам- труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки, только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда... И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла в конце концов, что отец не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование».

После смерти Надежды наступило время сведения счетов с семейством Аллилуевых. Бывшего тестя и бывшую тещу Сталин трогать не стал — любезно предоставил им возможность умереть своей смертью. Сергей Аллилуев умер в 1945 году на пороге своего восьмидесятилетия, а его супруга скончалась в 1951 году в возрасте семидесяти шести лет.

Возможно, Сталин сознавал в душе свою вину перед ними, а может, просто не рискнул объявлять врагом народа и агентом империализма большевика, на квартире которого летом 1917 года скрывался от преследования сам Владимир Ленин. Но вот на других родственниках покойной жены он, что называется, отыгрался по полной. Правда, не скоро - спустя годы.

Сталин с дочерью. 1935 год.

Старший брат Надежды Павел, выйдя на работу после очередного отпуска, умер в своем кабинете от сердечного приступа. Произошло это в 1938 году, а спустя ровно десять лет, в 1948 году, за «отравление» мужа осудили на десять лет заключения его вдову — Евгению Аллилуеву. Вместе с ней была осуждена на такой же срок старшая сестра Надежды Аллилуевой Анна, незадолго до того опубликовавшая свои воспоминания о революции и о собственной семье. Воспоминания эти сильно не понравились товарищу Сталину, что и предрешило судьбу их автора.

Восхождение Сталина к вершине власти было долгим и заняло более десяти лет. Пост Генерального секретаря большевистской партии, вначале задуманный как технический, был превращен им в Главную Должность страны. Резонно — кто правит Партией, тот правит и Страной.

Во время болезни Ленина страной правили трое — Зиновьев, Каменев и Сталин. Пройдет время, и Зиновьев с Каменевым, так же как и Бухарин, и Радек, и многие другие, будут уничтожены. Наверху останется один человек — великий и скромный товарищ Сталин.

Соратников своих, составлявших так называемую «ленинскую гвардию», Сталин истребил беспощадно, методично и практически полностью. В живых остались единицы — Молотов, Микоян, Калинин... Те, кто вовремя понял, кто в доме Хозяин, и до самой смерти не забывал

этого.

Ни к чему ссылаться на мнимую психическую ненормальность Сталина — он был крепок и умом, и духом. Навряд ли могло быть совместимо с психическим заболеванием умение Сталина манипулировать людьми, искусно вербовать сторонников и столь же искусно избавляться от них, выбирая для нападения наиболее подходящий момент.

Должно быть, товарищ Сталин хорошо запомнил ленинские слова, те самые, которые приводил в своих записках Троцкий: «Ленин не раз издевался над так называемыми старыми большевиками и даже говаривал, что революционеров в 50 лет следует отправлять к праотцам. В этой невеселой шутке была серьезная мысль: каждое революционное поколение становится на известном рубеже препятствием к дальнейшему развитию той идеи, которую они вынесли на своих плечах».

Бывшие товарищи превратились в балласт, причем балласт взрывоопасный (те еще были деятели — один беспощадный убийца Киров чего стоил), и потому были сброшены в небытие. Из партии ленинской Сталин создал свою собственную, послушную только ему одному партию.

Кстати говоря, сметя с доски «ленинскую гвардию», Сталин как управленец выиграл и в том, что избавился от малокомпетентных, но очень амбициозных сотрудников. Новая смена прилежно училась, столь же прилежно трудилась и не помышляла о создании фракций, группировок и течений внутри партии.

Недальновидные читатели могут сказать, что достаточно было просто отправить бывших соратников в отставку. Нет, товарищ Сталин не мог позволить себе подобной роскоши — создать своими собственными руками оппозицию себе же. Только на том свете «товарищи» были ему не опасны. И вообще, еще Ленин сказал, что «революцию не делают в белых перчатках»!

Товарищ Сталин действовал изобретательно и в соответствии с ситуацией. Его враги кончали жизнь по-разному — умирали на операционном столе, от сердечных приступов, получали по голове ледорубом, «выводились в расход» (прекрасное образное выражение, подаренное миру большевиками) по приговору суда, выбрасывались из окон, стрелялись, а некоторые, тот же Киров, становились жертвами покушений. Подобно тому, как искусный кулинар находит свою приправу для каждого блюда, так и товарищ Сталин каждому из тех, кого он считал своим врагом, уготовливал свой конец. И неважно, закопают врага в безвестном овраге или с почетом похоронят на лучшем кладбище. Важен

результат.

Волны тотальных репрессий тоже не стоит объяснять мнимым сумасшествием вождя. Ларчик открывался просто. Во-первых, стране, жившей по мифическим «экономическим законам социализма», позарез требовалась дешевая рабочая сила, оптимальным вариантом которой были заключенные. Во-вторых, далеко не все население сразу и безоговорочно приняло власть Советов — надо было избавляться от несогласных. Ну и в-третьих, действовал старый принцип — «пока холопы грызутся, князь спит спокойно». Вот, собственно, и все мотивы. Никакой психиатрии.

После смерти Надежды Сталин более не женился. В народе считали, что вождь не хочет приводить в дом мачеху для своих детей, и одобряли это решение.

К детям от второго брака Сталин относился хорошо, особенно он любил Светлану. Портрет вождя с дочерью был непременным украшением каждой советской школы.

Василий Сталин вырос своенравным, жестоким, избалованным и ленивым. Несмотря на сильное пристрастие к спиртному, он сделал головокружительную карьеру — в двадцать один год стал полковником, а в двадцать семь лет — генерал-лейтенантом и командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Вскоре после смерти отца его уволили из армии, а затем приговорили к восьмилетнему заключению по обвинению в растратах казенных средств и превышении власти. Умер Василий Сталин в 1962 году.

Непросто сложилась и судьба Светланы. Вначале все складывалось, как положено дочери вождя, — исторический факультет МГУ, аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидатская степень... В 1967 году Светлана покинула родину, став невозвращений (так назывались те, кто отказывался вернуться домой во время поездки за рубеж).

Конечно же оставшуюся часть жизни Сталин не жил монахом. В его жизни были женщины — от известных певиц до простых девушек из обслуги, но ни одной из них не удалось оставить свой след в истории. Но самым главным романом в жизни Иосифа Сталина был его роман с властью, которой он дорожил больше, чем любой из своих женщин. Власть над людьми упоительна, а власть над миллионами упоительна тысячекратно. Особенно когда она крепка и непоколебима.

Если дом построен правильно, то ему не страшны никакие бури. Власть Сталина не могло поколебать ничто. И в мирное, и в военное время он правил твердой рукой, постепенно распространив свою власть далеко за пределы Советского Союза, на весь так называемый «социалистический

лагерь». От Пхеньяна до Праги ничего не могло свершиться без ведома товарища Сталина и его согласия.

Должно быть, в конце жизни он сильно жалел о том, что не смог покорить весь мир. Можно представить себе Всемирную Советскую республику, во главе которой стоит товарищ Сталин, «отец народов»...

Умер Сталин внезапно, от кровоизлияния в мозг, но его агония растянулась на четыре дня, пока наконец утром 6 марта 1953 года московское радио не объявило о смерти вождя.

Похороны Иосифа Сталина сопровождалась давкой, в которой погибло много людей. Подобно языческому правителю он не мог уйти в одиночку, без свиты...

* * *

О себе Сталин говорил так: «Что касается меня, я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником».

«Как жаль, что ты не стал священником», — сказала Екатерина Джугашвили своему сыну в их последнюю встречу, незадолго до ее смерти.

Действительно, жаль. Вся история XX века могла бы сложиться иначе, если бы Владимир Ульянов стал казанским адвокатом, Адольф Гитлер — венским художником, а Иосиф Сталин — настоятелем горийского кафедрального собора, рядом с которым прошло его детство. Во всяком случае, их любимые женщины от этого только выиграли бы...

Эпилог

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.
Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.
А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Поэту Игорю Северянину удалось нарисовать прекрасную картину любви королевы и пажа. Одна «ажурная пена» чего стоит... И госпожа, превратившаяся наедине с любимым в рабыню... Любовь — великая сила. Любви подвластно все. Для любви не существует преград.

Так уж и никаких преград? Что это — аксиома или красивая метафора? «Когда власть любви превзойдет любовь к власти, настанет мир на земле», — утверждал певец Джимми Хендрикс.

Пожалуй, это самое удачное высказывание, увязывающее воедино такие вечные понятия, как власть и любовь. Впрочем, любовь всегда, во все времена оставалась для человечества на первом месте. По некоему праву? Или просто потому, что любить способны почти все люди, а вот власти, настоящей, огромной власти, власти над странами и народами, добиваются, в сущности, единицы?

Отчасти — потому. Но главная причина в том, что любовь всеобъемлюща, вездесуща. Все наше бытие проникнуто любовью, и невозможно представить человечество вне любви. А без власти, я имею в виду абсолютную, деспотическую власть, можно, и еще как!

Некоторые читатели в системе собственных ценностей могут задвинуть любовь на последнее место, утверждая, что это понятие условное, призрачное, которое если и существует, то неизвестно где. А власть — вот она! Чингисхан, Наполеон, Сталин... Тысячи книг, множество

хроник, груды исследований... Это — было, было реально, а значит, это важнее.

Ну что ж — пусть каждый считает, как ему вздумается. Недаром говорится: «на вкус и цвет товарища нет».

Считается, что для того, чтобы успешно заниматься каким-либо делом, его непременно нужно любить всей душой. Иначе — высот не достигнешь. Это справедливо, очень мало кто достигал высот по принуждению. Исключения только подтверждают правила.

Стало быть, чтобы успешно управлять людьми, надо их любить? Вроде бы так... И тогда можно будет подняться к самым вершинам власти? Может быть... Значит ли это, что каждый, кто приходил к власти «с низов», был преисполнен любви к своим братьям и оттого... Нет, если рассуждать подобным образом, то можно выстроить некую утопичную модель обретения власти. В какой-то мере логичную, несомненно — красивую, но — совершенно нежизнеспособную. И в то же время любая власть без любви — бесплодная пустыня, которая никогда не даст тех всходов, которых от нее ждут. Вроде бы все на своих местах, но всегда чего-то недостает, и где-то там, в глубине души, постоянно ворочается некая неудовлетворенность, недовольство. Правитель бывает недоволен своими подданными, а те, в свою очередь, правителем. Недовольство копится, пока не достигает некой критической точки... Что бывает потом, мы все хорошо представляем.

«Наибольшую власть над мужчиной имеет женщина, которая, не отдаваясь ему, способна заставить его поверить, что он любим», — сказала австрийская писательница Мария Эбнер Эшенбах.

«Слабые натуры ведут себя исключительно властно с теми, кого они находят еще более слабыми», — считал француз Этьен Рей.

«Власть развращает. А абсолютная власть развращает абсолютно», — уверен американский писатель Чак Паланик.

«До тех пор пока люди будут преклоняться перед Цезарями и Наполеонами, Цезари и Наполеоны будут приходить к власти и приносить людям несчастья», — сказал однажды английский писатель Олдос Хаксли.

«Стремление к власти так же присуще человеку, как и преклонение перед властью над собой. Первое свойство делает из нас тиранов, второе — рабов», считал философ Уильям Гэзлитг.

Власть — это огромная сила!

Власть — это страсть, сильное чувство, сильное настолько, чтобы подчинить себе человеческую личность целиком, без остатка, вытеснив напроць все остальные человеческие чувства. Зачастую власть заставляет

забыть и о справедливости, и о порядочности, и о любви.

Стремление к власти, достижение власти, жажда неких абсолютных полномочий, как правило, связаны с одной очень большой, очень значимой жертвой. Адепт власти приносит ей в жертву себя самого. Свою энергию, свою волю, свои чувства. Обретение власти, особенно власти абсолютной, как правило, не проходит для человека бесследно.

Разумеется, изначально, пусть даже и не очень долго, любой тиран был вполне обычным человеком с обычными, присущими всем людям чувствами, стремлениями и надеждами. Был. До тех пор, пока не вкусил прелесть власти, возможность повелевать себе подобными. С этого момента характер начинал меняться, меняться далеко не в самую лучшую сторону, и постепенно из обычного, зачастую даже весьма неплохого изначально человека начинал выкристаллизовываться тиран, деспот, сатрап.

В какой момент оказывалась перейдена та невидимая грань, за которой оставалось все человеческое? Уж не в тот ли миг, когда понятие любви утрачивало свой первоначальный смысл, уступая место жажде обладания, не более того?

Конечно же, волею случая, у власти могли оказаться жестокие маньяки, вроде Калигулы или того же Алессандро Медичи. Судя по поведению этих людей, им вряд ли было доступно что-то человеческое. С ранней юности они погрязли в пороках и насилии и не столько правили своими подданными, сколько ужасали их своими злодеяниями...

Тиран тирану рознь. Одни получают власть благодаря родству, другие долго добиваются ее, подчиняя все свои помыслы достижению заветной цели. Разными путями люди приходят к власти, но почему-то, достигнув ее, начинают вести себя одинаково.

Хотя бы по отношению к любви.

Не исключено, что Темуджин, впоследствии ставший Чингисханом, искренне любил свою первую жену Борте. Точно так же, как Иосиф Джугашвили любил Екатерину Геладзе. В самом начале своего пути оба они принадлежали самим себе и были вольны распоряжаться своими чувствами так, как им хотелось. Позже все стало иначе. Потребность в любви исчезла, уступив место желанию обладать, владеть, повелевать. Невозможно быть деспотом и одновременно — романтически влюбленным воздыхателем. Тираны не добиваются благосклонности тех, на кого пал их выбор, они берут свое, берут то, что, по их мнению, принадлежит им по праву сильного. Берут, тешатся и отбрасывают в сторону.. Такова жизнь.

Люди меняются незаметно для себя. Самим себе они кажутся

прежними. Те же чувства, те же стремления, только вот мотивы уже другие. И способы достижения поставленных целей совсем не те, что раньше.

Тираны быстро привыкают к тому, что все вокруг начинают пресмыкаться перед ними, изображая восхищение, покорность. К хорошему привыкаешь быстро. И такого же отношения, не меньше, тираны ожидают в любви.

О каком родстве душ может идти речь, если один из любовной пары призван повелевать, а другой — подчиняться? Да ни о каком... Подобная, с позволения сказать, любовь подменяется или лицемерным действием, или актом беспрекословного подчинения, или банальным насилием. Чем угодно — но только не любовью!

В большинстве своем тираны склонны тешить себя мыслью о том, что они являются несравненными любовниками и тонкими знатоками человеческих душ. Их обычно никогда не разубеждают, некому разубеждать, и, не встречая противодействия, их самомнение растет как на дрожжах. Они получают ту любовь, которую хотят получить, точнее говоря — под видом любви им преподносят то, что они желают видеть.

Среди всех чувств и отношений, которые познает человек в течение своей жизни, есть одно, глубже всего потрясающее души, сильнее всего побуждающее раскрыть все способности, скрытые в потаенных глубинах его натуры. Это — любовь, могучее чувство, высшее напряжение всех сил, испытание всех способностей и возможностей человека. Чтобы любить и быть любимым, нужно доказать свое право на любовь, реализовать себя в любви, призвав на помощь все свои силы. В любви всякий человек не только обнажает свой характер, но и демонстрирует свою сущность. Согласитесь, что в большинстве случаев достаточно знать, как любит человек, каков он в любви, чтобы составить о нем верное мнение. Совершенно не случайно во всех видах искусства, будь то поэзия, музыка или, к примеру, живопись, любовь, как высшее откровение человеческой души, всегда являлась и будет являться главным движущим мотивом, главным стимулом и в то же время — главнейшей из основ.

Человечество поступательно развивается, и вместе с ним развивается, изменяясь, любовь.

В зависимости от условий, от уровня развития общества, от глубины человеческого восприятия, перетекают друг в друга различные формы любви, основной критерий эволюции человеческой души. Любовь выражает характер эпохи, рисует нравы среды.

Благословенна та любовь, что соединяет два счастья в одно качественно новое, общее счастье. Радость совместного счастья может

оценить только тот, кто им обладает, для всех остальных это всего лишь красивые слова, не более того.

«*Inter dominum et servum nulla amicitia est*», — говорили древние римляне — «Между хозяином и слугой нет (не может быть) дружбы». Это верно, но раз не может быть дружбы, то, значит, и любви там не место. Ведь любовь неотделима от дружбы как таковой. Между тираном и любимым из его подданных не место равенству. Здесь уместно одно лишь чувство власти и идущее навстречу ему во всем чувство покорности. Здесь никогда не достичь наивысшего наслаждения, подразумевающего совпадение двух душ, под наивысшим наслаждением здесь понимают сладострастие абсолютного доминирования в сочетании со сладострастием подчинения и унижения.

Деспот обретает в своей любви удовлетворение своих необузданно-властных желаний и требует от объектов своей страсти полной покорности и безграничного самоотречения. Любовные игры являются для деспота естественным продолжением главной игры его жизни — они дают ему возможность ощутить власть еще над одним существом, и он может скатиться к самым чудовищным злодеяниям для того, чтобы как можно сильнее унижить своего партнера, причинить ему боль, чтобы сполна, до экстаза упиться своим господством.

Порой, в поисках новых ощущений, господин может поменяться ролями с жертвой, но по сути он будет продолжать оставаться господином. Для него «любить» означает «властвовать», «тиранствовать», «повелевать». Иной любви они и представить себе не могут. Возлюбленным деспотов остается только подчиняться их воле или, хотя бы, имитировать это подчинение. Имитировать искусно, дабы повелитель не заподозрил никакой фальши.

Характер, изуродованный своим «особым» положением, нередко кидается от невыразимой гордыни к глубочайшему унижению и наоборот. Тираны часто имеют склонность не только к болезненным и истеричным проявлениям своеволия, переходящим в самодурство, но и к не менее болезненным и столь же истеричным проявлениям смирения. Это неудивительно — ведь после небольшого перерыва можно упиться своей властью с еще большим наслаждением.

Любовь тирана — это жестокий, мучительный кошмар, а не любовь. Это причудливое сочетание притворной нежности и непритворной жестокости, та самая любовь, от которой рукой подать до ненависти. Не стоит искать счастья в подобных отношениях, там можно найти лишь непрерывное терзание и бесконечное страдание. Упасть перед любимым

человеком, зарыдать от притворного раскаяния, молить о прощении, а затем хладнокровно уничтожить его или, в лучшем случае, просто выбросить из своей жизни. Обычным людям такое не под силу.

Тиран — вечный неудачник в любви, иначе и быть не может, ведь любовь не является для него источником счастья, средоточием радости. Любовь тирана совершенно не гармонична, болезненна, мучительна.

«Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана», — говорил Фридрих Ницше. Что ж, возможно, отчасти он и прав, ведь в истории жизни каждого тирана можно найти несколько мрачных штрихов, будь то скупой самодур отец или преследования со стороны. Но есть в человеке некий условный стержень, который помогает ему не сломаться под гнетом обстоятельств, стержень, который в разных ситуациях позволяет оставаться человеком, а также выходить человеком из тяжелых испытаний. Имя этому стержню — любовь. Любовь не только к себе, но и к людям, может быть, к людям — в первую очередь.

«Тирания любит злых именно потому, что любит лезть, а свободный человек не может унижаться. Честный человек умеет любить, но он не льстит. Свойство тирана — отталкивать всех, сердце которых гордо и свободно», — сказал Аристотель.

По французскому писателю Никола Шамфору: «Определение деспотизма: такой порядок вещей, при котором высший низок, а низший унижен». И любовь деспота тоже следует этому порядку.

Умный и дальновидный человек может вести себя таким образом, чтобы не сгореть дотла в пламени любви своего повелителя. История знает множество подобных случаев, но наиболее умные люди всегда предпочитали держаться от тиранов подальше. Например, Надежда Аллилуева не следовала этому правилу и жестоко поплатилась за свою ошибку.

В заключение хочется пожелать всем читателям, чтобы в их жизни было как можно больше настоящей любви, этого светлого, чистого, радостного чувства!

Любите и будьте счастливы!